

Джордж Р.Р. Мартин

ТАНЕЦ
С ДРАКОНАМИ
ГРЕЗЫ И ПЫЛЬ

Песнь Льда и Огня

Джордж Мартин

**Танец с драконами.
Книга 1. Грёзы и пыль**

«Издательство АСТ»

2011

Мартин Д. Р.

Танец с драконами. Книга 1. Грёзы и пыль / Д. Р. Мартин —
«Издательство АСТ», 2011 — (Песнь Льда и Огня)

ISBN 978-5-271-44921-5

«Танцем драконов» издавна звали в Семи Королевствах войну. Но теперь война охватывает все новые и новые земли. Война катится с Севера – из-за Стены. Война идет с Запада – с Островов. Войну замышляет Юг, мечтающий посадить на Железный Трон свою ставленницу. И совсем уже неожиданную угрозу несет с Востока вошедшая в силу «мать драконов» Дейенерис... Что будет? Кровь и ненависть. Любовь и политика. И прежде всего – судьба, которой угодно было свести в смертоносном танце великие силы. Больше интересных фактов о вселенной Джорджа Мартина читайте в ЛитРес: Журнале

ISBN 978-5-271-44921-5

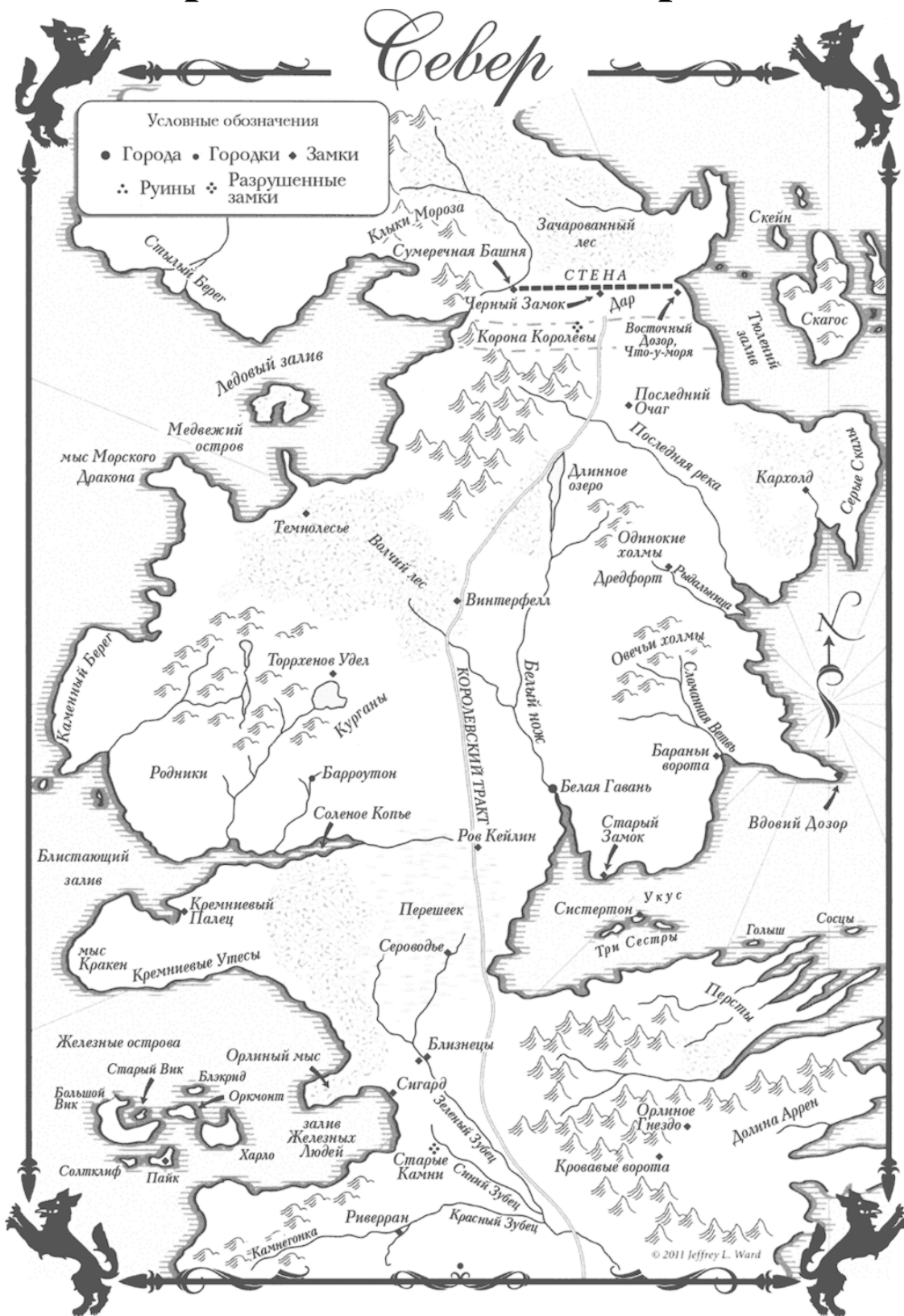
© Мартин Д. Р., 2011
© Издательство АСТ, 2011

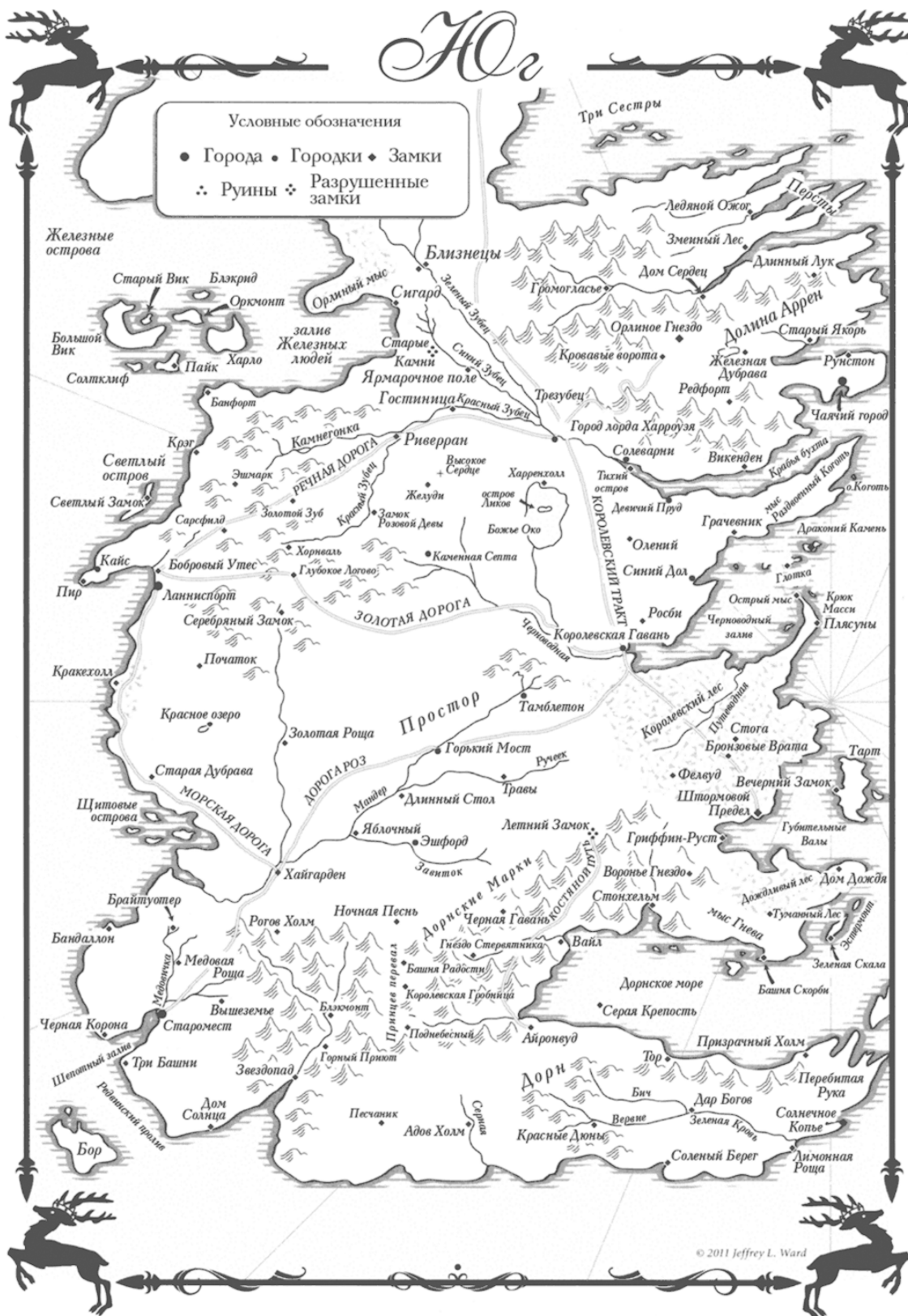
Содержание

Хронологическая справка	10
Пролог	11
Тирион	18
Дейенерис	27
Джон	37
Бран	46
Тирион	52
Купецкий приказчик	60
Джон	67
Тирион	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

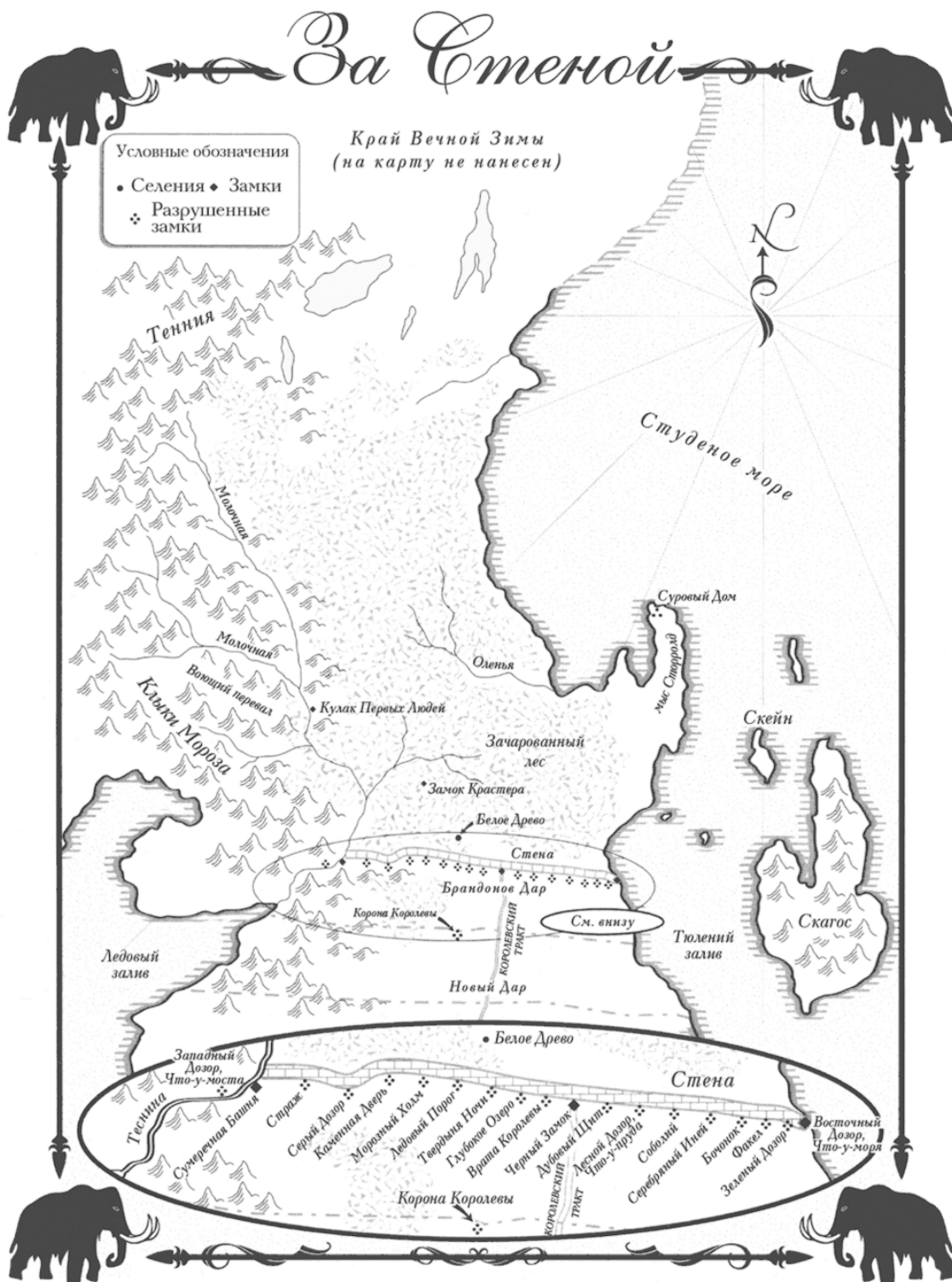
Джордж Р.Р. Мартин

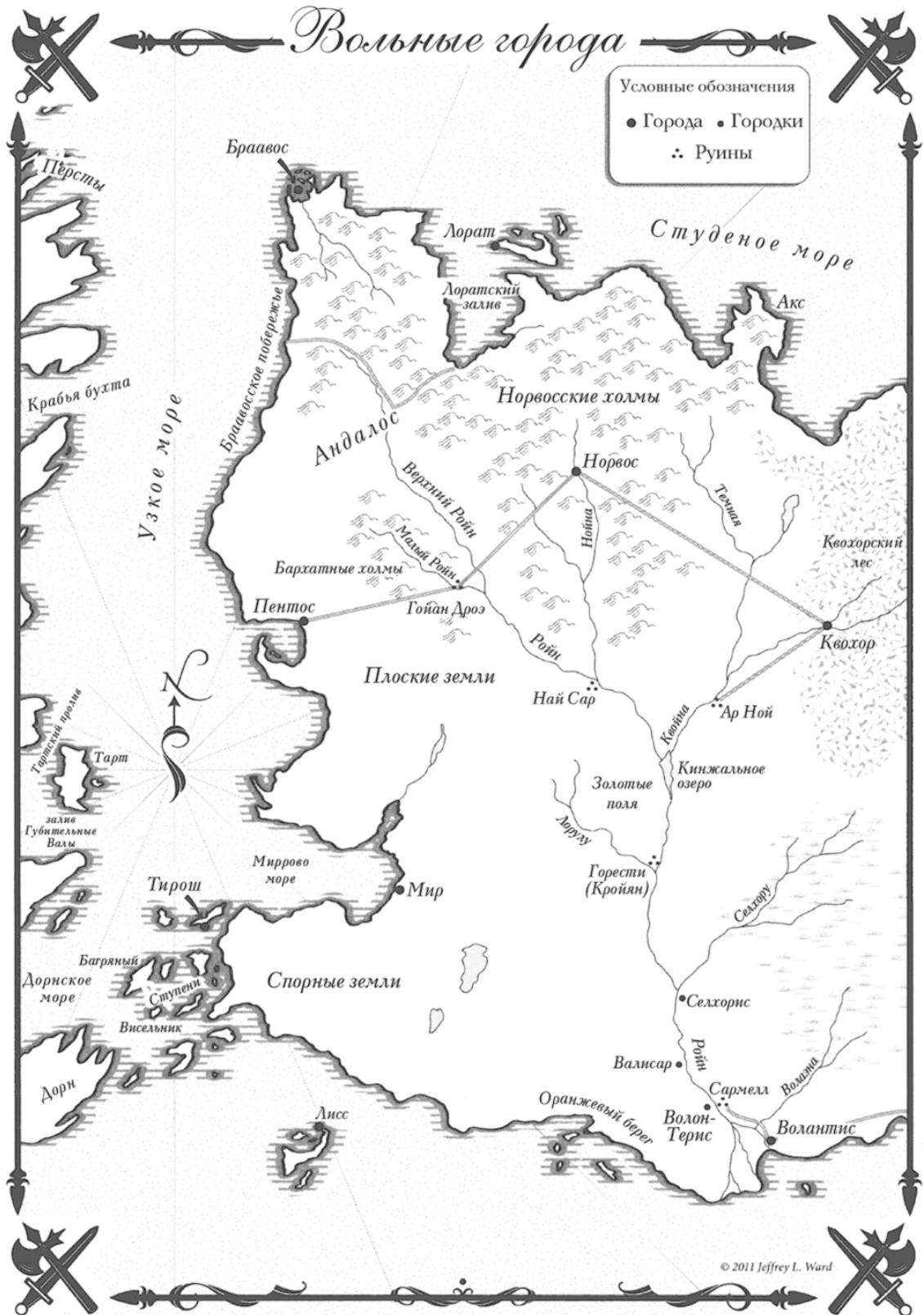
Танец с драконами. Книга 1. Грёзы и пыль

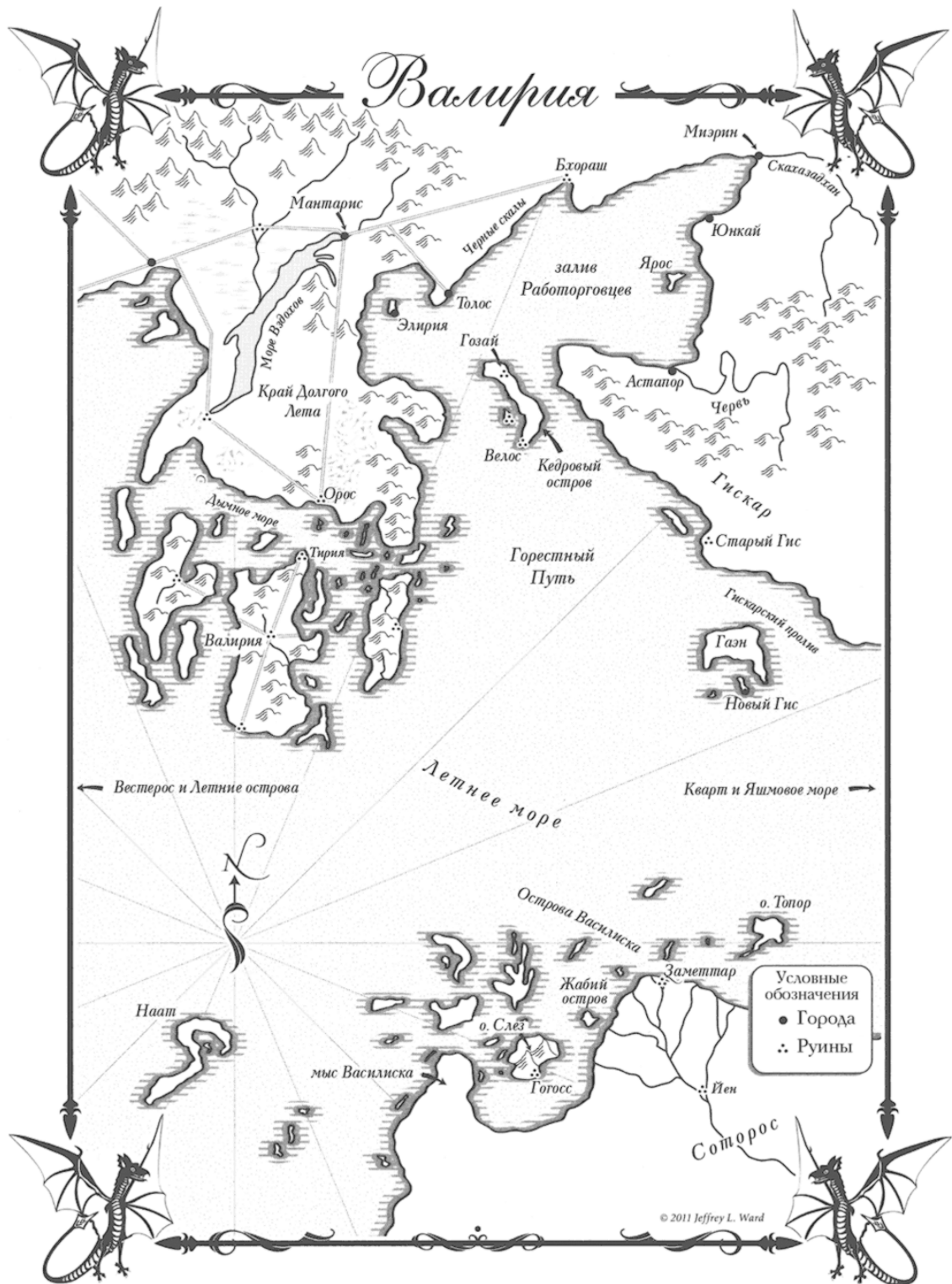

© 2011 Jeffrey L. Ward

Хронологическая справка

Между книгами прошло немало времени, знаю – поэтому небольшое вступление будет кстати.

Книга, которую вы держите в руках, – это пятый том саги «Песнь льда и огня». Четвертый называется «Пир стервятников». Пятая книга не продолжает четвертую в традиционном смысле, а движется параллельно с ней.

И «Пир», и «Танец» начинаются непосредственно после событий, описанных в третьей книге, «Буре мечей». Действие «Пира» происходит в Королевской Гавани и поблизости от нее, на Железных островах, в Дорне. «Танец» переносит нас в Черный Замок и за Узкое море, возобновляя истории Тириона Ланнистера, Джона Сноу, Дейенерис Таргариен и других персонажей, не участвовавших в четвертой книге. Различия между двумя книгами относятся скорее к географии, чем к хронологии, и скоро исчезнут совсем.

«Танец с драконами» длиннее «Пира» и охватывает более долгий период времени. Во второй половине книги вы снова встретитесь с персонажами «Пира стервятников». Это будет означать именно то, что вы думаете: повествование выйдет за хронологические рамки четвертой книги, и обе линии сольются в одну.

Следующая книга – «Вихри зимы». С надеждой еще раз попутешествовать вместе,

Джордж Р.Р. Мартин
Апрель 2011

Пролог

Ночь разила человеком. Варг принюхался, стоя под деревом; тень легла пятнами на его серо-бурый мех. Насыщенный хвоей ветер нес и другие запахи – лисица, заяц, олень, тюлень, даже волк, – но они тоже были связаны с человеком. Всё это старые шкуры, почти неразличимые под вонью дыма, крови и гнили. Только человек сдирает шкуры с других зверей и надевает их на себя.

Но варги в отличие от простых волков его не боятся. Снедаемый ненавистью и голодом зверь зарычал, призывая своего одноглазого брата, свою хитрую сестричку. Они, тоже чуя поживу, пустились за ним через лес. Их глаза помогли варгу, длинные серые пасти дышали паром. На лапах вырос твердый как камень лед, но впереди ждала добыча. Мясо. Сочная плоть.

В одиночку человек слаб. Видит он хорошо, зато слышит плохо, а чутье – совсем никуда. Олень, лось, даже заяц бегают быстрее него, медведь и вепрь страшнее в бою. А вот человечьи стаи опасны. Варг, приближаясь, слышал щенячий скулеж, хруст свежего снега под неуклюжими лапами, дребезжание твердых шкур и длинных серых когтей.

Мечи, подсказал ему голос внутри. *Копья*.

Голые ветки щерились ледяными зубами. Варг, вздымая снег, мчался через подлесок, остальные за ним – в гору и вниз, пока лес не расступился. Среди людей была одна самка. Детеныша, завернутого в мех, она прижимала к груди. *Оставь ее напоследок*, сказал голос внутри, *самцы опаснее*. Они громко ревели, как это водится у людей, но варг чуял их ужас. Один метнул деревянный зуб с себя ростом, но рука у него дрогнула, и зуб прошел высоко.

Волки напали.

Одноглазый брат повалил в снег метателя зуба и разорвал ему горло. Сестра подобралась сзади к другому самцу и убила его. На долю варга остались самка с детенышем.

У нее тоже был зуб, костяной, но она выронила его, когда варг схватил ее за ногу, – а пискуна своего удержала. Тощая под мехами, кожа да кости, зато в вымени полно молока. Самое вкусное, детеныша, вожак приберег для брата. Снег вокруг стаи сделался красным и розовым.

За много лиг от этого места, в глинобитной, крытой тростником хижине с дымовым отверстием и земляным полом трясся, и кашлял, и облизывался Варамир. Глаза у него покраснели, губы потрескались, в горле пересохло, раздутый живот молил о еде, но рот наполнился вкусом крови и жира. «Ребьячье мясо, – думал он, вспоминая Пышку. – Человечинка». Надо же, как низко он пал. Ему прямо-таки слышалось ворчание Хаггона: «Люди могут есть мясо животных, и звери – плоть человека, но человек, едящий себе подобных, мерзок».

«Мерзость». Любимое слово Хаггона. Есть человечину – мерзость; спариваться с кем-то, как волк с волчицей, – мерзость; занимать тело другого человека – наихудшая мерзость. Хаггон был слаб, потому что боялся собственной силы. Он умер, рыдая, когда Варамир отнял у него вторую жизнь и пожрал его сердце. Варамир многому у него научился, и последним уроком стал вкус человечины.

Он ел ее только в волчьем обличье, в человеческом никогда, а его стая... что ж стая? Они изголодались не меньше, чем он. Двое мужчин и женщина с младенцем убежали от победителей, но от смерти не убежали. Голод и холод все равно убили бы их. Так лучше, быстрее. Милосерднее.

– Милосерднее, – сказал он вслух. Горло саднило, но услышать человеческий голос, даже свой собственный, было приятно. В хижине пахло сыростью и плесенью, сидеть было жестко. Кашляя и содрогаясь попеременно, он подвинулся как можно ближе к огню, который больше дымил, чем грел. Рана, вновь открывшаяся в боку, причиняла ему сильную боль, кровь промочила штанину до колена и запеклась бурой коркой.

Колючка предупреждала, что рана может открыться. «Я зашила ее как могла, – говорила она, – но ты двигайся поменьше и дай ей зажить, иначе шов разойдется».

Копьеносица Колючка осталась с ним до последнего. Крепкая, как старый корень, обветренная, морщинистая, вся в бородавках. Все остальные отставали или уходили вперед – в свои старые деревни, на Молочную, в Суровый Дом или в лес, где их караулила смерть. Не все ли равно куда. Зря он тогда не вселился в кого-то из них. В одного из близнецов, в верзилу со шрамом, в рыжего парня. Побоялся: они могли догадаться, в чем тут дело, и прикончить его. Да и слова Хаггона не давали ему покоя, вот он и упустил случай.

Тысячи их пробирались через лес после битвы под Стеной, голодные и напуганные. Одни поговаривали о возвращении в давно покинутые дома, другие рвались опять штурмовать ворота, прочие, которых было больше всего, вовсе не знали, куда теперь идти и что делать. Они ушли от черных ворон и рыцарей в серой стали, но впереди их поджидали еще более безжалостные враги. Каждый день у тропы оставалось все больше мертвых. Люди гибли от голода, холода, от болезней, от руки бывших соратников, с которыми еще недавно шли на юг в войске Манса-Разбойника, Короля за Стеной.

«Манс пал, – шептались выжившие, – Манс в плену, Манс убит». «Харма мертва, Манс в плену, – говорила Колючка, зашивая ему рану, – все остальные нас бросили. Кто знает, где теперь Тормунд, Плакальщик, Шестишкурый, все другие храбрые воины».

«Она не знает, кто я, – понял тогда Варамир, – да и откуда ей знать». Без своих зверей Варамир Шестишкурый, преломлявший хлеб с Мансом-Разбойником, ничем не отличается от других. Он сам себя назвал Варамиром, когда ему было десять. Имя, достойное лорда, имя для песен, мощное, наводящее страх, однако его носитель улепetyвает от ворон не хуже испуганного зайчишки. Копьеносице он открыться не захотел, назвался Хаггоном. Непонятно, почему из всех на свете имен ему подвернулось это. Варамир съел его сердце и выпил кровь, но Хаггон не оставляет в покое ученика.

Однажды к беглецам прискакал разбойник на тощем белом коне. «Идите все на Молочную! – кричал он – Плакальщик собирает там войско, чтобы перейти Мост Черепов и взять Сумеречную Башню». Многие пошли за ним, многие нет. Позже какой-то грозный воин в янтаре и мехах ходил от костра к костру, убеждая всех идти на север и укрыться в долине теннов. Варамир так и не понял, почему он считает тот край безопасным, раз сами тены оттуда бежали, но с воином ушли несколько сотен человек. Еще несколько сотен последовали за лесной ведьмой: ей было видение, что некая флотилия идет к берегам Студеного моря, чтобы увезти вольный народ на юг. «К морю!» – призвала Мать Кротиха и увела своих верных на восток.

Будь Варамир крепче, он тоже пошел бы с ними, – но он был ранен и знал, что не дойдет до далекого холодного моря живым. Он умирал уже девять раз: эта смерть станет для него окончательной. Беличий плащ! Его пырнули ножом из-за беличьего плаща!

Владелице плаща разнесли голову всмятку, но вещь уцелела. Шел снег, а Варамир бросил все свое добро под Стеной. Спальные шкуры, вязаные подштанники, овчинные сапоги и меховые рукавицы, мед и другие запасы, волосы женщин, с которыми спал, даже золотые браслеты, подарок Манса. Варамир сгорел заживо, а после бежал, обезумев от боли и ужаса. Он до сих пор испытывал стыд, вспоминая об этом, но он такой был не один. Другие тоже бежали, сотни и тысячи. Битва была проиграна. Рыцари, неуязвимые в стальной броне, убивали всех, кто пытался оказать им сопротивление. Беги или умирай – вот как обстояло дело.

От смерти, однако, так легко не уйдешь. Когда Варамир стал снимать плащ с мертвой женщины, мальчишка бросился на него, пырнул костяным ножом и отнял добычу.

«Это была его мать, – объяснила Колючка, когда мальчишка убежал в лес. – Он увидел, как ты ее раздеваешь, ну и...»

«Она была мертвая, – оправдывался Варамир, морщась от костяной иглы, протыкавшей кожу. – Кто-то из ворон проломил ей голову».

«Не вороны, нет. Рогоногие, я сама видела. – Игла Колючки сновала туда-сюда. – Дикарей этих укрощать теперь некому. Если Манс погиб, вольному народу конец. И теннам тоже, и великанам, и Рогоногим, и пещерным жителям с подпиленными зубами, и тем, с западного берега, что ездят на костяных санках. Воронам – и тем конец. Ублюдки в черных плащах еще не знают, что полягут наравне с остальными. Враг близок».

Голос Хаггона отдавался в голове эхом. *Ты переживешь дюжину смертей, мальчик, и каждая причинит тебе боль... Но после истинной смерти настанет новая жизнь, вторая. Говорят, она милее и проще первой.*

Скоро Варамир Шестишкурый узнает, правда ли это. Истинная смерть проглядывает во всем. В едком дыму, наполняющем хижину. В жару, который чувствуешь, запустив руку под одежду, где кровоточит рана. В ознобе, сидящем в твоих костях. Последнюю смерть он претерпел от огня, теперь его убьет холод.

Тогда Варамир подумал, что какой-то лучник со Стены пронзил его горячей стрелой... но огонь пожирал его изнутри.

И боль, что за боль!

Варамир умирал уже девять раз. Однажды в него метнули копьё, в другой раз медведь загрыз, в третий он истек кровью, породив мертвого детеныша. Первая смерть постигла его в шесть лет, когда отцовский топор раскроил ему череп, но даже она не доставила ему таких мук, как этот огонь в кишках. Он хотел улететь, но от ужаса огонь запылал еще пуще. На миг он воспарил над Стеной, глядя орлиными глазами на побоище внизу. Потом сердце его обуглилось, и дух с визгом укрылся в собственной шкуре. От одного воспоминания об этом его затрясло, и он заметил, что огонь в хижине погас.

В груди обгорелых веток тлело лишь несколько угольков, но костер еще дымился – он разгорится, если добавить дров. Варамир, скрипя зубами от боли, подполз к хворосту, который Колючка собрала до того, как пойти на охоту.

– Ну, гори же, – прохрипел он. Раздувая угли, он без слов молился безымянным богам хвороста, холма, поля, но они не вняли ему.

Дым больше не шел, хижина сразу выстыла. Без кремня, без трута, без растопки огонь не разжечь.

– Колючка! – надорванным голосом позвал Варамир. – Колючка!

Подбородок у нее острый, нос сплюснутый, на щеке бородавка с четырьмя черными волосками, но он дорого дал бы, чтобы увидеть ее сейчас на пороге. Надо было вселиться в нее, пока не ушла. Сколько ее уже нет – два дня, три? В хижине так темно; он засыпал и просыпался несколько раз, не зная, день теперь или ночь. «Жди, – сказала она. – Я принесу поесть». Он и ждал, как дурак. Во сне к нему приходили Хаггон, и Пышка, и все дурное, что он содеял за свою долгую жизнь, а она все не возвращалась. Скорей всего и не вернется уже. Может, он чем-то выдал себя? Может, она догадалась, о чем он думает, или он проговорился во сне?

Мерзость, произнес Хаггон где-то рядом.

– Она всего лишь уродливая копейщица, – ответил ему Варамир, – а я великий маг. Я варг, меняющий кожу, – несправедливо, если она будет жить, а я нет.

Тишина. В хижине никого. Колючка – и та ушла. Бросила его, как все остальные.

Вспомнить хотя бы родную мать. По Пышке она плакала, по нему – нет. Когда отец вытащил его из постели, чтобы отвести к Хаггону, она даже не взглянула на сына. Он кричал и лягался, пока отец, тащивший его через лес, не вlepил ему затрещину. «Твое место с такими, как ты», – только и сказал родитель, швырнув его к ногам Хаггона.

«И прав был, в общем, – думал Варамир, сотрясаясь в ознобе. – Хаггон многому меня научил. Охотиться, рыбачить, разделявать туши и рыбу, находить дорогу в лесу. Научил секретам варгов, хотя его дар уступал моему».

Много лет спустя Варамир попытался найти родителей, рассказать им, что их Шишка стал великим колдуном, Шестишкурим. Но родители уже умерли, и тела их сожгли. Их прах смешался с корнями и ручьями, землей и камнем, грязью и пеплом. Так сказала матери лесная ведьма о Пышке в день его смерти, но Шишка не хотел превращаться в горстку земли. Он мечтал о песнях, сложенных в его честь, о поцелуях красавиц. «Вот вырасту и стану Королем за Стеной», – обещал он себе. Им он так и не стал, но был близок к этому. Имя Варамира Шестишкурого внушало страх людям. Он ездил верхом на белой медведице высотой в тринадцать ладоней, держал в неволе трех волков и сумеречного кота, сидел по правую руку от Манса-Разбойника. Напрасно он пошел за Мансом к Стене: надо было войти в медведя и растерзать короля.

До Манса Варамир жил что твой лорд, один в бревенчатом срубе, принадлежавшем ранее Хаггону. Звери верно служили ему, люди из дюжины деревень приносили хлеб, соль и сидр, фрукты и овощи. Мясо он добывал сам, за женщинами посылал сумеречного кота, и все, кого он желал, покорно приходили к нему. Плакали, но приходили. Варамир брал их, стриг волосы на память и отсылал назад. Время от времени какой-нибудь деревенский храбрец являлся с копьем уничтожить оборотня, чтобы спасти от него сестру, любимую или дочь – таких он убивал, но женщин не трогал. У некоторых даже дети рождались. Никчемные дурачки вроде Пышки, хоть бы один унаследовал его дар.

Страх помог Варамиру встать. Зажимая рану, он поковылял к двери, отвел драную шкуру, завешивающую вход. Перед ним выросла белая стена – снег! Не диво, что внутри так темно и дымно. Снегопад завалил хижину целиком.

Варамир налег на снежную стенку, и она сразу рухнула – мороз еще не скрепил ее. За ней стояла белая как смерть ночь; бледные облака служили свитой серебряной луне, звезды холодно смотрели на землю. Под снегом бугорками выступали другие хижины, над ними бледной тенью высилось одетое в лед чардрево. По заснеженным холмам к востоку и югу двигалась только поэмка, ничего более.

– Колючка, – слабо позвал Варамир, прикидывая, далеко ли она ушла. – Где ты, женщина?

Вдалеке завыл волк.

Варамира пробрала дрожь. Он знал этот голос не хуже, чем Шишка некогда – голос матери. Одноглазый. Самый старый из трех, самый большой, самый злой. Тихоступ моложе и проворней, Хитрюга, понятно, хитрее, но Одноглазый, не ведающий страха и жалости, держит в страхе обоих.

Пока орел сторал заживо, Варамир потерял власть над другими животными. Сумеречный кот убежал в лес, медведица задрала четырех человек, прежде чем ее пронзили копьем. Она и Варамира убила бы, окажись он поблизости. Медведица его ненавидела, ярилась всякий раз, как он влезал в ее шкуру или садился ей на спину.

Но волки...

Его братья. Его стая. Много холодных ночей он проспал вместе с ними, теплыми и мохнатыми. Когда он умрет, они обгложут его, и весной из-под снега оттают одни только кости. Эта мысль, как ни странно, внушала успокоение. Они часто охотились для него – будет только справедливо, если под конец пищи для них станет он. Очень возможно, что свою вторую жизнь он начнет, терзая собственный труп.

С собаками проще всего: они так долго жили бок о бок с человеком, что сами очеловечились. Влезать в собачью шкуру – все равно что обуваться в разношенные мягкие сапоги. Сапог шьется по ноге, а собака создана для ошейника, в том числе и незримого. Волки – иное

дело. Человек может подружиться с волком, может сломить его дух, но полностью никогда его не приручит. «С волком и женщиной сходишься на всю жизнь, – часто говаривал Хаггон. – Когда вы заключаете свой союз, ты становишься частью волка, а он – частью тебя. Перемена происходит с каждым из вас».

С другими зверями лучше не связываться, предупреждал он. Кошки тщеславны и жестоки – того гляди кинутся на тебя. Оставаясь слишком долго в шкуре травоядных, лося или оленя, даже самый храбрый человек становится трусом. Медведей, вепрей, ласок и барсуков Хаггон тоже не одобрял. «Некоторые шкуры лучше не надевать, мальчик, – тебе не понравится то, что они с тобой сделают». Хуже всего, по его мнению, были птицы. «Люди должны ходить по земле. Побудешь в облаках – не захочешь возвращаться обратно. Я знал перевертышей, которые вселялись в ястребов, сов и воронов. Даже в собственной коже они грустили и все тарасились на треклятую синеву».

Не все перевертыши, однако, были согласны с Хаггоном. Когда Шишке сравнялось десять, наставник ввел его в их круг. Больше всего там было варгов, братьев-волков, но другие показались мальчишке еще занятнее. Боррок как две капли воды походил на своего кабана, только клыков не хватало, у Орелла был орел, у Дикой Розы – сумеречная кошка (поглядев на них, Шишка и себе захотел кота), у Гризеллы коза...

До Варамира Шестишкурого никто из них не дотягивал, даже Хаггон – высокий, угрюмый, с жесткими как камень руками. Старый охотник умер, рыдая, когда Варамир отнял у него Серого: выгнал его и забрал зверя себе. «Не будет тебе второй жизни, старик». Тогда Варамир именовал себя Троешкурым; его четвертой шкурой стал Серый, но волк уже состарился, остался почти без зубов и скоро отправился вслед за Хаггоном.

Варамир мог вселиться в любого зверя, подчинить его своей воле. В собаку, в волка, в медведя, в барсука... да хоть в Колючку.

Как ни называй это, Хаггон, – мерзостью и самым тяжким из всех грехов – ты мертв, наполовину съеден и после сожжен. Манс тоже проклял бы Варамира, но Манс убит или попал в плен. Никто не узнает. Он преобразится в Колючку, и Варамир Шестишкурый умрет. Дар скорее всего уйдет вместе с телом. Он лишится своих волков и проживет остаток дней тощей бородавчатой бабой – но это все-таки жизнь. Если она вернется, конечно. Если у него еще хватит сил вселиться в нее.

Ох, тошно. Упав на колени, он набрал пригоршню снега, обтер бороду и пересохшие губы. Он весь горел и едва заставил себя проглотить холодную талую воду.

Вода только усилила голод. Желудок жаждал пищи. Снег больше не шел, но крепнущий ветер взметал его, больно жаля лицо. Варамир, хрипло дыша, побрел по сугробам. Под чардревом нашлась ветка, заменившая ему посох. Вдруг в брошенных хижинах отыщется что-нибудь... мешок яблок, вяленое мясо... что угодно, лишь бы продержаться, пока не вернется Колючка.

Он почти уже дошел до первого дома, когда сломался его костыль. Ноги подкосились, и Варамир растянулся на снегу, окрасив его своей кровью.

Быть занесенным снегом – неплохая смерть, мирная. Говорят, под конец тебе делается тепло и в сон клонит. Согреться было бы хорошо, но грустно думать, что ты никогда уже не увидишь зеленых земель, что лежат за Стеной. Тех, о которых пел Манс.

«Земли за Стеной не для нас, – говаривал Хаггон. – Вольный народ чтит перевертышей, хотя и боится, а богомолыцы к югу от Стены режут нас, как свиней».

Ты предоставил меня, Хаггон, но не ты ли показал мне Восточный Дозор? Варамиру тогда было не больше десяти. Хаггон обменял там дюжину низок янтаря и нагруженные шкурами санки на шесть винных мехов, соляной слиток и медный котелок. Восточный для таких сделок годился лучше, чем Черный Замок: туда приходили корабли с товарами из заморских земель. Ворѳны знали Хаггона как охотника и друга Ночного Дозора: он приносил им новости

из-за Стены. Если кто и догадывался, что он перевертыш, речи об этом не заводили. Именно Восточный Дозор наделил Варамира мечтами о теплом юге.

Снежинки таяли у него на лбу. Замерзнуть – совсем не так худо, как сгореть заживо. Он уснет и пробудится к своей второй жизни. Его волки уже близко, он чувствует. Скоро он, покинув эту бrenную плоть, будет охотиться по ночам и выть на луну. Варг станет настоящим волком – вот только которым из них?

Лишь бы не Хитрюгой. Варамир часто влезал в ее шкуру, когда она спаривалась с Одноглазым (Хаггон и это назвал бы мерзостью), но сухой в новой жизни быть не хотел – разве что другого выхода не останется. Молодой Тихоступ лучше подошел бы ему. Старик Одноглазый, с другой стороны, более крупный и злой. Это он берет Хитрюгу в каждую ее течку.

«Говорят, ты все забываешь, – сказал Хаггон за несколько недель до собственной смерти. – Когда плоть умирает, твой дух живет в оболочке зверя, но память с каждым днем угасает. Все меньше от варга, все больше от волка. В конце концов человек уходит, и остается один только зверь».

Варамир знал: это правда. Захватив Ореллова орла, он почувствовал, как разозлился другой перевертыш. Орелла убил перелетная ворона Джон Сноу, и ненависть к убийце была так сильна, что Варамир сам возненавидел мальчишку. Сразу понял, кто он такой, увидев его белого лютоволка. Оборотень оборотня сразу узнает. Манс должен был отдать лютоволка ему, Варамиру – вот была бы вторая жизнь, королю впору. Варамир бы сумел. У Сноу дар сильный, но юнец необучен и продолжает бороться с тем, чем следовало бы гордиться.

Красные глаза чардрева смотрели на него с белого ствола. Боги взвешивают его на своих весах. «В жизни я делал дурные вещи, просто ужасные, – с дрожью осознал Варамир. – Убивал, крал, насиловал. Ел человечину и лакал горячую кровь, бьющую из разорванных глоток. Подкрадывался к врагам по лесу, пока они спали, потрошил их и раскидывал внутренности по земле. Ох и вкусное у них было мясо».

– Это зверь делал, не я, – хриплым шепотом сказал Варамир. – Вы сами меня таким создали.

Боги не отвечали. Дыхание стлалось в воздухе белым паром, борода смерзлась. Варамир Шестишкурый закрыл глаза, и к нему пришел его давний сон о хибарке у моря, где визжат три собаки и плачет женщина.

По Пышке она плакала, по нему – нет.

Шишка родился за месяц до срока и все время болел – никто не думал, что он выживет. Мать ждала целых четыре года, чтобы дать ему настоящее имя, а тогда уж и поздно стало: вся деревня кликала его Шишкой. Так назвала его сестрица Мея еще в материнском чреве. Младшего она же нарекла Пышкой, но он-то родился вовремя. Красный, здоровенный и грудь сосал почем зря. Его собирались назвать в честь отца, но он умер. Умер, когда ему было два года, а Шишке шесть, за три дня до своих именин.

«Твой малыш теперь у богов, – сказала лесная ведьма плачущей матери. – Он больше не почувствует боли, не будет плакать и голодать. Он перешел в землю, в деревья. Боги повсюду – в ручьях и камне, в зверях и птицах. Твой Пышка слился со всем, что живет в этом мире».

Шишку как ножом пронзили слова старухи. Пышка на него смотрит. Пышка все знает. От него не спрячешься за материнскими юбками и вместе с собаками не убежишь: нет их больше. Корнохвост, Нюхало, Ворчун были хорошие собаки. Его друзья.

Увидев, как они обнюхивают мертвого Пышку, отец не сумел понять, кто из них это сделал, и потому зарубил всех троих. Руки у него так тряслись, что Нюхало он уложил с двух ударов, а Ворчуна – с четырех. В воздухе висел запах крови, и умирающие собаки страшно визжали, но Корнохвост все же пришел на хозяйский зов. Он был самый старый, и привычка слушаться пересилила страх. Шишка опоздал залезть в его шкуру.

«Отец, не надо!» – хотел крикнуть он, но собаки по-человечески говорить не умеют, только скулят. Топор раскроил череп старому псу, и мальчик закричал. Так они и узнали. Два дня спустя отец поволок его в лес и топор взял. Шишка уж думал, что его ждет такая же участь, но отец отвел его к Хаггону.

Варамир проснулся, дрожа всем телом.

– Вставай! – кричал кто-то. – Вставай, уходить надо. Их сотни!

Снег укрыл его жестким белым одеялом. Ух, как холодно. Варамир обнаружил, что рука у него примерзла к земле, и оторвал ее вместе с кожей.

– Вставай! – снова вскричала женщина. – Они идут!

Колючка вернулась. Она трясла его за плечи и вопила прямо ему в лицо. Ее теплое дыхание грело его застывшие щеки. Ну, теперь или никогда...

Собрав все свои силы, он выскочил из своего тела и вошел в женщину.

«Мерзость!» – согнувшись, выкрикнула она. А может быть, это он кричал? Или Хаггон? Пальцы ее разжались, его старое тело упало в снег. Копьеносица бешено извивалась. Сумеречный кот тоже сопротивлялся ему, медведица теряла разум и огрызалась на деревья и камни, но сейчас Варамиру приходилось намного хуже.

– Уйди! Уйди! – надрывалась женщина. Она упала и опять поднялась, руки молотили по воздуху, ноги дергались в подобии жуткого танца. Два духа сражались за одну плоть. Варамир на миг порадовался глотку морозного воздуха и силе ее молодого тела, но она сомкнула зубы, и его рот наполнился кровью. Руки, норовившие выцарапать Варамиру глаза, не подчинялись ему. «Мерзость», – вспомнил он, терзаемый болью, и она выплюнула на снег их язык.

Белый мир отошел прочь. На миг Варамир оказался в стволе чардрева, глядя красными глазами на умирающего мужчину и пляшущую под луной безумную, залитую кровью женщину – она лила красные слезы и рвала на себе одежду. Потом оба умерли, и он стал подниматься ввысь, несомый холодным ветром. Он был всюду – в снегу и в тучах, в белке, в воробье, в дубе. Сыч бесшумно пролетел между деревьями, преследуя зайца; Варамир был в нем, в зайце, в деревьях.

Глубоко в промерзшей земле копошились черви, и он был в них. *Я теперь лес и все, что живет в нем*, ликующе думал он. Сто воронов взмыли в воздух, каркая на него. Большой лось затрубил, встревожив детей, сидящих у него на спине. Спящий лютоволк поднял голову и щелкнул зубами, но Варамир уже прошел мимо, ища своих: Одноглазого, Хитрюгу и Тихоступа. *Волки спасут меня*, мелькнула последняя человеческая мысль.

Истинная смерть пришла внезапно – его будто окунули под лед замерзшего озера, и он – Одноглазый – понесся по лунным снегам с двумя другими волками. Они эхом откликнулись на его вой.

Волки задержались на вершине холма. *Колючка*, вспомнил он, сожалея о потерянном и содеянном. Пальцы мороза ползли вверх по чардреву, мир покрывался льдом. Опустевшая деревня не была больше пустой: между снежными бугорками шмыгали синеглазые тени – одни в коричневом, другие в черном, третьи голые, белые как снег. Ветер нес запахи мертвечины, запекшейся крови, мочи и плесени. Хитрюга оскалилась, ошетибилась. Это не люди – в пищу они не годятся.

Ходячие, но неживые, они один за другим поднимали головы к трем волкам на холме. Последней была та, что при жизни звалась Колючкой. Меха и кожа на ней обросли инеем, который хрустел и сверкал при луне. С пальцев свисали бледно-розовые сосульки – десять ножей из замерзшей крови, в ямах на месте глаз мерцала бледная синева, преобразая лицо из корявого в нездешне прекрасное. После смерти Колючка стала красавицей.

Она видит меня, понял Варамир. *Видит.*

Тирион

Всю дорогу через Узкое море он пил. Суденышко было маленькое, каюта и того меньше, на палубу капитан не разрешал выходить. От качки его мутило, скверная еда, извергаясь наружу, казалась еще противнее. На что ему солонина, твердый сыр и кишаший червями хлеб, когда есть вино? Красное, кислое, очень крепкое. Иногда он блевал и вином, но запасы не иссякали.

– На свете полно вина, – бормотал он в сырой каюте. Отец всегда презирал пьяниц, но кому до этого дело? Отца больше нет, он убил его. Арбалетный болт в брюхо – и нет милорда. Будь Тирион более метким стрелком, он послал бы болт в член, которым этот гад его сделал.

Здесь внизу нельзя было понять, ночь теперь или день. Время Тирион измерял по юнге, приносившему еду, которую он не ел. Мальчишка заодно и прибирался в каюте.

– Дорнийское? – спросил как-то Тирион, откупоривая мех. – Оно напоминает мне одного змея. Забавный был парень, пока на него гора не упала.

Юнга не отвечал. Уродливый малый, но все же пригляднее одного карлика с половиной носа и шрамом от глаза до подбородка.

– Я тебя чем-то обидел? – спрашивал Тирион, пока юнец драил палубу. – Тебе приказано со мной не разговаривать, или какой-то карлик поимел твою мать? Скажи хоть, куда мы плывем. – Джейме поминал Вольные Города, и только. – В Браавос, Тирош, Мир? – Уж лучше бы в Дорн. Мирцелла старше Томмена – по дорнийским законам Железный Трон принадлежит ей. Он бы помог ей утвердиться в своих правах, как принц Оберин предлагал.

Но Оберин погиб: сир Григор Клиган одетым в броню кулаком раздробил ему череп. Разве согласится Доран Мартелл на столь рискованный план без Красного Змея? Еще, чего доброго, закует Тириона в цепи и выдаст дражайшей сестрице. На Стене, пожалуй, безопаснее будет. Мормонт, Старый Медведь, говорил, что Ночному Дозору нужны такие, как Тирион, – но кто знает, жив ли он, Мормонт. Возможно, теперь лордом-командующим стал Янос Слинг, и этот сын мясника хорошо помнит, кто его на Стену послал. «Тирион, тебе вправду хочется до конца дней питаться овсянкой и солониной вместе с убийцами и ворами? Впрочем, Янос Слинг позаботится, чтобы остаток твоих дней был недолгим».

Юнга знай себе скреб, макая щетку в ведро.

– В веселых домах Лисса доводилось бывать? – спросил его Тирион. – Не туда ли отправляются шлюхи? – Тирион не помнил, как будет «шлюха» по-валирийски, а парень взял свои орудия и ушел.

Надо же, как пагубно влияет вино на память. Валирийскому он обучался у своего мастера, хотя в девяти Вольных Городах говорят теперь на девяти диалектах, обещающих стать полноценными языками. Тирион умел немного по-браавосски и чуть-чуть по-мирийски. В Тироше он сможет проклясть богов, обозвать кого-то мошенником и заказать кружку эля благодаря служившему в Утесе наемнику. В Дорне хотя бы на общем языке говорят. Подобно дорнийской еде и дорнийским законам он там густо приправлен Ройном, но понять все-таки можно. В Дорн, только в Дорн. Тирион залез в койку с этой мыслью, как ребенок с любимой куклой.

Засыпал он всегда с трудом, а на этом корабле почти вовсе не спал – разве что напившись как следует. Снов уж точно не видел, и хорошо: довольно он их навидался за свою недолгую жизнь. Грезил о любви, о справедливости, дружбе и славе. О том, чтобы вырасти большим. Ничего этого ему не видать – и куда же в конце концов отправляются шлюхи?

«Куда все шлюхи отправляются», – было последними словами его отца. Тетива загудела, лорд Тайвин провалился задом в дыру, а Тирион Ланнистер пошел себе куда-то бок о бок с Варисом. Должно быть, он снова слез по двумстам тридцати перекладинам туда, где в жаровне

тлели рыжие угли. Этого он не помнил – помнил только звук тетивы и вонь, пошедшую от кишок убитого. Отец даже в миг своей смерти умудрился обосрать сына.

Молча пройдя по лабиринту темных ходов, они вышли где-то у Черноводной. Там Тирион одержал свою прославленную победу и потерял половину носа. Лишь тогда карлик повернулся к евноху и сказал: «Я убил своего отца». Таким тоном, которым другой уведомил бы, что занозил себе палец.

Мастер над шептунами был одет, как нищенствующий брат, – в побитую молью бурую рясу с капюшоном, скрывавшим его толстые щеки и лысину. «Не надо вам было взбираться по той лестнице», – произнес он с укором.

«Куда все шлюхи отправляются». Тирион предупреждал, чтобы отец не говорил больше этого слова. Не выстрели он, это бы оказалось пустой угрозой. Отец отнял бы у него арбалет, как некогда отнял Тишу. Он уже поднимался, когда Тирион спустил курок.

«Я и Шаю убил», – признался он Варису.

«Вы же знали, что она за сокровище».

«Про нее знал, да. Про него нет».

«Теперь знаете», – заметил, хихикнув, Варис.

Надо было убить и евноху. Чуть больше крови на руках, подумаешь тоже. Непонятно, что его остановило, – только не благодарность. Варис спас его от палача лишь по приказу Джейме. А тот... нет, о Джейме лучше не думать.

Найдя непочатый мех, Тирион высосал его, как материнскую грудь. Красное стекало по подбородку, пачкая и без того грязный камзол – тот самый, что был на нем и в тюрьме. Палуба качнулась и швырнула Тириона обратно на переборку, когда он встал. То ли шторм, то ли он выпил больше обычного. Он выbleвал вино и полежал, гадая, тонет корабль или нет. «Ты мстишь мне, отец? Отец Всевышний сделал тебя своим десницей там наверху?»

– Достойная кара для отцеубийцы, – промолвил он под вой ветра. Нечестно, пожалуй, топить вместе с ним капитана, юнгу и всех матросов, но когда это боги вели себя честно?

Тьма поглотила его, не дав додумать мысль до конца.

Когда он очнулся, голова у него трещала, и корабль ходил кругами, хотя капитан уверял, что они пришли в порт. Тирион велел ему заткнуться. Здоровенный лысый матрос взял Тириона под мышку, как тот ни отбрыкивался, и приволок в трюм, где дожидался пустой бочонок, совсем маленький – даже карлик в нем едва уместился. От усиленных попыток освободиться Тирион намочил штаны. Его затолкали в бочонок вперед головой, прижав коленки к ушам. Обрубок носа чесался невыносимо, но руки ничем не могли помочь. «Паланкин в самый раз для меня», – думал он, пока над ним заколачивали крышку. Бочонок с криками подняли на таях – он стучался головой о днище при каждом рывке. Потом сосуд покотился вниз, грохнулся обо что-то, и в него врезался другой бочонок. Тирион прикусил язык.

Это было самое долгое из его путешествий, хотя занять больше получаса оно никак не могло. Его поднимали и опускали, катили и ставили, переворачивали вверх ногами и снова катили. Слышались голоса, однажды где-то заржала лошадь. Короткие ноги затекли и так разболелись, что даже похмельную голову заглушали.

Катящийся бочонок в очередной раз на что-то наткнулся. Снаружи переговаривались на незнакомом ему языке. По крышке заколотили и открыли ее. Свет и прохладный воздух хлынули внутрь. Тирион, жадно дыша, хотел встать, но повалился вместе с бочонком и выпал на твердый земляной пол.

Над ним высился до безобразия толстый человек с желтой раздвоенной бородой, держа в руках деревянный молоток и долото. Халат на нем мог бы послужить турнирной палаткой, развязанный пояс обнажал огромное белое пузо и пару жирных грудей, заросших желтыми волосами. Ни дать ни взять, дохлая морская корова, которую как-то раз занесло в пещеры у подножия Утеса.

– Гляньте-ка, пьяный карлик, – сказал толстяк на общем языке Вестероса.

– Молчи, морская королева. – Тирион сплюнул кровь ему под ноги. Они находились в большом погребе с грудами бочек до потолка и пятнами селитры на стенах. Здешних запасов съеданному жаждой карлику хватило бы на всю ночь, а может, и на всю жизнь.

– Да ты нахал – люблю таких карликов. – От смеха телеса незнакомца бурно заколыхались, Тирион даже испугался, что кусок сейчас оторвется и задавит его. – Небось проголодался, дружок? Устал?

– Пить хочу. И помыться. – Тирион привстал на колени.

Толстяк принялся.

– Сначала ванна – еда и постель потом? Мои слуги этим займутся. – Толстяк отложил свои инструменты. – Мой дом – твой дом. Друг моего друга по ту сторону моря для Иллирио Мопатиса дорогой гость.

«А друга паука Вариса не следует подпускать слишком близко», – добавил про себя Тирион.

Обещанная ванна, впрочем, не заставила себя ждать. Тирион, погрузившись в горячую воду, тут же уснул и проснулся голым на перине из гусяного пуха, точно на облаке. Во рту и в глотке пересохло до невозможности, член стоял как железный. Тирион слез, отыскал горшок и зажурчал, постанывая от наслаждения.

В комнате царил полумрак, но сквозь щели в ставнях проникал солнечный свет. Отрянувшись, Тирион прошел по миррийским коврам, мягким как весенняя травка, взобрался на подоконник и отворил ставни. Поглядим, что послали ему боги и Варис.

Под окном вокруг мраморного бассейна росли шесть вишневых деревьев, безлиственных в эту пору. В воде стоял голый парнишка не старше шестнадцати, с белокурыми волосами до плеч – он изготовился к бою с клинком бравы в руке. Выглядел он так натурально, что Тирион не сразу распознал в нем статую из раскрашенного мрамора, а меч блестел, как настоящий стальной.

Бассейн огораживала кирпичная стена высотой не меньше двенадцати футов, с железными пиками наверху. За стеной раскинулся город – скопление черепичных крыш вокруг морского залива. Тирион видел прямоугольные кирпичные башни, красный храм, отдаленный дворец на холме. Сверкающий на солнце залив был усеян парусами рыбацких лодок, у берега торчали мачты больших кораблей. Один из них наверняка идет в Дорн или в Восточный Дозор, Что-у-моря. Но Тириону нечем заплатить за проезд, и в гребцы его не возьмут. Разве юнгой наняться, чтобы вся команда его имела во время плавания.

Где же это он? Здесь даже воздух пахнет иначе – заморскими пряностями. Люди за стеной говорили как будто по-валирийски, но он понимал едва ли одно слово из пяти. Не Браавос, решил Тирион, и не Тирош. Облетевшие деревья и холодок говорят также против Лисса, Мира или Волантиса.

Тирион обернулся на звук открывшейся двери.

– Мы в Пентосе, верно?

– Конечно. Где же еще.

Пентос. Ну, спасибо, что не Королевская Гавань.

– А куда отправляются шлюхи? – неожиданно для себя выпалил Тирион.

– Шлюх здесь, как и в Вестеросе, можно найти в борделях. Тебе, дружок, они не понадобятся – выбирай из моих служанок. Ни одна не посмеет тебе отказать.

– Рабыни? – подчеркнуто спросил карлик.

Толстяк огладил один из отростков желтой намащенной бороды – этот жест показался Тириону весьма непристойным.

– Рабство в Пентосе запрещено договором, который навязали нам браавосцы сто лет назад. Но они тебе не откажут. Прошу извинить, мой маленький друг, – с полупоклоном доба-

вил Иллирио. – Я имею честь быть магистром этого великого города, и принц нас созывает на совещание. – Он продемонстрировал в улыбке два ряда желтых зубов. – Дом и угодня осматривай, сколько тебе угодно, а вот за стену ни ногой. Никто не должен знать, что ты был здесь.

– Был? Так я здесь не задержусь?

– Поговорим об этом вечером – хорошо, мой маленький друг? Будем есть, пить и строить великие планы.

– Хорошо, большой друг. – Иллирио хочет использовать его в своих целях – у торговых магнатов Девяти Городов только и на уме, что нажива. «Солдаты пряностей и лорды сыров», – с презрением говаривал его лорд-отец. Если Иллирио сочтет когда-нибудь, что в мертвом карлике пользы больше, чем в живом, Тириона опять упакуют в винный бочонок – и хорошо бы расстаться с гостеприимным хозяином, пока этот день не настал. В том, что он настанет, Тирион даже не сомневался. Серсея не забудет о возлюбленном брате, да и Джейме не обрадуется, обнаружив болт у отца в животе.

Ветерок рябил воду в бассейне вокруг статуи нагого бойца. Тиша часто ерошила ему волосы той обманной весной, в пору их недолгого брака – пока он не взял ее силой, завершив начатое отцовской гвардией. Во время бегства он все вспоминал, сколько же их было, этих гвардейцев. Уж это, казалось, должно было ему запомниться, но нет, он забыл. Десяток? Дюжина? Сотня? Все рослые, как на подбор, хотя карлику тринадцати лет все мужчины кажутся рослыми. Тиша-то знала сколько. Каждый из них уплатил ей серебряного оленя – стоило только пересчитать. Олень за гвардейца, золотой за него, Тириона. Отец настоял, чтобы сын тоже с ней расплатился. Ланнистеры всегда платят свои долги.

«Куда все шлюхи отправляются», – снова сказал лорд Тайвин, и тетива пропела еще раз.

Магистр предложил гостю осмотреть имение, а в кедровом сундуке с инкрустацией из лазури и перламутра нашлась чистая смена одежды. На мальчика шито, сразу определил Тирион. Ткань богатая, хотя и залежалась немного, штанины длинноваты, рукава слишком коротки. Вздумай он затянуть воротник, почернел бы не хуже Джоффри. Без моли тоже не обошлось, но хотя бы блевотиной не воняет.

Осмотр Тирион начал с кухни. Две толстухи и мальчишка-подрочный подозрительно следили, как он набирает себе хлеба, сыра и фиг.

– Доброго утра, прекрасные дамы, – сказал он с поклоном. – Не знаете ли, куда отправляются шлюхи? – Не получив ответа, он повторил вопрос на классическом валирийском, где «шлюх» пришлось заменить «куртизанками». Одна из кухарок, моложе и толще другой, пожалала плечами.

Любопытно, что они сделают, если он возьмет их за руки и поведет в свою спальню. Иллирио, заявляя, что ни одна служанка не посмеет ему отказать, этих двух, похоже, в виду не имел. Молодая гостю в матери годится, а старая, по всему, доводится матерью ей самой. Толщиной обе почти не уступают хозяину, груди у них с голову Тириона – того и гляди задавят карлика во время любовных игр. Можно, в общем, умереть и похуже – к примеру, так, как умер его лорд-отец. Надо было заставить его высрать немного золота перед смертью. На ласку и похвалу лорд Тайвин всегда скупился, зато звонкую монету раздавал щедрой рукой. Жалостней безносого карлика может быть только безносый карлик без единого золотого в кармане.

Оставив женщин при хлебах и кастрюлях, Тирион пошел искать погреб, где Иллирио выпустил его из бочонка. Найти его труда не составило, и хранящихся там вин карлику бы хватило лет на сто: сладкие из Простора, кислые дорнийские, янтарные пентосские, зеленый мирийский нектар, пятьдесят бочек борского золотого. Сказочный Восток тоже был здесь представлен: Кварт, Йи Ти, Асшай у Края Теней. Тирион отыскал бочонок крепкого, помеченный клеймом Рансфорда Редвина, деда нынешнего борского лорда. Вкус его долго держался на языке, пурпурный цвет казался почти черным в полутемном подвале. Тирион, налив чашу и штоф про запас, поднялся в сад, чтобы выпить под вишнями, которые видел в окне.

Как оказалось, вышел он не в ту дверь и не нашел бассейн с вишнями, но это не имело значения: здесь тоже были сады. Он погулял немного, прикладываясь на ходу к чаше. Наружной стены устыдился бы всякий приличный замок, пики на ней, не украшенные головами казненных, казались голыми. Тирион представил наверху головку своей сестрицы с золотыми волосами, обмазанными смолой, и жужжащими вокруг мухами. А Джейме хорошо бы занять соседнюю пику, чтобы между близнецами никто не вступал.

С крюком на веревке он, пожалуй, одолел бы эту преграду. Руки у него сильные, вес небольшой. Главное – не напороться на пику. «Завтра же поищу веревку», – решил Тирион.

Гуляя, он миновал три входа – главные ворота в караульной, калитку у псарни и еще одну, густо увитую плющом, почти незаметную. Эта была заперта на цепь с замком, остальные охранялись стражами в остроконечных бронзовых шлемах, с гладкими, как детская попка, рожами. Евнухи, ясное дело. Он слышал о таких: ничего не боятся, боли не чувствуют, преданы своим господам до гроба. Ему бы пару сотен таких солдат – жаль, что он не подумал об этом, пока не стал нищим.

Через галерею с колоннами и островерхую арку он вышел в мощный дворик, где у колодца трудилась прачка. Похоже, его ровесница, с тускло-рыжими волосами и широким веснушчатым лицом.

– Хочешь вина? – спросил Тирион. Она ответила неуверенным взглядом. – Лишней чаши нет, придется пить из одной. – Женщина молча выкручивала и развешивала рубахи. Тирион сел на каменную скамью. – Скажи, насколько можно доверять магистру Иллирио? – Услышав имя хозяина, она подняла глаза. – И только-то? – Он, ухмыляясь, скрестил свои короткие ножки и выпил. – Очень бы не хотелось играть роль, которую торговец сырами для меня предназначил, но как ему отказать? Входы-выходы все охраняются. Вот вывела бы меня в город под юбками – в благодарность я, глядишь, женился бы на тебе. Где две жены, там и три. Но где же мы будем жить? – Он улыбался так мило, как только способен человек с половиной носа. – Я уже говорил, что в Солнечном Копье у меня племянница? С Мирцеллой я наворотил бы дел, втравил бы ее в войну с собственным братом – забавно, правда? – Рубаха Иллирио, повешенная женщиной на веревку, раздулась не хуже паруса. – Нет-нет, это дурные мысли, ты совершенно права. Поедем лучше на Стену. Говорят, тому, кто вступает в Ночной Дозор, отпускаются все грехи. Боюсь только, что тебя туда не пустят, радость моя. В Дозоре женщин не полагается – никаких веснушчатых женок, чтобы греть постель но ночам. Только холодный ветер, соленая треска да жидкое пиво. Тебе не кажется, что в черном я буду казаться выше, миледи? – Он подлил в чашу из штофа. – Ну, что скажешь – на север или на юг? Каяться в старых грехах или совершать новые?

Прачка, посмотрев на него напоследок, взяла корзину и пошла прочь. Долго жены у него не задерживаются, и штоф опустел – спуститься опять в погреб, что ли? От крепкого голова кружится, а там крутые ступеньки.

– Куда отправляются шлюхи? – спросил он хлопающее на веревке белье. Надо было прачку спросить. «Я не хочу сказать, что ты шлюха, дорогая моя, но вдруг ты знаешь?» Надо было выспросить у отца – он-то знал. Тиша, крестьянская дочка. Она полюбила его, вышла за него замуж. Доверяла ему.

Пустой штоф упал, покатился по двору. Тирион, поспешая за ним, заметил грибы, растущие в трещинах между плитами. Бледные в крапинку, с кроваво-красными пластинками шляпок. Он сорвал один, понюхал. Никак, ядовитые?

Грибов было семь – может, Семеро хотят что-то этим сказать? Тирион собрал все, завернул в снятую с веревки перчатку, спрятал в карман. От усилий голова закружилась еще сильнее. Он доковылял до скамейки, лег, закрыл глаза... и проснулся у себя в спальне, утопая в перине. Белокурая девушка трясла его за плечо.

– Ванна готова, милорд. Магистр Иллирио ждет вас к столу через час.

Тирион сел в подушках, держась за голову.

– Снится мне это, или ты говоришь на общем?

– Говорю, милорд. Меня купили в дар королю. – Совсем юная, голубоглазая, гибкая.

– Уверен, он порадовался такому подарку. Налей мне вина.

Она подала ему чашу.

– Магистр Иллирио велел мне мыть вам спину и греть постель. Меня зовут...

– Мне все равно как. Известно тебе, куда отправляются шлюхи?

– Шлюхи продаются за деньги, – вспыхнула девушка.

– А также за драгоценности, платья и замки. Так куда же?

– Это загадка такая, милорд? Я не мастерица отгадывать, скажите уж сразу.

Он и сам не любил загадок.

– Не скажу. – «Меня интересует только то, что у тебя между ног», – чуть не сказал он – и промолчал. Она не Шая. Просто дурочка, полагающая, что он ей загадывает загадки. Даже ее щелка, сказать по правде, не слишком его влечет. Он, верно, захворал – или умер. – Говоришь, ванна готова? Пойдем, негоже заставляя ждать торговца сырами.

Девушка вымыла ему ноги, потерла спину, расчесала волосы и вновь облачила его в лежащие детские одежды – винного цвета бриджи и синий бархатный дублет, подбитый парчой.

– Прикажете ждать вашу милость тут, когда вы откушаете? – спросила она, шнуруя его сапожки.

– Нет. Я покончил с женщинами. – «Со шлюхами».

Девушка не выказала никакого разочарования – Тириона это задело.

– Если милорд желает мальчика, я могу привести...

«Милорд желает свою жену. Девушку по имени Тиша».

– Если он знает, куда отправляются шлюхи, то да.

Девушка поджала губы. Презирает его, это ясно – но ей далеко до презрения, которое он питает к себе самому. Он не сомневался, что многие его женщины с большой неохотой ложились к нему в постель, но у них хотя бы хватало доброты скрывать это. Честная неприязнь даже освежает, как глоток терпкого вина после сладкого.

– Я передумал, – сказал Тирион. – Жди меня здесь, в постели, и раздеться изволь догола – я буду слишком пьян для возни с твоими застежками. Ноги раздвинь, рот закрой, и мы с тобой преотлично поладим. – Он ослабил, надеясь ее напугать, но встретил лишь отвращение. Карликов никто не боится. Даже лорд Тайвин, которому Тирион грозил арбалетом, не боялся его. – Ты как, стонешь, когда тебя дерут?

– Как милорду будет угодно.

– А если милорду угодно будет тебя задушить? Со своей последней шлюхой я обошелся именно так. Как по-твоему, твой хозяин не будет против? Я думаю, нет. Таких, как ты, у него штук сто, а я такой один. – На этот раз он получил желаемый страх.

Иллирио возлежал на мягкой кушетке, уплетая горячие перцы с мелкими луковичками из деревянной миски. На лбу у него выступила испарина, над толстыми щеками горели свинные глазки, на пальцах переливались искрами оникс, опал, тигровый глаз, турмалин, рубин, аметист, сапфир, янтарь, нефрит, черный алмаз и зеленый жемчуг. На его кольца Тирион мог бы жить много лет, но чтобы добыть их, понадобится тесак.

– Садись поближе, дружок, – поманил магистр.

Тирион взгромоздился на слишком высокий стул, предназначенный для массивных магистерских ягодиц. Он всю жизнь прожил в мире, слишком большом для него, но в доме Иллирио диспропорция принимала прямо-таки гротескный характер. Здесь он чувствовал себя мышкой в пещере мамонта, утешаясь тем, что у мамонта имеются хорошие вина. От мысли о них ему захотелось пить, и он кликнул слугу.

– Понравилась тебе девушка, которую я прислал? – спросил Иллирио.

– Будь мне нужна женщина, я бы сказал об этом.

– Если она не угодила тебе...

– Она делает все, что от нее требуется.

– Я так и надеялся. Она прошла выучку в Лиссе, где любовь почитают искусством. Король был очень доволен ею.

– Я убиваю королей, не слыхал? – Тирион злобно улыбнулся поверх винной чаши. – Королевские объедки мне ни к чему.

– Как скажешь. Давай поедим. – Иллирио хлопнул в ладоши.

Для начала им подали горячий суп из морского черта с крабами и холодный, с яйцом и лимоном. За этим последовали перепелки в меду, седло барашка, гусиные потроха в вине, репа в масле и молочный поросенок. При виде еды Тириона замутило. Из вежливости он принудил себя съесть ложку супа и сразу пропал. Толстые кухарки свое дело знали: так вкусно он не ел даже при дворе.

Обсасывая мясо с перепелиных косточек, он спросил Иллирио об утреннем заседании.

– На востоке беспокойно, – пожал плечами толстяк. – Пали Астатор с Миэрином – гискарские города, бывшие древними, когда весь мир был еще юн. – Он обмакнул лопоток поросенка в сливовый соус и стал есть руками.

– Залив Работорговцев далековато от Пентоса. – Тирион подцепил ножом гусиный потрошок. Все отцеубийцы прокляты, но и в аду можно недурно устроиться.

– Верно, но что такое наш мир, как не одна великая паутина? Тронешь одну нить – отзовется на всех остальных. Еще вина? – Иллирио сунул в рот перец. – Хотя нет – предложу тебе нечто особенное. – Он снял крышку с блюда, которое поставил перед Тирионом слуга. – Грибы! Щепотка чеснока и целое море масла. Я нашел вкус восхитительным. Возьми один, дружок – нет, лучше два.

Тирион поднес большой черный гриб ко рту, но что-то в голосе Иллирио насторожило его.

– Сначала ты. – Он подвинул блюдо к хозяину.

– Нет-нет. – Из-под магистерских жиров на миг проглянул озорной мальчишка. – Ты первый. Повариха для тебя их готовила.

– В самом деле? – Тириону вспомнились руки в муке, тяжелые груди с синими венами. – Она очень добра, но... нет. – Он вернул гриб обратно в подливку.

– Экий ты подозрительный, – усмехнулся Иллирио в желтую бороду – он небось маслит ее каждый день, чтобы блестела как золото. – А может, попросту трус? Мне другое про тебя говорили.

– В Семи Королевствах отравить гостя за ужином значит преступить законы гостеприимства.

– У нас тоже. Но если гостю самому не терпится прервать свою жизнь, почему бы не сделать ему одолжение? – Иллирио отпил из чаши. – Магистра Орделло отравили грибами каких-то полгода назад. Говорят, это не так уж больно. Легкие спазмы в животе, ломота позади глаз – и все, конец. Лучше грибы, чем голова с плеч, разве нет? Зачем умирать со вкусом крови во рту, когда тебе предлагают чеснок и масло?

От запахов подливы в самом деле слюнки текли. Вонзить нож себе в живот у Тириона бы смелости не хватило, а гриб съесть проще простого.

– Ты заблуждаешься на мой счет, – сказал он, до крайности напуганный этой мыслью.

– Да ну? Если предпочитаешь утонуть в вине, так и скажи. Зачем тратить время и портить напитки, вливая в себя чашу за чашей?

– Ты заблуждаешься, – повторил Тирион. Грибы в золотистой подливе призывно блестели при свете лампы. – Могу тебя заверить, что не имею никакого желания умирать. У меня... – Он

запнулся. Что, собственно у него впереди? Вся жизнь? Малые дети, родовое имение, любимая женщина?

– Нет у тебя ничего, – закончил за него Иллирио, – но это можно поправить. – Он взял с блюда гриб и со вкусом начал жевать. – Превосходно.

– Не ядовитые, значит, – рассердился Тирион.

– Нет, конечно. Зачем мне тебя травить? Выкажем друг другу немного доверия. Ну же, отведай. – Иллирио снова хлопнул в ладони. – Нас ждет работа – подкрепись хорошенько, дружок.

На столе появились новые блюда: цапля, начиненная фигами, телячьи котлеты в миндальном молоке, сельдь под сливками, засахаренный лук, остро пахнущие сыры, улитки и черный лебедь в оперении. Лебедя Тирион, памятуя об ужине у сестры, есть не стал, но воздал должное цапле, сельди и луку. Слуга исправно наполнял его чашу.

– Для маленького человечка ты много пьешь.

– Отцеубийство сушит.

Глазки толстяка сверкнули, как камни на его пальцах.

– Кое-кто в Вестеросе назвал бы убийство лорда Ланнистера добрым делом.

– При моей сестре этого лучше не говорить – языком поплатиться можно. – Тирион разломил хлеб. – И тебе, магистр, тоже не советую мою семью задевать. Даже будучи отцеубийцей, я остаюсь львом.

Сырный лорд в приступе веселья хлопнул себя по ляжке.

– Вы, вестеросцы, все одинаковы. Вышиваете какого-нибудь зверя на шелковом лоскуте, и вот вы все уже львы, орлы и драконы. Могу тебе показать настоящего льва – не хочешь ли разделить с ним клетку?

«Лорды Семи Королевств и правда слишком уж носятся со своими гербами», – признал про себя Тирион.

– Будь по-твоему. Я не лев, но все-таки сын своего отца, и только я вправе убить Серсею и Джейме.

– Ты весьма кстати упомянул о своей сестре, – заметил Иллирио, поглощая улиток. – Королева обещала сделать лордом того, кто ей принесет твою голову, какого бы низкого происхождения он ни был.

Иного Тирион и не ждал.

– Если хочешь поймать ее на слове, пусть она заодно с тобой переспит. Лучшее во мне за лучшее в ней – сделка честная.

– Я бы скорее взял собственный вес в золоте. – Иллирио зашелся от смеха. «Как бы не лопнул», – с опаской сказал себе Тирион. – Все золото Бобрового Утеса, что скажешь?

– Золото согласен отдать, – карлику совсем не хотелось потонуть в полупереваренных угрях и улитках, – но Утес мой.

– Ну-ну. – Толстяк рыгнул, прикрыв рукой рот. – Думаешь, король Станнис отдаст его тебе? Я слышал, он чтит закон. Твой брат носит белый плащ, так что по всем вашим законам наследник ты.

– Станнис, может, и отдал бы, кабы не такая малость, как убийство короля вкупе с отцеубийством. За это он урежет меня на целую голову, а я и без того мал. Но с чего ты взял, что я намерен примкнуть к лорду Станнису?

– Зачем тебе иначе ехать к Стене?

– Станнис на Стене? – Тирион потер то, что осталось от его носа. – Какого дьявола он там делает?

– Мерзнет скорей всего. В Дорне куда теплее – лучше бы ему было отплыть туда.

Веснушчатая прачка только притворялась, выходит, что не понимает общий язык.

– В Дорне у меня Мирцелла, племянница. И я подумываю сделать ее королевой.

Слуга положил им обоих темных вишен со сливками.

– Что такого тебе сделало бедное дитя, коли ты ее смерти желаешь?

– Даже отцеубийце не обязательно истреблять всех своих родичей. Я сказал «сделать королевой», а не «убить».

Иллирио зачерпнул ложкой вишни.

– В Волантисе чеканят монету с короной на одной стороне и черепом на другой. Одна монета, две стороны. Сделать королевой – значит убить. Дорн, может, и поддержит Мирцеллу, но одного Дорна мало. Ежели ты так умен, как утверждает наш друг, то и сам это знаешь.

Тирион посмотрел на толстяка другими глазами. Иллирио прав и в том, и в другом. Короновать Мирцеллу значит убить ее, и Тирион это знает.

– Мне только и осталось, что безрассудные жесты. По крайней мере сестрица поплачет.

Магистр вытер рукой рот, измазанный сливками.

– Дорога на Бобровый Утес проходит не через Дорн, дружок. И не под Стеной тоже. Тем не менее она существует.

– Я признанный изменник, убийца короля и родного отца. – «Какая еще дорога, что за игру затеял магистр?»

– Один король может отменить то, что решил другой.

В Пентосе у нас сидит принц. Между балами и пирами он разъезжает по городу в паланкине из слоновой кости и золота. Герольды несут перед ним золотые весы торговли, железный меч войны и серебряный бич правосудия. В первый день года он обязан лишить невинности деву моря и деву полей. – Иллирио подался вперед, поставив локти на стол. – Но в случае неурожая или проигранной нами войны мы режем принцу горло, чтобы умиловить богов, и выбираем среди сорока семей нового.

– Напомни мне не соглашаться быть пентосским принцем.

– А разве Семь Королевств так уж от нас отличаются?

В Вестеросе нет мира, нет закона, нет веры... а скоро и есть будет нечего. Во времена голода и страха народ ищет себе спасителя.

– Ну, если он не найдет ничего лучше Станниса...

– Это будет не Станнис. И не Мирцелла. – Желтозубая улыбка становилась все шире. – Другой. Сильнее Томмена, милосерднее Станниса, имеющий больше прав, чем Мирцелла. Спаситель, который перевяжет кровоточащие раны Вестероса, придет из-за моря.

– Красивые слова, ничего более. Кто этот треклятый спаситель?

– Дракон, – сказал торговец сырами и засмеялся, увидев лицо Тириона. – Трехглавый дракон.

Дейенерис

Она слышала, как мертвец поднимается по ступеням. Мерный звук шагов опережал его, отдаваясь эхом среди пурпурных колонн чертога. Дейенерис Таргариен ждала его на скамье черного дерева, служившей ей тронном. Глаза у нее были заспанные, серебряные с золотом волосы рассыпались по плечам.

– Не надо бы вам этого видеть, ваше величество, – сказал сир Барристан Селми, лорд-командующий ее Королевской Гвардией.

– Он погиб за меня. – Дени запахла в львиную шкуру. Под шкурой была только полотняная туника до середины бедра. Ей снился дом с красной дверью, когда Миссандея разбудила ее – одеваться не было времени.

– Смотри только не трогай его, кхалиси, – шепотом попросила Ирри. – Прикастаться к мертвецу – дурная примета.

– Если, конечно, сам его не убил, – уточнила Чхику – покрепче Ирри, широкобедрая, с тяжелыми грудями. – Это все знают.

– Это все знают, – согласилась с ней Ирри.

Дотракийцы хорошо разбираются в лошадях, но полные профаны во всем остальном. Притом служанки Дени совсем еще девчонки, ее ровесницы. Мужчины засматриваются на их черные косы, медную кожу и миндалевидного разреза глаза, но от этого те не перестают быть девчонками. Ей отдали их, когда она вышла замуж за кхала Дрого. Это он подарил Дени шкуру храккара, белого льва Дотракийского моря. Шкура велика для нее и пахнет затхлым мехом, но в ней Дени кажется, что ее солнце и звезды все еще с ней.

Первым в чертог вступил Серый Червь с факелом. Его бронзовый шлем венчали целых три пики. За ним четверо Безупречных – по одной пике на шлемах, и с лицами бесстрастными, будто из той же бронзы – несли на плечах мертвеца. Они сложили труп к ногам Дени, сир Барристан откинул окровавленный саван, Серый Червь осветил своим факелом.

Гладкое безволосое лицо с исполосованными клинком щеками. При жизни убитый был высоким, голубоглазым и светлокожим – дитя Лисса или Старого Волантиса, похищенный пиратами и проданный в рабство. Глаза открыты, но влага сочится не из них, а из ран, которых не сосчитать.

– Ваше величество, – сказал сир Барристан, – в переулке, где он был найден, на кирпиче нарисована гарпия...

– Кровью, – договорила за него Дени. Сыны Гарпии убивают по ночам и каждый раз оставляют свою эмблему. – Почему этот человек был один, Серый Червь? Разве у него нет напарника? – По ее приказу Безупречные ночью патрулировали улицы Миэрина только попарно.

– Ваш слуга Крепкий Щит не вышел ночью в дозор, моя королева, – доложил капитан. – Он пошел в одно место... выпить и поразвлечься.

– Что за место?

– Веселый дом, ваше величество.

Половина ее вольноотпущенников пришли из Юнкая, где мудрые господа обучали прославленных рабов для утех. Путь семи вздохов. Бордели в Миэрине расплодились, как грибы после дождя – надо же бывшим рабам как-то жить, а больше они ничего не умеют. Еда с каждым днем дорожает, а цены на плоть, наоборот, падают. В бедных кварталах, между ступенчатыми пирамидами миэринской аристократии, могут удовлетворить любые желания, какие только можно себе представить.

– Что евнуху понадобилось в борделе?

– Даже при отсутствии мужских органов в груди бьется мужское сердце, ваше величество, – сказал Серый Червь. – Говорят, что ваш слуга Крепкий Щит платил женщинам, чтобы они лежали с ним и обнимали его.

Та, в ком течет кровь дракона, не плачет.

– Это имя его – Крепкий Щит? – с сухими глазами спросила Дени.

– С позволения вашего величества.

– Хорошее имя. – Добрые господа Астапора даже имен своим рабам-воинам не разрешили иметь. Некоторые из ее Безупречных назвались своими прежними именами, другие придумали себе новые. – Известно ли, сколько человек на него напали?

– Ваш слуга не знает этого. Много.

– Шестеро или больше, – вставил сир Барристан. – Судя по ранам, его облепили со всех сторон. Когда его нашли, меча в ножнах не было. Возможно, он ранил кого-то из них.

Быть может, в это самое время кто-то из Сынов Гарпии умирает, держась за живот и корчась от боли. Хорошо бы.

– Почему у него изрезаны щеки?

– Милостивая королева, – объяснил Серый Червь, – убийцы затолкали вашему слуге Крепкому Щиту в глотку козлиные детородные органы. Это ваш слуга их убрал.

Собственные его органы они не могли затолкать: в Астапоре ему не оставили ни корня, ни стебля.

– Сыны Гарпии наглеют, – заметила Дени. До сих пор они нападали только на безоружных вольноотпущенников – резали их прямо на улицах или вламывались к ним в дома под покровом ночи. – Это мой первый солдат, убитый ими.

– Первый, но не последний, – предсказал сир Барристан.

Война все еще идет, только теперь против королевы сражаются тени. Она так надеялась передохнуть немного от резни, заняться созиданием, залечить раны своих новых подданных.

Сбросив львиную шкуру, Дени опустила на колени перед мертвым и закрыла ему глаза – Чхику так и ахнула.

– Мы не забудем тебя, Крепкий Щит. Обмойте его, оденьте в латы и шлем и схороните с копьями и щитом.

– Как прикажет ваше величество, – сказал Серый Червь.

– Пошлите людей в храм и спросите, не обращался ли кто к Лазурной Благодати с раной от меча. Пустите по городу весть, что за меч Крепкого Щита мы готовы заплатить золотом. Узнайте у мясников и пастухов, кто холостил недавно козла. – Если они, конечно, признаются. – И чтобы никто из моих людей не выходил в город один с наступлением темноты.

– Ваши слуги повинуются, моя королева.

Дейенерис откинула волосы с глаз.

– Найдите мне этих трусов. Найдите, чтобы Сыны Гарпии на себе убедились, что дракона будить не следует.

Серый Червь отдал честь. Безупречные снова завернули мертвеца в саван, подняли на плечи и унесли прочь. Сир Барристан Селми остался. Волосы у него побелели, в уголках бледно-голубых глаз лучились морщины, но спина не согнулась, и оружием он с годами не стал владеть хуже.

– Боюсь, ваше величество, что ваши евнухи плохо годятся для поставленной перед ними задачи.

Дени опять закуталась в шкуру.

– Безупречные – цвет моих воинов.

– Не воинов, а солдат – простите великодушно, ваше величество. Они созданы, чтобы стоять на поле битвы плечом к плечу, прикрывшись щитами и выставив копья перед собой.

Их учат повиноваться беспрекословно, без раздумий и колебаний – расследовать и задавать вопросы они не обучены.

– Может быть, рыцари лучше справятся? – Селми обучал сыновей рабов драться длинными мечами и пиками, как принято в Вестеросе, – но что могут пики против трусов, нападающих ночью из-за угла.

– Не в таком деле – да и нет у вашего величества рыцарей, кроме меня. Эти мальчишки дозреют лишь через несколько лет.

– Кто же тогда, если не Безупречные? Дотракийцы и того хуже. – Конница полезней в открытом поле, чем на узких городских улицах. Там, за миэринскими стенами, сложенными из разноцветного кирпича, никто не признаёт новую королеву. Тысячи рабов в огромных имениях до сих пор растят пшеницу, собирают оливки, пасут коз и овец, добывают соль и медь в рудниках. В городских житницах, конечно, запасено много зерна, оливок, масла, сушеных фруктов и солонины, но и эти запасы когда-нибудь истощатся. Покорять окрестности Дени отправила свой крошечный кхаласар под командованием трех кровных всадников, а Бурый Бен Пламм повел своих Младших Сыновей на юг, защищать город от юнкайских набегов.

Самое ответственное дело она поручила Даарио Нахарису. Сладкоречивому Даарио с золотыми зубами и бородой-трезубцем, язвительно усмехающемуся в пурпурные бакенбарды. За восточными холмами, за круглыми песчаниковыми горами, за Хизайским перевалом лежит Лхазарин. Если Даарио уговорит лхазарян вновь открыть сухопутные торговые тракты, зерно можно будет ввозить по реке или через холмы... Но лхазарянам не за что любить Миэрин.

– Пошлем на улицы Ворон-Буревестников, когда вернутся из Лхазарина, – сказала Дени. – А теперь, сир, извините меня – скоро придут просители. Пора мне надевать свои кроличьи уши и изображать королеву. Вызовите Резнака и Лысого – я приму их, когда оденусь.

– Слушаюсь, ваше величество, – с поклоном ответил Селми.

Великая Пирамида вздымалась на восемьсот футов в небо. Личные покои королевы, окруженные зеленью и прудами, помещались на самом верху. Дени вышла на террасу. Раннее солнце уже озарило золотые купола Храма Благодати на западе, ступенчатые пирамиды отбросили длинные тени. В одной из них замышляют новые убийства Сыны Гарпии, и королева бесильна им помешать.

Белый Визерион лежал, свернувшись, под грушевым деревом. Когда она прошла мимо, он почувствовал ее беспокойство и открыл глаза цвета жидкого золота. Рожки у него тоже золотые, и по спине от головы до хвоста бежит золотая полоска.

– Ты чего ленишься? – Дени почесала ему подбородок. Чешуя на ощупь была горячая, как долго пролежавшие на солнце доспехи. Драконы – это огонь, одевшийся в плоть. Дени вычитала это в одной из книг, которые подарил ей на свадьбу сир Джорах. – Летел бы охотиться, как твой братя, – или вы с Дрогоном опять подрались? – Ее драконы одичали за последнее время. Рейгаль огрызается на Ирри, Визерион поджег токар сенешаля Резнака. Она совсем забросила их, но где же найти время и на них тоже?

Визерион хлестнул хвостом по дереву так, что сбил к ногам Дени грушу. Расправил крылья, вспрыгнул на парапет. Растет, подумала Дени, глядя, как он взлетает. Они все растут и скоро смогут выдержать ее вес. Тогда она, как Эйгон Завоеватель, полетит все выше и выше, пока Миэрин не станет с булавочную головку.

Визерион, расширяя круги, скрылся за мутными водами Скахазадхана, и Дени вошла внутрь. Ирри и Чхику ждали, чтобы расчесать ей волосы и одеть ее, как подобает королеве, в гискарский токар.

Эту простыню следовало обернуть вокруг бедер, пропустить под мышкой и перебросить через плечо, тщательно расправив кайму. Обмотаешь слабо – токар свалится; слишком туго – будет морщить и впиваться в тело. Даже если он лежит правильно, его надо все время при-

держивать левой рукой, шажки делать мелкие и держать равновесие – иначе, чего доброго, наступишь на шлейф. Одевание не для работников, а для господ, символ богатства и власти.

Дени хотела запретить токары, когда взяла Миэрин, но ей отсоветовали. «Матерь Драконов возненавидят, если она не будет носить токар, – предупредила Зеленая Благодать, Галацца Галар. – В вестеросской шерсти или в мирийском кружеве ваша блистательность навсегда останется здесь чужой, пришельцей, главой варваров. Миэринская королева должна быть дамой Старого Гиса».

Бурый Бен Пламм, капитан Младших Сыновей, выразился короче: «Хочешь править кроликами – надень пару длинных ушей».

Сегодняшние «кроличьи уши» были из белоснежного полотна, окаймленного золотыми кистями. Дени при содействии Ирри обмоталась токаром с третьей попытки. Чхику подала ей корону в виде трехглавого дракона, эмблемы дома Таргариенов. Туловище, свитое кольцами, золотое, крылья серебряные, головы из слоновой кости, оникса и нефрита. Еще до конца дня у Дени под ее тяжестью онемеют шея и плечи. Корона – нелегкая ноша, сказал кто-то из ее августейших предшественников. Эйгон, кажется, но какой? Семью Королевствами правили целых пять Эйгонов. Родился уже и шестой, но псы узурпатора растерзали ее племянника еще в колыбели. Будь он жив, Дени, возможно, вышла бы за него. По возрасту он был ей ближе, чем Визерис. Дени только-только зачали, когда погибли Эйгон и его сестра – их отец, ее брат Рейегар, был еще раньше убит узурпатором на Трезубце. Другой ее брат, Визерис, умер мучительной смертью в Вейес Дотрак, увенчанный короной из расплавленного золота. Ее, Дени, тоже убьют, если она ослабит бдительность хоть на миг. Ножи, пресекшие жизнь Крепкого Щита, были предназначены для нее.

Она не забыла маленьких рабов, прибитых великими господами к дорожным столбам вдоль юнкайского тракта. Сто шестьдесят три ребенка, по одному на каждую милю, с рукой, простертой в сторону города. После падения Миэрина Дени казнила тем же способом такое же количество великих господ. Вонь и рои мух долго стояли над площадью, но порой Дени думала, что действовала недостаточно жестко. Миэринцы – коварный, упорный народ, который противится всем ее начинаниям. Да, они освободили своих рабов, но тут же вновь наняли их в услужение за столь ничтожную плату, что тем едва на еду хватает. Непригодных же для работы – старых, малых, больных и увечных – попросту выбросили на улицу. Теперь великие господа собираются на вершинах своих пирамид и ропщут, что драконья королева наводнила их город нищими, ворами и шлюхами.

Чтобы править Миэрином, нужно завоевать сердца его жителей, какое бы презрение она к ним ни питала.

– Я готова, – сказала Дени служанкам.

Резнак и Скахаз ждали ее на вершине мраморной лестницы.

– Великая королева, – провозгласил Резнак мо Резнак, – сегодня вы столь блистательны, что я боюсь и смотреть на вас. – Токар на сенешале шелковый, бордового цвета, с золотой окаемкой. Маленький и пухлый, он пахнет так, будто искупался в духах и говорит на одном из валирийских диалектов с характерным гискарским рычанием.

– Благодарю за любезность, – на том же языке ответила Дени.

– Моя королева, – рыкнул бритоголовый Скахаз мо Кандак. Волосы у гискарцев густые и кучерявые; недавняя мужская мода рабовладельческих городов требовала укладывать их в виде рогов, пик и крыльев. Побрив себе голову, Скахаз отрекся от старого Миэрина и принял новый. То же самое вслед за ним сделали все его родичи. Их примеру последовали многие горожане – то ли из страха, то ли желая не отставать от моды или выдвинуться при новых властях. Их называли лысыми – а Скахаз, первый из них, у Сынов Гарпии и всех их сторонников почитался архиизменником. – Мне уже рассказали про евнуха.

– Его звали Крепкий Щит.

– Если не покарать убийц, будут новые жертвы. – Лицо Скахаза даже под выбритым черепом не внушало доверия. Лоб в морщинах, маленькие, с тяжелыми мешками глаза, большой угреватый нос, кожа скорее желтая, чем подобающая гискарцу янтарная. Лицо жестокого, скорого на гнев человека. Дени оставалось лишь молиться, чтобы оно говорило также о честности.

– Как я могу наказывать, не зная, кого наказать? Скажи мне, кто они, Лысый.

– Врагов у вашего величества хоть отбавляй – их пирамиды видны с вашей террасы. Цхаки, Хазкары, Газины, Мерреки, Лораки – все старые рабовладельческие семьи. И Пали. Пали в первую голову. Теперь в их доме остались одни женщины, кровожадные озлобленные старухи. Женщины ничего не забывают и не прощают.

«Верно, – подумала Дени. – Псы узурпатора познают это на себе, когда я вернусь в Вестерос». Между ней и домом Палей в самом деле пролегла кровь. Ознака за Паля сразил Силач Бельвас на поединке. Его отец, командир миэринской городской стражи, погиб, защищая ворота от Хрена Джозо, сокрушительного тарана, трое дядей вошли в число казненных на площади.

– Какую награду мы обещали за сведения о Сынах Гарпии? – спросила Дени.

– Сто золотых онеров, ваша блистательность.

– Назначь лучше тысячу.

– Ваше величество моего совета не спрашивает, – сказал Скахаз Лысый, – но я скажу, что за кровь можно заплатить только кровью. Казните по одному мужчине из перечисленных мной семей, а в случае нового убийства кого-то из ваших казните по двое от каждого дома. Третьего убийства не будет, ручаюсь вам.

– Нет-нет, милостивая королева! – возопил Резнак. – Подобное варварство навлечет на вас гнев богов. Мы найдем убийц, обещаю, и ваша блистательность сама увидит, что это подонки из самых низших слоев.

Резнак был не менее лыс, чем Скахаз, но плешью его наградили боги. «А если что и прорастет, то мой цирюльник с бритвой всегда наготове», – заверил он, когда его назначили сенешалем. Не приберечь ли эту бритву для его горла? Резнака при всей его полезности Дени не любила и очень мало доверяла ему. Бессмертные Кварта предсказали ей, что ее предадут трижды. Мирри Маз Дуур была первой, сир Джорах вторым – не Резнак ли будет третьим? Кто еще, если не он? Лысый, Даарио или те, кого она никогда бы не заподозрила – сир Барристан, Серый Червь, Миссандея?

– Благодарю за совет, Скахаз. Посмотрим, Резнак, чего добьется тысяча онеров вместо ста. – Дени, придерживая токар, мелкими шажками направилась вниз. Только бы не наступить на подол и не сыграть с лестницы.

– Все на колени перед Дейенерис Бурерожденной, – звонко объявила девочка, служившая ей писцом, – Неопалимой, королевой Миэрина, Королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов!

Зал был полон. У колонн выстроились Безупречные со щитами и копьями – пики на их шлемах торчали вверх, как ножи. Под восточными окнами собрались миэринцы – вольноотпущенники на почтительном расстоянии от своих бывших господ. Не зная городу покоя, пока это расстояние не сократится.

– Встаньте. – Дени села на свой временный трон. Все поднялись – хотя бы это они делают сообща.

У сенешаля был список. Обычай предписывал начать с астапорского посла, бывшего раба, именовавшего себя лордом Шаэлем, хотя никто не мог сказать, лордом чего он является.

Гнилозубый, с желтой хорьковой мордочкой, он принес ей подарок.

– Клеон Великий шлет эти домашние туфли в знак своей любви к Дейенерис Бурерожденной.

Ирри надела их Дени на ноги. Позолоченная кожа, зеленый речной жемчуг – уж не думает ли король-мясник добиться этим ее руки?

– Поблагодарите короля Клеона за щедрый дар. – Туфельки, сшитые на ребенка, жали ей, хотя нога у нее была маленькая.

– Великому Клеону приятно будет узнать, что они вам понравились. Его великолепие поручил мне сказать, что готов защищать Матерь Драконов от всех ее врагов.

«Если он снова предложит, чтобы я вышла за его короля, запущу ему туфлей в голову», – решила Дени, но посол, против обыкновения, о браке не помянул.

– Пришла пора Астапору и Миэрину, – сказал он вместо этого, – покончить с тиранией мудрых господ Юнкая, заклятых врагов свободы. Великий Клеон просит вас передать, что скоро выступит на них со своими новыми Безупречными.

Новые Безупречные. Непристойная пародия на настоящих.

– Я бы советовала королю Клеону возделывать собственный сад, предоставив Юнкаю возделывать свой. – Дени не то чтобы любила Юнкай. Она уже начинала сожалеть, что оставила Желтый Город нетронутым, побив его армию. Мудрые господа восстановили у себя рабство сразу после ее ухода. Кроме того, они набирали рекрутов, наемников и заключали союзы против нее.

Клеон, сам себя нарекший Великим, ничем, однако, не лучше. Он тоже восстановил в Астапоре рабство: вся разница в том, что бывшие рабы стали теперь господами, а бывшие господа – рабами.

– Я еще молода и мало смыслю в военном деле, – сказала Дени лорду Шаэлю, – но мы слышали, что в Астапоре начался голод. Королю Клеону следовало бы сначала накормить своих подданных, а потом уж вести их в бой. – Она жестом отпустила посла, и он удалился.

– Не изволит ли ваше великолепие выслушать благородного Гиздара зо Лорака? – спросил Рэзнак мо Рэзнак.

Опять? По знаку Дени Гиздар вышел вперед – высокий, стройный, с безупречно янтарной кожей. Он отвесил ей поклон на том самом месте, где еще недавно лежал Крепкий Щит. «Этот человек нужен мне», – напомнила себе Дени: у купца много друзей и в Миэрине, и в заморских краях. Он бывал в Лиссе, Волантисе, Кварте, у него родня в Толосе и Элирии. Говорят даже, он пользуется некоторым влиянием в Новом Гисе, где Юнкай пытается найти сторонников против Дени.

Притом он баснословно богат... и будет еще богаче, если она удовлетворит его просьбу. Когда Дени закрыла городские бойцовые ямы, цена на их аренду тут же упала, и Гиздар скупил почти все.

Из черно-рыжих волос на его висках изваяны крылья – голова того и гляди спорхнет с плеч. Длинное лицо еще больше удлинено схваченной золотыми кольцами бородой, пурпурный токар окружен каймой из аметистов и жемчуга.

– Ваша блистательность знает, по какой причине я здесь.

– Видимо, вам просто нравится досаждать мне. Сколько раз я вам отказывала?

– Пять, ваше великолепие.

– Это шестой. Бойцовые ямы не будут открыты.

– Если вашему величеству угодно выслушать мои доводы...

– Я их выслушивала пять раз. Вы подобрали новые?

– Доводы все те же, – признался Гиздар, – но в новых словах, более способных тронуть слух королевы...

– Слова не имеют значения. Я так хорошо запомнила ваши доводы, что могу изложить их сама – не желаете ли? – Дени наклонилась вперед. – Бойцовые ямы существовали в Миэрине со дня его основания. Бои религиозны по сути своей – они представляют собой жертвоприношение богам Гиса. Это не просто бойня, это искусство: мужество и сила, выдаваемые бой-

цами, угодны вашим богам. Победоносных бойцов прославляют, павших почитают. Открыв ямы заново, я докажу, что уважаю обычаи миэринцев. Ямы знамениты по всему миру: они привлекают в Миэрин торговых людей и наполняют городскую казну звонкой монетой. Все мужчины любят кровавые зрелища: если вернуть городу любимую забаву, он станет гораздо спокойнее. Преступникам, осужденным умереть на песке, ямы дают последний случай доказать свою невиновность. – Дени снова откинулась назад. – Ну что, недурно я справилась?

– Гораздо лучше, чем это вышло бы у меня. Ваша блистательность не только прекрасна, но и одарена красноречием. Вы меня вполне убедили.

– А вот вы меня – нет, – не удержалась от смеха Дени.

– Ваше великолепие, – зашептал ей на ухо Резнак, – в городе заведено брать с владельцев ям десятую долю выручки за вычетом расходов. Эти деньги можно потратить на многие благородные цели.

– Да... но если уж открывать ямы, десятину нужно брать, не вычитая расходов. Я, конечно, еще молода, но общение с Ксаро Ксоаном Даксосом кое-чему меня научило. Гиздар, если бы вы распоряжались армиями столь же легко, как словами, то могли бы завоевать мир, но я все же отвечаю вам «нет». В шестой раз.

– Королева сказала свое слово. – Он низко склонился, звякнув аметистами и жемчугами о мраморный пол. Гибкий человек этот Гиздар зо Лорак. И мог бы считаться красивым без своей дурацкой прически.

Резнак и Зеленая Благодать уговаривали Дени взять в мужья кого-то из миэринских вельмож, чтобы примирить с собой город. К Гиздару зо Лораку, пожалуй, следует присмотреться. Он больше подходит ей, чем Скахаз. Дени покорило обещание Лысого оставить свою жену ради нового брака; Гиздар хотя бы улыбаться умеет.

– К вашему великолепию желает обратиться благородный Граздан зо Галар, – сверившись со списком, доложил Резнак. – Угодно ли вам его выслушать?

– Почту за удовольствие. – Дени полюбовалась золотом и жемчугом на туфлях, подаренных Клеоном, хотя они и жали немилосердно. Ее предупредили, что этот Граздан приходится кузеном Зеленой Благодати, чья поддержка была для нее бесценной. Жрица выступала за примирение и повиновение законным властям; ее кузена, чего бы он там ни хотел, следовало выслушать с уважением.

Хотел он, как оказалось, золота. Дени отказалась возмещать великим господам стоимость их рабов, но миэринцы изыскивали все новые способы выжать из нее деньги. Благородный Граздан владел прежде искусной ткачихой, чьи изделия высоко ценились не только в Миэрине, но в Новом Гисе, Астапоре и Кварте. Когда она состарилась, Граздан купил дюжину юных девушек и велел ткачихе обучить их секретам своего ремесла. Теперь старой мастерицы уже не было в живых, а ее ученицы открыли в гавани лавку и продавали там свои ткани. Граздан просил отчислять ему долю их выручки.

– Своим мастерством они обязаны мне, – говорил он. – Это я купил их на невольничьем рынке и посадил к станку.

Дени слушала спокойно, с непроницаемым лицом.

– Как звали старуху? – спросила она, когда Граздан закончил.

– Рабыню? – нахмурился он. – Эльза, кажется... или Элла. Уже шесть лет, как она умерла. У меня, ваша блистательность, было много рабов...

– Хорошо, пусть будет Эльза. Наша воля такова: девушки вам ничем не обязаны. Это она обучила их мастерству, а не вы. Вам, с другой стороны, я велю купить девушкам новый станок, самый лучший – за то, что забыли имя старой ткачихи.

Резнак хотел вызвать очередного вельможу в токаре, но Дени сказала, что желает выслушать кого-нибудь из вольноотпущенников и после чередовала бывших рабов и бывших господ. Перед ней снова и снова вставали вопросы о компенсациях. Город после падения был

разграблен. Ступенчатые пирамиды избежали наихудшего, но по более скромным кварталам прошли ураганом как городские рабы, так и голодные орды, пришедшие с Дени из Юнкая и Астапора. Безупречные в конце концов восстановили порядок, однако потерпевшие ущерб горожане не уставали осаждать королеву.

Богатая женщина, муж и сыновья которой погибли на городских стенах, укрылась в доме своего брата, а после обнаружила, что ее собственный дом превращен в бордель. Она требовала обратно свое жилище и драгоценности, которыми завладели девицы.

– Одежду, так и быть, могут оставить себе.

Дени вернула драгоценности, но не дом – хозяйку никто не принуждал его покидать.

Вольноотпущенник обвинял вельможу из дома Цхаков, на бывшей наложнице которого недавно женился. Господин лишил свою рабыню невинности, пользовался ею в свое удовольствие и обрюхатил ее. Муж требовал оскотить господина за изнасилование, а себе просил кошель золота – он ведь растит господского ублюдка, как своего. Дени присудила ему золото, но наказывать вельможу не сочла нужным.

– Твоя жена в то время была его собственностью, и он мог распоряжаться ею как хотел. Закон не позволяет обвинить его в изнасиловании.

Бывший раб остался недоволен ее решением, но если кастрировать всех, кто спал со своими рабынями, город будут населять одни евнухи.

Вперед вышел юноша моложе Дени со шрамом на лице, одетый в потрепанный серый токар с серебряным окаймлением. Срывающимся голосом он рассказал, как два их раба в ночь взятия города убили его отца и старшего брата. Мать они изнасиловали и тоже убили. Сам юноша бежал, отделавшись легкой раной, но один убийца так и живет в доме его отца, а другой пошел в солдаты, став одним из Детей Неопалимой. Мальчик требовал, чтобы их обоих повесили.

Дени с тяжелым сердцем отказала ему. Она уже объявила помилование за все преступления, совершенные при взятии Миэрина, и не могла наказывать рабов, восставших против своих хозяев.

Город, которым она правит, стоит на костях убиенных.

Юноша, услышав решение, бросился на нее, но запутался в токаре и растянулся на мраморе. Силач Бельвас, громадный евнух, тут же поднял его и встряхнул, как пес крысу.

– Довольно, Бельвас. Пусти его. – Мальчишке Дени сказала: – Благодарю свой токар – он спас тебе жизнь. Ты еще мальчик, поэтому мы забудем о том, что здесь было. Забудь и ты. – Мальчишка, уходя, оглянулся, и по его глазам она поняла, что у гарпии появился еще один сын.

К полудню она стала чувствовать, как тяжела ее корона и как тверда скамья, на которой она сидит. Она отрядила Чхику на кухню за лепешками, оливками, сыром и фигами и поела, слушая жалобщиков. Трапезу она запивала разбавленным вином. Фиги были хороши, оливки и того лучше, но вино оставляло во рту противный металлический вкус. Из местного желтого винограда напиток получался неважный – виноторговлю здесь не наладишь. Кроме того, лучшие виноградники вместе с оливковыми рощами великие господа сожгли.

В середине дня некий ваятель предложил заменить голову гарпии на Площади Очищения ее, Дени, бронзовой головой. Она отказала ему со всей возможной учтивостью. Рыбак, выловивший в Скахазадхане щуку невиданной величины, желал преподнести ее королеве. Дени восхитилась уловом, вознаградила рыбака пригоршней серебра и послала рыбу на кухню. Кузнец сковал ей кольчугу из меди. Королева снова выразила восторг; медь красиво блестела на солнце, но в бою Дени, при всей своей молодости и малой осведомленности в военных делах, предпочитала сталь.

Туфли короля-мясника совсем ее доконали. Она скинула их и поджала одну ногу под себя, болтая другой. Поза не слишком царственная, но Дени уже надоело быть царственной. От короны голова разболелась, ягоды онемели вконец.

– Сир Барристан, я поняла, какое свойство необходимо всем королям.

– Мужество, ваше величество?

– Железная задница. Я только и делаю, что сижу.

– Ваше величество слишком много на себя взваливает. Часть дел следовало бы передать вашим советникам.

– Слишком много у меня советников, слишком мало подушек. Сколько там еще, Резнак?

– Двадцать три человека, ваше великолепие, и столько же жалоб. Один теленок, три козы, – стал перечислять он, глядя в свои бумаги, – остальные, можно не сомневаться, ягнята и овцы.

– Двадцать три! Мои драконы очень полюбили баранину с тех пор, как мы начали платить пастухам. Как эти люди могут доказать правдивость своих притязаний?

– У некоторых при себе горелые кости.

– Может, они сами жарили баранину на костре – горелые кости ничего не доказывают. Бурый Бен говорит, что в холмах за городом водятся красные волки, шакалы и дикие собаки. Неужели мы должны платить серебром за каждого ягненка, пропавшего между Юнкаем и Скахазадханом?

– Отнюдь, ваше великолепие. Прогнать негодяев прочь или велеть их высечь?

Дени поерзала на скамье.

– Я хочу, чтобы люди приходили ко мне без страха. – Некоторые жалобы, конечно же, ложные, но правдивых гораздо больше. Ее драконы не довольствуются больше крысами, кошками и собаками. Чем больше они едят, тем быстрее растут, предупреждал ее сир Барристан, а чем быстрее растут, тем больше едят. Особенно Дрогон: он летает охотиться дальше всех и вполне способен сожрать за день барашка. – Заплати им, Резнак – но отныне все пастухи и владельцы стад должны являться в Храм Благодати и приносить священную клятву перед богами Гиса.

– Будет исполнено. Ее великолепие королева согласна уплатить вам за утраченный скот, – по-гискарски сообщил Резнак. – Приходите к моим факторам завтра и получите требуемое деньгами или натурой.

Просители выслушали его в угрюмом молчании. Почему эти люди так недовольны? За этим ведь они и пришли. Ничем им, как видно, не угодишь.

Все вышли, только один задержался – коренастый, обветренный, в убогой одежде. Черно-рыжие курчавые волосы подстрижены в кружок над ушами, в руке тряпичный мешок. Он смотрел в пол, точно забыл, что его сюда привело. Этому что еще нужно?

– На колени перед Дейенерис Бурерожденной, – завела Миссандея, – королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов!

Дени встала, подхватив сползший с нее токар.

– Эй ты, с мешком! Подойди, если хочешь говорить с нами.

Глаза у него оказались красными и мокрыми, словно открытые язвы. Сир Барристан вырос рядом с Дени, как белая тень. Человек приближался маленькими шажками, сжимая мешок. Что он, пьян или болен? Под его растрескавшимися желтыми ногтями виднелась грязь.

– С чем ты пришел – с просьбой, с жалобой? Чего ты хочешь от нас?

Человек облизнул запекшиеся губы.

– Я тут принес...

– Что принес? – нетерпеливо спросила Дени. – Горелые кости?

Человек вытряхнул содержимое мешка на пол.

Так и есть: кости. Черные, обгорелые. Длинные кто-то разгрыз, чтобы высосать мозг.

– Это был черный, – порывивая по-гискарски, сказал человек. – Крылатая тень. Он спустился из поднебесья и...

«Нет, – содрогнулась Дени. – Нет. Нет».

– Ты что, оглох, дурень? – напустился на пастуха Резнак. – Не слышал, что я сказал? Придешь к моим факторам завтра и получишь мзду за свою овцу.

– Резнак, – спокойно вмешался сир Барристан, – придержи язык и открой уши. Это не овечьи кости.

«Верно, не овечьи, – согласилась с ним Дени. – Это кости ребенка».

ДЖОН

Белый волк мчался по черному лесу, вдоль утеса вышиной до самого неба. Луна, продираясь сквозь голые ветки, бежала среди звезд вместе с ним.

– Сноу, – прошептала она.

Волк не ответил. Снег хрустел у него под лапами, ветер вздыхал в деревьях.

Откуда-то издалека его звала стая, брат и сестра. Они тоже охотились. Черного брата поливал дождь, смывая кровь на боку – он завалил громадного козла, и тот пырнул его рогом. Сестра, запрокинув голову, пела песню луне. Ей подпевали мелкие серые родичи – много, не меньше сотни. Там, в далеких холмах теплее и больше дичи. Сестрина стая охотится на коров, овец, лошадей – человеческую добычу, – а порой и на самого человека.

– Сноу, – каркнула луна.

Белый волк бежал по человечесьей тропе. Вкус крови на языке, в ушах многоголосая волчья песнь. Когда-то их, братьев и сестер, было шестеро; пять слепых щенят скулили в снегу около мертвой матери, выдаивая молоко из затвердевших сосков, только он отполз в сторону. Теперь их четверо живых, и одного белый больше не чувствует.

– Сноу, – не унималась луна.

Белый волк бежал от нее, стремясь к пещере ночи, где прячется солнце. Его дыхание стыло в воздухе. В ненастные ночи утес черен как камень и грозно нависает над миром, в лунные мерцает льдом, как замерзший ручей. От ветра, дующего с него, не спасает даже косматая шкура, а по ту сторону, где живет серый, пахнувший летом брат, еще холоднее.

– Сноу. – Белый волк оскалился на упавшую с ветки сосульку и ошетинился, видя, как тает вокруг него лес. – Сноу, Сноу, Сноу! – Из мрака, хлопая крыльями, вылетел ворон.

Он сел на грудь Джона Сноу, вцепился в нее когтями и заорал прямо в лицо:

– СНОУ!

– Слышу. – В комнате сумрачно, койка жесткая. Серый свет просачивается сквозь ставни, предвещая еще один тусклый холодный день. – Ты и Мормонта так будил? Убери от меня свои перья. – Выпростав из-под одеяла руку, Джон шуганул ворона. Тот был стар, повидал всякое и совершенно ничего не боялся.

– Сноу, – крикнул он, перелетев на столбик кровати. – Сноу, Сноу.

Джон запустил в него подушкой, но ворон взлетел, а подушка ударилась о стену и порвалась. В этот самый миг Скорбный Эдд Толлетт сунул голову в дверь.

– Прошу прощения, милорд. Подать завтрак?

– Зерно, – одобрил ворон. – Зерно, зерно.

– Жареного ворона и полпинты эля, – поправил Джон. Он так и не привык, что ему прислуживает стюард; давно ли он сам подавал завтрак лорду-командующему Мормонту?

– Три зернышка и один жареный ворон, – повторил Эдд. – У Хобба, милорд, только вареные яйца, черная колбаса да компот из яблок и чернослива. Яблоки вкусные, а чернослив я не ем. Хобб как-то напихал его в курицу вместе с каштанами и морковкой. Поварам доверять нельзя: они суют чернослив туда, где ты совсем не ждешь его встретить.

– Потом. – Завтрак в отличие от Станниса мог подождать. – Ночью у частокола не было происшествий?

– С тех пор, как вы распорядились сторожить сторожей, там все в порядке, милорд.

– Хорошо. – В загоне за Стеной содержалась тысяча пленных – их взяли, когда Станнис Баратеон со своими рыцарями разбил пестрое войско Манса-Разбойника. Там было много женщин, и стражники повадились водить то одну, то другую к себе в постель. Люди короля, люди королевы, черные братья – все хороши. Мужчины остаются мужчинами, а эти одичалые – единственные женщины на многие лиги.

– Нам сдалась еще одна женщина с маленькой дочкой, – доложил Эдд. – При ней еще младенец, в меха завернутый, только он мертвый.

– Мертвый, – со вкусом произнес ворон свое любимое слово. – Мертвый.

В замок что ни ночь являлись полузамерзшие вольные люди – уйдя от боя, они скоро убедились, что бежать некуда.

– Мать допросили? – спросил Джон. Короля за Стеной Станнис взял в плен, но где-то еще разгуливали Плакальщик и Тормунд Великанья Смерть с тысячами бойцов.

– Да что с нее взять, милорд. Убежала, потом в лесу пряталась. Накормили обеих овсянкой и послали в загон, а младенца сожгли.

Сожжение мертвых детей Джона больше не беспокоило. Живые – другое дело. Чтобы пробудить дракона, нужны два короля. Сначала отец, потом сын – таким образом оба умрут королями. Об этом проговорился один из людей королевы, когда мейстер Эймон промывал его раны. Джон это списал на бред, но мейстер не согласился. «Королевская кровь имеет большую силу, – сказал он, – и люди получше Станниса делали вещи похуже». Ладно еще Манс, он свое заслужил, но грудное дитя? Только чудовище способно бросить живого ребенка в огонь.

Джон помочился в горшок под жалобы ворона. Волчьи сны все больше донимали его, и он помнил их, даже проснувшись. Призрак чувствует, что Серый Ветер погиб. Вместе с ним пал и Робб, преданный людьми, которых считал своими друзьями. Бран и Рикон обезглавлены по приказу Теона Грейджоя, бывшего воспитанника их лорда-отца... но их лютоволки, если верить снам, сумели уйти. Один из них, выскочив из тьмы у Короны Королевы, спас Джону жизнь. Серый – Лето, должно быть. Лохматый Песик темнее. Может быть, какая-то часть умерших братьев Джона живет в их волках?

Он налил воды в таз, умылся, надел чистые штаны и рубаху из черной шерсти. Зашнуровал черный кожаный колет, натянул старые сапоги. Ворон, следивший за ним пронзительными черными глазами, перелетел на окно.

– Я что, к тебе нанялся? – Джон отворил окно с желтыми стеклянными ромбами, и утренний холод ужалил ему лицо. Ворон улетел, человек глубокодохнул, разгоняя нити ночной паутины. Эта птица слишком умна. Ворон, долгие годы сопровождавший лорда-командующего, тем не менее склевал Мормонту лицо, как только тот умер.

В комнате под спальней стояли обшарпанный сосновый стол и дюжина дубовых, обтянутых кожей стульев. Поскольку в Королевской башне водворился Станнис, а башня лорда-командующего сгорела дотла, Джон поселился в скромных покоях Донала Нойе за оружейной. Со временем ему, конечно, понадобится более просторное помещение, но пока он привыкает к своему новому сану, и это сойдет.

Дарственная, которую дал ему на подпись король, лежала на столе рядом с серебряной чашей Донала Нойе. От однорукого кузнеца осталось совсем немного: эта вот чаша, шесть грошей, медная звезда, серебряная черненная брошь со сломанной застежкой, лежалый парчовый дублет с оленем Штормового Предела. Сокровищами мастера были его инструменты, а также мечи и ножи, которые он ковал. Вся его жизнь проходила в кузне. Джон, отодвинув чашу, перечитал пергамент еще раз. Приложив к нему печать, он навсегда останется в истории как лорд-командующий, добровольно отдавший Стену, в случае же отказа...

Станнис Баратеон показал себя несговорчивым и весьма беспокойным гостем. Он успел проехать по Королевскому тракту почти до самой Короны, посетил опустевшие хижины Кротового городка, обозрел разрушенные форты Дубовый Щит и Врата Королевы. Каждую ночь он прохаживается по Стене с леди Мелисандрой, днем отбирает пленных, которых потом допрашивает красная женщина. Мешкать он не намерен; это утро Джону ничего хорошего не сулит.

В оружейной клацали последние мечи и щиты. Рекруты последнего набора вооружались, Железный Эммет приказывал им поторапливаться. Коттер Пайк был недоволен, лишившись

Эммета, но ничего не поделаешь: у молодого разведчика прямо-таки дар обучать других. Он передаст ученикам свою любовь к ратным трудам – так Джон по крайней мере надеялся.

Его плащ висел на одном колышке, пояс с мечом на другом. Надев то и другое, Джон вышел. Призрака на подстилке не было. У дверей внутри стояли двое часовых в полушлемах и плащах, с копьями.

– Прикажете сопровождать, милорд? – спросил Гарс.

– Авось как-нибудь сам найду Королевскую башню. – Джон терпеть не мог, когда дозорные таскались за ним, как утята за уткой.

Ребята Железного Эммета уже всю рублились во дворе тупыми мечами. Джон остановился поглядеть на Коня, прижавшего к колодцу Хоп-Робина. Хорошим бойцом может стать. Хоп-Робин – иное дело: он колченогий и каждый раз ежится со страху, получая удар. Из него разве что стюард выйдет. Конь повалил его, и на этом бой закончился.

– Молодец, – сказал Джон, – только щит держи повыше, когда нападаешь. Иначе тебя мигом убьют.

– Понял, милорд, – сказал Конь. Хоп-Робин, которого он поднял на ноги, неуклюже поклонился лорду-командующему.

На дальней стороне двора упражнялись рыцари Станниса: люди короля в одном углу, люди королевы в другом. Из-за холода их было немного.

– Мальчик! – услышал Джон, проходя мимо них. – Эй! Мальчик!

Джона после избрания лордом-командующим еще и не так называли. Не обращая внимания, он шел дальше.

– Сноу, – не унимался голос. – Лорд-командующий!

– Сир? – отозвался на сей раз Джон.

Рыцарь был выше его дюймов на шесть.

– Валирийскую сталь носят не для того, чтобы чесать себе задницу.

Послушать этого молодца, так он прославленный рыцарь. В битве сир Годри Фарринг убил великана, который убегал от него: подскакал сзади, вонзил копьё в спину, спешил и срубил маленькую великанию головку. За это люди королевы прозвали его Годри Победителем Великанов.

Джон вспомнил Игритт, поющую «Я последний из великанов».

– Я пользуюсь Длинным Когтем, когда есть нужда, сир.

– Насколько хорошо? – Сир Годри обнажил собственный меч. – Покажи нам. Я не сделаю тебе больно.

Надо же, какой добрый.

– В другой раз, сир. Неотложное дело.

– Да ты трусишь, я вижу. – Сир Годри обернулся к своим друзьям и пояснил для недогадливых: – Трусит.

– Прошу извинить. – Джон повернулся к ним спиной и зашагал дальше.

Черный Замок в бледном утреннем свете являл собой унылое зрелище. «Я командую не столько крепостью, сколько руинами», – с горечью сказал себе Джон. Башня командующего вся выгорела, от трапезной осталась куча обугленных бревен, башня Хардина выглядит так, точно рухнет при первом порыве ветра... хотя она уже много лет так выглядит. Над всем этим стоит Стена, грозная и неприступная. На ней кишат строители, приделывающие новую лестницу к остаткам старой, – они трудятся от зари до зари. Без лестницы на Стену можно подняться только в клетки с помощью ворота – а ну как одичалые вздумают напасть снова?

На Королевской башне реял, хлопая на ветру, золотой боевой штандарт дома Баратеонов. Еще недавно там стояли Джон с Атласом и Глухим Диком Фоллардом, осыпая стрелами теннов и вольный народ. На крыльце тряслись двое людей королевы, сунув руки под мышки и прислонив копьё к двери.

– Тряпичные рукавицы никуда не годятся, – сказал им Джон. – Скажите Боуэну Муршу, чтобы выдал вам по паре кожаных на меху.

– Так и сделаем, – сказал тот, что постарше. – Спасибо, милорд.

– Если руки до тех пор не отвялятся, – добавил молодой. – Раньше я думал, что нет холоднее места, чем Дорнийские Марки, – много я знал!

«Ничего ты не знал, – подумал Джон. – Как и я».

На середине лестницы ему встретился идущий вниз Сэмвел Тарли.

– Ты от короля?

– Да. Мейстер Эйемон передал ему письмо.

– Ясно. – Некоторые лорды доверяют мейстерам читать свои письма, но Станнис вскрывает печати сам. – Хорошие новости?

– Не очень, судя по его виду, – понизил голос Сэм. – Хотя говорить об этом не полагалось бы.

– Ладно, не говори. – Хотел бы Джон знать, кто из отцовских знаменосцев отказал Станнису на сей раз. Когда к нему перешел Кархолд, король не преминул об этом оповестить. – Как поживает твой длинный лук?

– Я нашел хорошее пособие по стрельбе, но делать куда трудней, чем читать. Все руки в мозолях.

– Ничего, держись. Ты нам понадобишься, если Иные нагрянут ночью.

– Очень надеюсь, что этого не случится.

У королевской горницы тоже стояли часовые.

– К его величеству, милорд, нельзя входить при оружии, – сказал старший. – Прошу отдать нам меч и ножи.

Зная, что спорить бесполезно, Джон подчинился.

В горнице было тепло. На белой шее сидящей у огня леди Мелисандры мерцал рубин. Игритт огонь только поцеловал, а жрица – сама огонь, и волосы у нее цвета крови и пламени. Станнис стоял у грубо вытесанного стола, за которым когда-то ел Старый Медведь. Весь стол занимал кусок кожи с большой картой Севера: один край прижимала сальная свечка, другой – стальная перчатка.

В шерстяных бриджах и стеганом дублете король, видимо, чувствовал себя столь же неловко, как в кольчуге и латах. Лицо бледное, борода подстрижена так коротко, что кажется нарисованной, от черных волос осталась только кайма вокруг лысины, в руке пергамент со взломанной печатью из темно-зеленого воска.

Джон преклонил колена.

– Встань. – Король сердито тряхнул пергаментом. – Кто такая Лианна Мормонт?

– Дочь леди Мэг, ваше величество. Самая младшая. Ее называли в честь сестры моего лорда-отца.

– Чтобы добиться расположения твоего лорда-отца, несомненно. Знаю я эти штуки. Сколько девчонке лет?

– Десять или около того, – подумав, ответил Джон. – Могу я узнать, чем она прогневила ваше величество?

– «Медвежий Остров не признает иного короля, – прочел вслух Станнис, – кроме Короля Севера, имя которому – СТАРК». Десятилетняя девочка смеет выговаривать своему законному королю! – Его борода лежала на впалых щеках, как тень. – Никому об этом не говорите, лорд Сноу. Людям довольно знать, что ко мне примкнул Кархолд. Не желаю, чтобы твои братья сплетничали об оплевавшем меня ребенке.

– Как прикажет ваше величество. – Джон знал, что Мэг Мормонт и ее старшая дочь ушли на юг с Роббом – но если даже обе они погибли, у Мэг есть еще дочери, некоторые уже с собственными детьми. Может, они тоже отправились с Роббом? Уж одну-то из взрос-

лых леди должна была оставить в замке как кастеляна. Непонятно, почему Станнису отвечает Лианна, младшая дочь. Будь письмо к Мормонтам запечатано лютоволком вместо коронованного оленя и подписано Джоном Старком, лордом Винтерфелла, ответ, возможно, был бы другим... Поздно сетовать: Джон сделал свой выбор.

– Сорок воронов разослано, – жаловался король, – а в ответ только молчание либо дерзости. Где почтение, которым каждый верноподданный обязан своему королю? Все знаменосцы твоего отца повернулись ко мне спиной, кроме Карстарков. Или Арнольф Карстарк – единственный человек чести на Севере?

Арнольф Карстарк приходится дядей покойному лорду Рикарду. Он остался кастеляном в Кархолде, когда Рикард и его сыновья ушли на юг с Роббом, и первым прислал ворона, присягнув на верность королю Станнису. «У Карстарков просто выбора нет, – мог бы сказать Джон. – Рикард предал лютоволка и пролил львиную кровь; олень – единственная надежда Кархолда».

– В столь смутные времена даже человек чести не сразу поймет, в чем его долг. Ваше величество – не единственный король, требующий, чтобы все повиновались только ему.

– Где были другие короли, лорд Сноу, – вступила в разговор Мелисандра, – когда одичалые напали на вашу Стену?

– За тысячу лиг отсюда, глухие к нашему зову, – признал Джон. – Я этого не забыл, миледи, и никогда не забуду. Но у отцовских знаменосцев есть жены, дети и простой люд, которым в случае неверного выбора грозит гибель. Его величество требует от них слишком многого. Дайте им срок.

– Для чего? Чтобы получить такой вот ответ? – Станнис скомкал письмо Лианны.

– Даже на Севере люди страшатся гнева Тайвина Ланнистера, и Болтонов тоже лучше не делать врагами: недаром эмблемой им служит человек с содранной кожей. Север стоял за Робба, проливал за него кровь, умирал за него, он сыт по горло горем и смертью, а теперь ваше величество предлагает северянам сменить короля. Стоит ли упрекать их за промедление? Некоторые из них, уж простите, видят в вас всего лишь еще одного претендента, обреченного на провал.

– Если его величество обречен, ваш Север обречен тоже, – сказала леди Мелисандра. – Помните об этом, лорд Сноу. Перед вами стоит единственный истинный король Вестероса.

– Да, миледи, – ответил с непроницаемым лицом Джон.

– Ты роняешь слова, точно золотые, – фыркнул Станнис. – Сознайся, сколько у вас припасено золота?

Золота? Уж не золотых ли драконов хочет пробудить красная женщина?

– Подати нам платят натурой, ваше величество. Дозор богат разве что репой – не золотом.

– Репой Салладора Саана не прельстишь. Мне требуется золото, на худой конец серебро.

– Тогда вам нужна Белая Гавань. С Королевской или со Староместом ей, само собой, не сравниться, однако она процветает. Лорд Мандерли – самый богатый из знаменосцев моего лорда-отца.

– Лорд, слишком-толстый-чтобы-сесть-на-коня. – В письме от Вилиса Мандерли говорилось о его немощах и преклонных годах, более ни о чем. Станнис велел, чтобы Джон и о нем молчал.

– Быть может, его милость захочет жену-одичалую, – предположила леди Мелисандра. – Этот толстяк женат, лорд Сноу?

– Его леди-жена давно умерла. У лорда два взрослых сына и внуки от старшего. Он правда слишком толст, чтобы ездить верхом, не меньше тридцати стоунов. Вель за него не пойдет.

– Хоть бы раз сказал что-то приятное, лорд Сноу, – проворчал Станнис.

– Я думал, что вашему величеству приятнее всего правда. Для ваших людей Вель принцесса, а для вольного народа – всего лишь сестра покойной жены короля. Если принудить ее к

замужеству против воли, она скорее всего перережет мужу горло в первую ночь. И даже если она согласится, это еще не значит, что одичалые пойдут за ее мужем или за вами. Единственный, кто может их к вам привести, – Манс-Разбойник.

– Знаю, – вздохнул Станнис. – Я провел много часов в разговорах с ним. Он хорошо знает нашего истинного врага, и в хитрости ему не откажешь. Вся беда в том, что он останется клятв-вопреступником, даже отрекшись от своего титула. Дай поблажку одному дезертиру – начнут бегать все остальные. Законы куются из железа, а не лепятся из хлебного мякиша, и ни один закон Семи Королевств не позволяет сохранить жизнь Мансу-Разбойнику.

– У Стены законы кончаются, ваше величество. Манс очень бы вам пригодился.

– Пригодится еще. Когда я сожгу его, Север увидит, как я поступаю с предателями. У одичалых найдутся другие вожди – и сын Манса тоже мой, не забудь. После смерти отца Королем за Стеной станет его щенок.

– Ваше величество заблуждается. – «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», – любила говорить Игритт, но кое-чему он все-таки научился. – Этот ребенок – такой же принц, как Вель-принцесса. Титул Короля за Стеной не переходит от отца к сыну.

– И хорошо – я не потерплю в Вестеросе других королей. Ты подписал дарственную?

– Нет, ваше величество. – Вот оно, начинается. Джон согнул и разогнул обожженные пальцы. – Вы просите слишком много.

– Прошу? Я просил тебя стать лордом Винтерфелла и Хранителем Севера, а эти замки я *требую*.

– Твердыню Ночи мы отдали вам.

– Развалины, населенные крысами. Отделались, что называется. Ваш же Ярвик заявляет, что замок только через полгода будет готов для жителя.

– Другие ничем не лучше.

– Знаю, но это все, что у нас есть. У Стены девятнадцать фортов, а гарнизоны есть только в трех. Я намерен до конца года заселить все.

– Против этого я не возражаю, ваше величество, но говорят, будто вы намерены также жаловать эти замки своим лордам и рыцарям в их полную собственность.

– Король должен быть щедр со своими сторонниками. Разве лорд Эддард ничему не учил своего бастарда? Многие мои лорды и рыцари оставили на юге богатые земли и крепкие замки – их нужно как-то вознаградить.

– Если ваше величество хочет потерять всех знаменосцев моего лорда-отца, нет лучшего способа, чем раздавать северные поместья южанам.

– Как можно потерять то, чего не имеешь? Винтерфелл, если помнишь, я хотел отдать северянину. Сыну Эддарда Старка. Он бросил это предложение мне в лицо. – Если Станнис Баратеон затаит на кого обиду, то будет поминать о ней вечно. Как собака: не успокоится, пока не сгрызет кость до конца.

– Винтерфелл по праву переходит к моей сестре Сансе.

– Леди Ланнистер, ты хочешь сказать? Тебе так хочется увидеть Беса на высоком сиденье отца? Не бывать этому, покуда я жив!

Джон благо разумно не стал настаивать.

– Я слышал еще, будто вы хотите дать земли и замки Гремучей Рубашке и магнару теннов.

– Кто тебе это сказал?

Такие разговоры ходили по всему Черному Замку.

– Если ваше величество спрашивает, то Лилли.

– Что за Лилли такая?

– Кормилица, – пояснила Мелисандра. – Ваше величество даровали ей свободу в пределах замка.

– Не для того, чтобы она разносила слухи. Мне от нее нужны сиськи, а не язык. Больше молока, меньше сплетен.

– Лишние рты замку тоже ни к чему, – согласился Джон. – Я отправлю ее на юг с первым же кораблем из Восточного Дозора.

Леди Мелисандра потрогала рубин у себя на горле.

– Лилли кормит сына Даллы не хуже, чем собственного. Жестоко разлучать маленького принца с его молочным братом, милорд.

Теперь надо ступать осторожно.

– Не думаю. Сын Лилли больше и крепче. Он пинает принца, щипает, отпихивает его от груди. Его отцом был жестокий и алчный Крастер, вот кровь и сказывается.

– Я думал, кормилица – дочь этого Крастера? – удивился король.

– И дочь, и жена. Крастер женился на всех своих дочерях, от такого брака и родился сын Лилли.

– От родного отца? Да, таких нам не надо. Выродков я здесь не потерплю – это не Королевская Гавань.

– Мы найдем другую кормилицу. Если не среди одичалых, так в горных кланах. А пока будем искать, мальчик поживет на козьем молоке, ваше величество.

– Плохая еда для принца... но все лучше, чем молоко шлюхи. Вернемся, однако, к фортам, – постучал по карте король.

– Ваше величество, – начал Джон с ледяной любезностью, – я разместил ваших людей у себя, кормлю их из наших скудных зимних запасов, одеваю, чтобы они не замерзли...

– Да. Ты поделился с нами овсом, солониной и черных тряпок нам набросал. Эти тряпки сняли бы одичалые с ваших трупов, не приди я к Стене.

Джон пропустил это мимо ушей.

– Ваших лошадей я тоже кормлю. Строители, как только поставят лестницу, начнут восстанавливать вашу Твердыню Ночи. Я даже согласился поселить одичалых в Даре, отданном в вечную собственность Ночному Дозору.

– Ты отдаешь мне пустоши и развалины, а в замках для лордов и рыцарей упорно отказываешь.

– Эти замки строил Ночной Дозор...

– Он же их и забросил.

– ...чтобы защищать Стену, – не уступал Джон. – Они не замыслились как усадьбы для южных лордов. Стены этих фортов скреплены костями и кровью моих давно умерших братьев. Вам я не могу их отдать.

– Не можешь или не хочешь? – Жилы на шее короля напряглись. – Я предлагал тебе имя.

– У меня есть имя, ваше величество.

– Сноу¹. Можно ли вообразить более зловещее слово? – Станнис положил руку на рукоять меча. – Кем ты, собственно, себя возомнил?

– Дозорным на стене и мечом во тьме.

– Не играй со мной словами. – Станнис обнажил меч, который звал Светозарным. – Вот он, твой меч во тьме. – Клинок переливался красными, оранжевыми, желтыми бликами, раскрашивая лицо короля. – Даже молокоосу это должно быть ясно, если он не слепой.

– Я не слепой, ваше величество, и согласен с тем, что эти замки следует заселить...

– Мальчик согласен! Какая удача!

– ...гарнизонами Ночного Дозора.

– У тебя нет на это людей.

¹ Сноу (снег) – родовое имя, которое давали всем бастардам на Севере. – *Примеч. пер.*

– Так дайте мне их, ваше величество. Я поставлю в каждом форте своих офицеров, опытных командиров, хорошо знающих Стену и то, что за ней. Знающих, как выжить грядущей зимой. Взамен за все, что мы для вас сделали, дайте мне людей, чтобы заселить форты! Бойцов, арбалетчиков, зеленых мальчишек, кого угодно. Согласен даже на раненых и больных.

Станнис, недоверчиво глядя на Джона, рассмеялся, будто залаял.

– В смелости тебе не откажешь, Сноу, но ты безумен, если думаешь, что мои люди надедут черное.

– Пусть себе носят любые цвета, но моих офицеров они должны слушаться, как своих.

– У меня на службе состоят лорды и рыцари, отпрыски древних благородных домов. Не станут они подчиняться крестьянам, убийцам, браконьерам...

«И бастардам, ваше величество?»

– У вас самого десница контрабандист.

– Был контрабандистом. Я ему за это пальцы урезал. Ты, я слышал, стал девятьсот девяносто восьмым по счету командующим – что, по-твоему, скажет насчет этих замков девятьсот девяносто девятый? Думаю, твоя голова на пике поможет ему стать сговорчивым. – Король положил меч на карту, расположив его вдоль Стены. Сталь мерцала, как солнечный свет на воде. – Ты остаешься лордом-командующим, лишь пока я тебя терплю, не забывай этого.

– Я стал им, потому что меня выбрали мои братья. – Порой, просыпаясь утром, Джон сам в это не верил и думал, что ему привиделся горячечный сон. «Это как новая одежда, – сказал ему Сэм. – Поначалу и жмет и тянет, а поносишь немного – глядишь, и привык».

– Аллисер Торне говорит, что выборы были неправильные, и я склонен в это поверить. – Карта, озаренная светящимся мечом, лежала между ними, как поле битвы. – Счет вел слепой старец, которому помогал твой жирный дружок. А Слинг именуется тебя перевертышем.

«Кому и знать, как не Слинту». – подумал Сноу.

– Будь я перевертышем, то всячески угождал бы вам, а после бы предал. Вашему величеству известно, что выборы были честные. Мой отец всегда говорил, что вы человек справедливый. – «Суровый, но справедливый», – так на самом деле говорил Эддард Старк. Джон счел за лучшее подправить его слова.

– Лорд Эддард не был мне другом, но голова у него работала. Он бы отдал мне эти замки.

«Ага. Так бы и отдал».

– Стоит ли говорить о том, как поступил бы мой отец, ваше величество? Я принес присягу – Стена моя.

– Посмотрим, надолго ли. Оставь себе свои развалины, коли они тебе так дороги, но если хоть один замок останется незаселенным до конца года, я заберу его, с твоего соизволения или без. А если хоть один перейдет к врагу, головы тебе не сносить. Ступай вон.

– С позволения вашего величества, я провожу лорда Сноу, – сказала Мелисандра, поднявшись.

– К чему это? Он знает дорогу. А впрочем, как хочешь, – махнул рукой Станнис. – Деван, принеси мне поесть. Вареные яйца и лимонную воду.

На винтовой лестнице после теплой горницы пробирал холод.

– Ветер поднимается, миледи, – сказал сержант Мелисандре, возвращая Джону его оружие. – Вы бы надели плащ потеплее.

– Меня греет вера. – Они начали спускаться, и Мелисандра сказала: – Я вижу, его величество полюбил вас.

– Да уж. Всего-то дважды пригрозил лишить меня головы.

– Бойтесь его молчания, не его слов, – засмеялась красная женщина. Во дворе ветер бросил на нее черный плащ Джона, и она взяла спутника под руку. – Возможно, вы правы относительно короля одичалых. Я помолюсь Владыке Света, чтобы он указал мне путь. Глядя в огонь, я вижу сквозь камень, сквозь землю, проникаю в глубину человеческих душ. Говорю

с давно умершими королями и детьми, еще не родившимися на свет. Смотрю, как проходят годы, лета и зимы вплоть до конца времен.

– Ваш огонь никогда не ошибается?

– Никогда. Но мы, жрецы, всего лишь смертные и порой путаем неизбежное будущее с возможным.

Джон чувствовал ее жар даже сквозь шерсть и вареную кожу. На них, идущих рука об руку, поглядывали с любопытством – будет о чем языки почесать в казарме.

– Если вы и впрямь видите в пламени будущее, скажите, когда одичалые снова нагрянут. – Джон снял ее руку со своей.

– Видения мне посылает Рглор, но я поищу в огне вашего Тормунда. – Красные губы искривились в улыбке. – Я и вас видела там, Джон Сноу.

– Это что, угроза? Вы и меня сжечь хотите?

– Вы превратно истолковали мои слова. Я вижу, вам неловко рядом со мной, Джон Сноу?

Он не стал этого отрицать.

– Женщинам на Стене не место.

– Ошибаетесь. Я давно мечтала на ней побывать. Великое знание воздвигло ее, и подо льдом заключены великие чары. Стена – одна из дверных петель этого мира. – Мелисандра, дыша теплом, посмотрела вверх. – Я столь же уместна здесь, как и вы, и вскоре могу сослужить вам большую службу. Не отказывайтесь от моей дружбы, Джон. Я видела вас в вихре бури, окруженного врагами, которых у вас так много. Назвать вам их имена?

– Я их и без того знаю.

– Напрасно вы так уверены. – Рубин на горле Мелисандры вспыхнул красным огнем. – Бояться следует не тех, кто клянет вас в глаза, а тех, кто вам улыбается и точит ножи у вас за спиной. Не отпускайте от себя волка. Я вижу лед и кинжалы в ночи. Замерзшую кровь и обнаженную сталь. Там очень холодно.

– На Стене всегда холодно.

– Вы так думаете?

– Я знаю, миледи.

– Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, – прошептала она.

Бран

«Мы уже там?» Бран не спрашивал этого вслух, хотя ему очень хотелось. Они все шли и шли – через дубовые рощи, мимо высоченных страж-деревьев, темных гвардейских сосен и голых каштанов. Далеко ли еще? Ходор в очередной раз взбирался на каменный склон или спускался в трещину, где грязный снег хрустел под ногами. Далеко ли? Лось расплескивал наполовину замерзший ручей. Сколько еще осталось? Очень уж холодно тут. Где же трехглазая ворона?

Раскачиваясь в корзине на спине Ходора, Бран пригнулся под веткой дуба. Снег пошел снова, тяжелый и мокрый. У Ходора один глаз замерз и не открывался, борода заиндевела, на косматых усах висели сосульки. Он все время держался за ржавый меч, взятый в крипте под Винтерфеллом, и время от времени замахивался на ветку, поднимая фонтаны снега, стуча зубами и бормоча:

– Ход-д-дор.

Его голос, как ни странно, успокаивал мальчика. На пути от Винтерфелла к Стене Бран и его спутники коротали время, разговаривая и рассказывая истории, но здесь все было иначе. Даже Ходор это чувствовал, и его «ходоры» раздавались все реже. Бран не знал, что в лесу может быть так тихо. До снега палые листья, взметаемые северным ветром, шуршали вокруг, как тараканы в буфете, но теперь их плотно укрыла белая пелена. Пролетит порой ворон, хлопая крыльями, – вот и все здешние звуки.

Лось пробирался через сугробы, пригнув голову с обледенелыми рогами. На нем ехал разведчик, мрачный и молчаливый. «Холодные Руки», назвал его толстяк Сэм: руки у него, несмотря на бледность лица, черные, твердые и холодные, как железо. Все прочее, кроме них, одето в шерсть, кольчугу и вареную кожу, на голове капюшон, лицо до самых глаз замотано черным шарфом.

Позади него на лосе сидели Риды – Мира обнимала брата, согревая его. У Жойена под носом замерзли сопли, и временами он содрогался всем телом. «Каким же он кажется маленьким, – удивлялся Бран. – Меньше меня и слабее, хотя я калека».

Маленький отряд замыкал Лето с заиндевелою мордой, все еще припадающий на заднюю лапу, куда у Короны Королевы попала стрела. Бран чувствовал боль от раны всякий раз, как залезал в волчью шкуру. Последнее время он жил в теле лютоволка чаще, чем в своем собственном; волк, несмотря на густую шерсть, тоже мерз, но видел дальше, слышал лучше и чуял гораздо больше запахов, чем закутанный мальчик в корзине.

Когда Брану надоедало быть волком, он залезал в Ходора. Здоровенный конюх при этом ныл и мотал головой, хоть и не так сильно, как в первый раз, у Короны. «Он знает, что это я, – надеялся Бран, – и привыкает быть мной». Не сказать, чтобы в Ходоре было очень удобно: он не понимал, что происходит, и Бран все время чувствовал его страх. С Летом все получалось гораздо лучше. Он – это Бран, а Бран – это он. И чувствуют они одинаково.

Иногда Лето, следуя за лосем, думал, может ли он свалить такого большого зверя. В Винтерфелле он привык к лошадям, но лось – другое дело: это добыча. Чуя теплую кровь под лохматой лосиной шкурой, он пускал слюни, и рот Брана тоже наполнялся слюной.

На дубу каркнул ворон, к нему прилетел другой. Днем их сопровождало не больше полудюжины воронов – они перелетали с дерева на дерево или сидели на лосиных рогах. Остальная стая держалась впереди или позади, но на закате все слетались и рассаживались вокруг, занимая каждую ветку поблизости. Некоторые говорили что-то разведчику на своем языке, и Брану казалось, что тот понимает их. Вороны, как видно, докладывают ему обо всех опасностях, таящихся впереди или крадущихся сзади.

Вот как теперь. Лось внезапно остановился, и разведчик спрыгнул с него, уйдя по колению в снег. Лето, ошестившись, зарычал на него – волку не нравилось, как пахнет Холодные Руки. Сухое мясо, сухая кровь, слабый запах гнили и холод. Холод – прежде всего.

– Что там такое? – спросила Мира.

– Позади нас, – глухо ответил Холодные Руки в свой черный шарф.

– Волки? – Бран знал, что те все время идут за ними. По ночам путники слышали жалобный вой, с каждой ночью чуть ближе. Охотники были голодны и чувствовали слабость тех, за кем шли. Часто Бран просыпался еще до рассвета и слушал, как они перекликаются вдалеке. Волки просто так не ходят, они должны преследовать какую-то дичь. Он долго так думал, а потом понял: «Дичь – это мы».

– Люди. Волки пока держатся на расстоянии, люди смелее.

Мира откинула капюшон – мокрый снег с него обвалился наземь.

– Сколько их? Кто они?

– Враги. Я разберусь с ними.

– Я с тобой.

– Ты останешься и будешь охранять мальчика. Впереди замерзшее озеро. Поворачивайте по льду на север и идите вдоль берега. Как придете в рыбацкую деревню, остановитесь и ждите меня.

Бран думал, что Мира сейчас начнет спорить, но ее брат сказал:

– Делай, как он говорит. Он знает эти места. – В темно-зеленых, как мох, глазах Жойена поселилась усталость, которой Бран ни разу не замечал прежде. Настоящий маленький старичок. Юный житель болот, к югу от Стены казавшийся не по годам мудрым, здесь был напуган и растерян не меньше всех остальных, но Мира все равно его слушалась.

Холодные Руки ушел в обратную сторону, четверо воронов улетели за ним. Щеки у Миры разгорелись, из ноздрей шел парок. Она толкнула пятками лося, и они двинулись дальше. Не проехав и двадцати ярдов, девушка оглянулась назад.

– Люди... Одичалые, что ли? Нет бы так и сказать.

– Он сказал, что сам разберется, – заметил Бран.

– Сказал, да. Он говорил еще, что отведет нас к трехглазой вороне. Могу поклясться, что сегодня утром мы перешли ту же самую реку, которую переходили четвертого дня. Мы ходим кругами!

– У рек много изгибов, – неуверенно сказал Бран, – а холмы и озера приходится обходить.

– Слишком много обходов. И тайн, – стояла на своем Мира. – Не нравится мне это, и он тоже не нравится. Я не доверяю ему. Взять одни его руки. Лицо он прячет, имени своего не назвал. Кто он и что он? Черный плащ любой может надеть. Он не ест, не пьет и холода, похоже, не чувствует.

Бран тоже замечал это, но боялся сказать. Во время ночевки они все жались друг к другу, кроме разведчика. Глаза он иногда закрывал, но Бран сомневался, что он когда-нибудь спит. И еще...

– Шарф. – Все вороны улетели вслед за разведчиком, но Бран на всякий случай понизил голос. – Шарф, которым завязан его рот, никогда не обмерзает, как борода у Ходора. Даже когда он говорит.

– Верно, – согласилась с ним Мира. – Мы ни разу не видели, как он дышит, ведь так?

– Не видели. – Хотя дыхание всех остальных, считая и лося, оставляет в воздухе белые облачка.

– Если он не дышит, значит...

Брану вспомнились сказки старой Нэн. «За Стеной живут великаны, людоеды, тени и ходячие мертвецы, – говорила она, укрывая его колючим шерстяным одеялом, – но сюда они не пройдут, покуда стоит Стена и несут свой дозор люди в черном. Сладких тебе снов, мой

маленький Брандон». Разведчик носит черный плащ Ночного Дозора, но что, если он и не человек вовсе? Что, если он ведет их на съедение другим чудищам?

– Он спас Сэма с девушкой от упырей, – все также нерешительно сказал Бран, – и ведет меня к трехглазой вороне.

– А почему она сама не прилетела к Стене, раз у нее крылья есть? Мой брат с каждым днем слабеет. Сколько еще нам идти?

– Пока не придем, – откашлявшись, сказал Жойен.

Придя вскоре к замерзшему озеру, они повернули на север, как велел разведчик. Это была сама легкая часть пути.

Снег, шедший столько дней, что Бран и счет потерял, превратил озеро в бескрайнюю белую пустыню. По ровному льду они продвигались быстро, но из-за снега трудно было сказать, где кончается лед и начинается берег. Даже деревья не могли служить вехами: на озере встречались лесистые островки, а берег зачастую был голым.

Лось шел, как сам считал нужным, не слушаясь всадников. Большей частью он держался под деревьями, но стоило береговой линии повернуть к западу, он опять спускался на лед, трещающий у него под копытами, и пробирался через заносы, которые Брана укрыли бы с головой. Северный ветер, свиставший над озером, пробирал до костей и слепил глаза снегом.

Между деревьями уже шевелились длинные пальцы сумерек. На севере дни короткие, каждый короче предыдущего – и если днем холодно, то ночью мороз становится просто убийственным.

– Пора бы ей уже быть, этой деревне, – после долгого молчания произнесла Мира.

– Может, мы мимо нее прошли? – сказал Бран.

– Надеюсь, что нет. Скоро стемнеет, нужно где-то укрыться.

Она, конечно, права. Щеки у нее из красных стали почти лиловыми, у Жойена синие губы, Бран почти не чувствует собственного лица. Ходор, бредущий по колено в снегу, оброс ледяной коркой. Если уж и он спотыкается...

– Лето найдет деревню, – неожиданно для себя самого сказал Бран. Не дожидаясь ответа Миры, он закрыл глаза и вышел из своего разбитого тела.

Как только он очутился в волчьей шкуре, мертвый лес ожил. Там, где раньше стояла полная тишина, слышался шум ветра, дыхание Ходора, лось, скребущий землю копытом в поисках корма. Нос наполнили знакомые запахи мокрых листьев, увядшей травы, сгнившей в подлеске белки, кислого человеческого пота, лосиной шкуры. Еда. Мясо. Лось, чуя его возбуждение, наставил на лютоволка рога.

«Нельзя, – шепнул мальчик зверю, делившему с ним одну шкуру. – Оставь лося. Беги».

И Лето побежал через озеро, взрывая лапами снег. Деревья, одетые в белое, стояли плечом к плечу, как солдаты в бою. Корни, камни, наносы старого снега. На холме росли сосны и пахло хвоей. Волк покружил на вершине, нюхая воздух, поднял голову и завыл.

Здесь пахло человеком.

Бран унюхал слабый, но явственный запах пепла, горелого дерева, сажи, угля. Угасший очаг.

Он отряхнул морду от снега. Ветер налетал порывами, мешая понять, откуда исходит запах. Кругом только снежные горы и белые деревья в строю. Волк подставил язык снежинкам, пробуя воздух на вкус, и потрусил в нужную сторону. Ходор не отставал, но лось медлил. Бран нехотя вернулся в тело мальчика и сказал:

– Поезжайте за Летом. Я чую жильё.

Когда сквозь тучи проглянул тонкий месяц, они наконец вошли в деревню у озера, которую нипочем бы не заметили без помощи Брана. Круглые каменные домики, заметенные снегом, легко было спутать с валунами или пригорками. Вчера Жойен принял за хижину бурелом – они долго раскапывали сугроб, но нашли только ветки да поваленные стволы.

Деревня, как и все, что встречались им на пути, была брошена. Некоторые свои селения одичалые жгли, чтобы отрезать себе все пути к возвращению, но это избежало огня. Под снегом обнаружили с десяток хижин и бревенчатый длинный дом под дерновой крышей.

– Хоть от ветра укроемся, – сказал Бран.

– Ходор, – сказал Ходор.

Мира и ее брат, спешившись, помогли ему вынуть Брана.

– Может, от одичалых что съестное осталось?

Напрасная надежда. В длинном доме с твердым земляным полом стоял пронизывающий холод, но крыша и стены все-таки защищали от ветра. Рядом журчал ручей – лось напился из него, проломив лед копытом, и Мира всем набрала льда для питья. Бран передернулся, взяв в рот свою льдинку.

Лето не пошел с ними в дом.

– Иди, иди охотиться, – сказал ему Бран, ощущая его голод, как тень своего, – только лося не трогай. – Часть его существа тоже хотела пойти на охоту – может быть, позднее он так и сделает.

Их ужин состоял из истолченных в кашу желудей. Бран ими давился, Жойен не стал и пробовать.

– Надо есть, Жойен, – сказала ему сестра.

– Потом, когда отдохну немного. Не в этот день мне суждено умереть, – заверил он с вымученной улыбкой.

– Ты чуть не свалился с лося!

– Но все-таки усидел. Я замерз и проголодался, в этом все дело.

– Тогда ешь.

– Желуди твои? Животу от них только хуже. Оставь меня, Мира – хочу увидеть во сне жареного цыпленка.

– Сном сыт не будешь, даже если это зеленый сон.

– Что ж делать, раз у нас нет ничего, кроме снов.

Вся еда у них вышла дней десять назад, и голод сопровождал их неотлучно. Даже Лето не мог найти дичи в этих лесах – путники жили на желудях и на сырой рыбе. Ручьев и мелких озер здесь было полно, и Мира промышляла со своей острогой не хуже, чем с удочкой. Порой она возвращалась вся синяя, однако с уловом, но вот уже три дня – три года, как склонен был считать пустой желудок Брана – ей ничего не удавалось поймать.

После скудной трапезы Мира прислонилась к стене и стала точить о брусок свой кинжал. Ходор сидел у двери на корточках, раскачивался и бормотал:

– Ходор, ходор, ходор.

Бран закрыл глаза. Говорить было холодно, огонь Холодные Руки разводить не велел. «Этот лес не такой пустой, как вы думаете, – сказал он. – Никогда не знаешь, что может прийти из тьмы на твой огонек». Бран вздрогнул, вспомнив об этом, несмотря на соседство теплого Ходора.

Сон не шел – какой уж тут сон. Только ветер, жгучий мороз и луна на снегу. Он снова вернулся в Лето, бегущего за много лиг от него, и ночь запахла кровью. Неподалеку убили что-то живое – мясо еще не успело остыть. Внутри ворочался голод, зубы омывала слюна. Нет, это не лось. Не олень.

Лютоволк поджарой серой тенью скользил от дерева к дереву, сквозь лужицы лунного света, через сугробы. Ветер, все такой же порывистый, то и дело менял направление. Лето потерял запах, нашел, потерял снова... и насторожил уши, услышав далекий звук.

Волк! Лето, соблюдая осторожность, пошел на голос. Запах крови вернулся, но теперь его сопровождали другие: моча, шкуры мертвых зверей, птичий помет, перья и волк, волк, волк. Стая. За мясо придется драться.

Они тоже его учуяли и смотрели, как он выходит на залитую кровью поляну. Самка, увидев его, бросила грызть сапог с застрявшей внутри ногой. Старый одноглазый самец с поседелой мордой вышел, ощерясь, навстречу чужому, молодой волк тоже оскалился.

Бледно-желтые глаза лютоволка вобрали в себя клубок внутренностей, перепутанный с ветками, пар из вскрытого живота, голову, глядящую на месяц пустыми глазницами, красную лужу замерзшей крови.

Люди. Только человек так воняет. Раньше их было как пальцев на человеческой лапе, теперь их несколько. Обыкновенное мясо. Раньше на них были плащи с капюшонами, но волки все изодрали в клочья. На сохранившихся кое у кого лица торчат бороды в застывших соплях. Трупы уже начал заметать снег, очень белый по сравнению с их лохмотьями.

За много лиг от лютоволка беспокойно зашевелился мальчик.

Черное. Братя Ночного Дозора.

Лютоволка это не волновало. Они были мясом, а его мучил голод.

Глаза трех волков загорелись желтым огнем. Лютоволк поводил головой, раздул ноздри, оскалился, зарычал. Молодой волк попятился, и Лето учуял его страх, но старый вышел наперез чужаку. Он не боялся лютоволка, хотя тот был вдвое больше его.

Их глаза встретились. Варг! Они покатались по снегу, терзая один другого. Двое других волков щерили зубы, следя за боем. Лютоволк куснул мех, сомкнул челюсти на тонкой как палка лапе, но одноглазый прошелся когтями по его животу, вырвался, перекувырнулся, снова ринулся в бой. Его желтые клыки щелкнули у самого горла, но лютоволк стряхнул старика, как крысу. Свежая кровь запятнала снег, прежде чем одноглазый лег и показал брюхо. Лютоволк, огрызнувшись еще пару раз, понюхал ему зад, задрал ногу и оросил побежденного.

Двое других подчинились ему без боя. Стая была его и добыча тоже.

Лютоволк, обнюхав убитых, остановился на самом большом, без лица, с черной железкой в руке. Культия другой, лишенной кисти руки была обмотана кожей, из разреза на горле вытекала густая вязкая кровь. Волк полизал ее, прошелся языком по разодранному лицу и вырвал кусок из горла. Никогда он еще не пробовал такого вкусного мяса.

Покончив с этим человеком, он перешел к следующему и съел самые лакомые части тела. Вороны смотрели на него с деревьев, волки доедали добычу за ним: сначала одноглазый, потом волчица, потом молодой. Теперь они сделались его стаей.

«Нет, – прошептал мальчик, – у нас своя стая. Леди мертва и Серый Ветер скорее всего тоже, но где-то живут Нимерия, Лохматый Песик и Призрак. Помнишь Призрака?»

Падающий снег и кормящиеся волки начали меркнуть. Тепло касалось лица материнскими поцелуями. «Огонь, – отметил про себя мальчик, – дым». Нос дернулся от запаха жареного. Лес пропал окончательно: он снова был в длинном доме, в искалеченном теле, и смотрел на огонь. Красное мясо, которое поворачивала над пламенем Мира Рид, шипело и плевалось жиром.

– Чуть ужин не проспал, – сказала она. Бран протер глаза, оперся на стену, сел. – Разведчик принес свинью.

Ходор жадно поедал свою долю, бормоча «ходор, ходор». По бороде у него текли кровь и жир, меч он положил на пол рядом с собой. Жойен откусывал от свиной ноги по кусочку, тщательно их прожевывая.

Холодные Руки стоял у двери с вороном на руке. В двух парах черных глаз отражалось пламя. «Он ничего не ест и боится огня», – вспомнил Бран.

– Ты же сказал, что огонь нельзя зажигать, – сказал он разведчику.

– Здесь его прячут стены, да и рассвет близко. Скоро отправимся.

– Что случилось с теми людьми? С врагами?

– Они больше не опасны.

– Кто это был, одичалые?

Мира перевернула мясо другой стороной, Ходор жевал и глотал, не переставая бубнить, – только Жойен, кажется, понял, что здесь происходит.

– Это были враги, – ответил Холодные Руки.

«Люди Ночного Дозора».

– Ты их убил. Ты и вороны. У них лица изодраны, глаза выклеваны.

Холодные Руки ничего не стал отрицать.

– Это были твои братья, я видел. Волки сорвали с них всю одежду, но она была черная.

Как твои руки.

Разведчик молчал.

– Кто ты? Почему у тебя руки черные?

Разведчик посмотрел на них так, будто видел впервые.

– Когда сердце человека перестает биться, кровь застаивается в руках и ногах. – Голос звучал еле слышно, такой же изможденный, как сам разведчик. – Они пухнут и чернеют, а все остальное тело становится белым, как молоко.

Мира Рид встала, держа в руке лягушачий трезубец с насаженным на него мясом.

– Покажи нам свое лицо.

Разведчик не шелохнулся.

– Он мертвый, Мира. – Горло Брану обожгла желчь. – Старая Нэн говорила, что нежить из-за Стены не может пройти сюда, покуда Стена стоит и несут свой дозор люди в черном. Он пришел за нами к Стене, но пройти не мог – послал вместо себя Сэма и одичалую девушку.

Мирин рука в перчатке еще крепче сжала древко остроги.

– А тебя кто послал? Кто эта трехглазая ворона?

– Мой друг. Сновидица, ведунья – назови как угодно. Последняя из древовидцев. – Дверь распахнулась. В ночи выл ветер и кричали вороны на деревьях. Холодные Руки не шелохнулся.

– Ты упырь, – сказал Бран.

Разведчик смотрел на него так, словно остальных вовсе не было.

– Твой упырь, Брендон Старк.

– Твой, – повторил ворон у него на плече, и вороны на деревьях подхватили, наполнив ночь жутким эхом: – Твой, твой, твой!

– Жойен, тебе это снилось? – Мира ухватила за плечо брата. – Что нам теперь делать?

– Мы зашли слишком далеко, Мира – до Стены уже не добраться. Надо идти дальше с упырем Брана, если мы хотим жить.

Тирион

Из Пентоса они выехали через Рассветные ворота, хотя рассвета Тирион Ланнистер не увидел.

– Как будто тебя вовсе не было в Пентосе, – говорил магистр Иллирио, задвигая пурпурные бархатные занавески носилок. – Никто не видел, как ты проник в этот город, никто не должен видеть, как ты его покидаешь.

– Никто, кроме матросов, запихнувших меня в бочонок, юнги, прибиравшего за мной, наложницы, которую ты мне прислал, и хитрой веснушчатой прачки. Да, охрану забыл! Если ты и мозги им не удалил вместе с яйцами, они знают, что ты здесь не один. – Носилки на толстых кожаных постромках раскачивались между восемью битюгами. С каждой стороны их шли по двое евнухов, остальные тянулись позади, охраняя обоз.

– Безупречные не болтают, а галера, доставившая тебя сюда, находится сейчас на пути к Асшаю. Вернется она не раньше чем два года спустя, если море будет к ней милостиво. Что до моей челяди, то они любят меня, и никто из них хозяина не предаст.

«Утешай себя этим, мой толстый друг – когда-нибудь эти слова высекут на твоей гробнице».

– Надо нам было сесть на нее, – сказал карлик. – Кратчайший путь до Волантиса лежит по морю.

– Море изменчиво. Осень – сезон штормов, на Ступенях гнездятся пираты. Мы не хотим, чтобы мой маленький друг оказался у них в руках.

– На Ройне тоже пираты водятся.

– Речные. – Торговец сырами зевнул, прикрыв рукой рот. – Тараканы, что кормятся крошками.

– Я слышал еще о каменных людях.

– Да, есть такие, но зачем о них говорить в такой прекрасный день? На берегах Ройна ты избавишься от Иллирио с его большим животом, а пока будем пить, спать и грезить. У нас вдоволь хорошего вина и вкусной еды – зачем думать о болезнях и смерти?

«И верно, зачем?» – спросил себя Тирион, вновь слыша гул тетивы арбалета. Носилки раскачивались, точно мать убаюкивала его на руках – в жизни, правда, ему этого не довелось испытать. Возлежал он на подушках из гусяного пуха, пурпурные стенки и потолок держали тепло, не пуская осень в передвижной домик.

Вьючные мулы везли за ними сундуки, бочонки и разные вкусности на потребу сырному лорду. Завтракали они пряной колбасой и пивом из дымной ягоды, в полдень запивали дорнийским красным угрей в желе, вечером ели ветчину, вареные яйца и жаворонков с начинкой из лука и чеснока, а пили светлый эль и огненную мирийскую брагу, улучшающую пищеварение. Носилки, несмотря на все свое удобство, двигались очень медленно – карлик просто чесался от нетерпения.

– Долго ли еще до реки? – спросил он Иллирио. – Если будем плестись таким ходом, твои драконы вырастут больше Эйегоновых.

– Твоими бы устами! Большой дракон страшней маленького. Очень бы мне хотелось приветствовать королеву Дейенерис в Волантисе, но приходится положиться в этом на тебя и на Гриффа. Я лучше послужу ей в Пентосе, готовя дорогу для ее возвращения. Ну, а пока мы вместе, надо же толстому старику как-то скрашивать себе путешествие. Выпей еще вина.

– Скажи, какое пентосскому магистру дело до того, кто носит вестеросскую корону? Где твоя выгода во всем этом, милорд?

Иллирио промокнул жирные губы.

– Я старый человек, уставший от измен этого мира. Так ли уж странно, что на исходе моих дней я хочу сделать что-то хорошее? Помочь прелестной девушке восстановить свои наследственные права?

«Как же, как же. Скажи еще, что у тебя есть волшебные доспехи и дворец в древней Валирии».

– Если Дейенерис не более чем прелестная девушка, Железный Трон порежет ее на прелестные маленькие кусочки.

– Не беспокойся, дружок. В ней течет кровь Эйгона Драконовластного.

«А также Эйгона Недостойного, Мейгора Жестокого и Бейелора Полоумного».

– Расскажи мне о ней.

Толстяк призадумался.

– Дейенерис, когда прибыла в Пентос, была еще наполовину ребенком, но красотой превосходила даже мою вторую жену. Я возжелал ее для себя, но ее робость и боязливость не предвещали радостей плоти. Я призвал наложницу и утешался с ней, пока безумие не прошло. По правде говоря, я думал, что у табунщиков Дейенерис протянет недолго.

– Это не помешало тебе продать ее кхалу Дрого.

– Дотракийцы куплей-продажей не занимаются. Верней будет сказать, что ее брат Визерис отдал девушку кхалу в обмен на дружбу. Тщеславный был юноша. Очень хотел сесть на отцовский трон, но сестру свою желал не менее страстно. В ночь перед свадьбой он попытался залезть к принцессе в постель – не руку, так хотя бы невинность ее получить. Не поставь я часовых у ее двери, он нарушил бы все мои многолетние планы.

– Полным дураком он был, что ли?

– Всего лишь сыном Безумного Эйериса. Дейенерис... совсем другая. – Иллирио сунул в рот жаворонка и разгрыз прямо с костями. – Испуганное дитя, которому я дал приют в своем доме, умерло в Дотракийском море, возродившись в крови и огне. Драконья королева, носящая ныне ее имя – истинная Таргариен. Когда я прислал ей корабли, чтобы ехать домой, она повернула к заливу Работоторговцев, где в считанные дни завоевала Астапор, подчинила себе Юнкай и разграбила Миэрин. Следующим, если она двинется по старым валирийским дорогам, будет Мантарис... если же выйдет в море, то ее флот должен будет завестись водой и провиантом в Волантисе.

– От Миэрина до Волантиса много лиг – что сушей, что морем.

– Пятьсот пятьдесят по прямой, как летает дракон, через пустыни, горы, болота и населенные демонами руины. Многие погибнут, но живые, достигнув Волантиса, станут крепче... а там будете ждать вы с Гриффом, и свежие силы, и достаточное число кораблей, чтобы переправить их через море в Вестерос.

Тирион стал припоминать, что известно ему о Волантисе, самом древнем и гордом из Девяти Городов. Что-то тут было не так – он чуял это даже своим ополовиненным носом.

– Говорят, что в Волантисе на каждого свободного человека приходится пять рабов. Зачем триархам помогать королеве, губящей работоторговлю? И если уж на то пошло, зачем это делаешь ты? Может, пентосские законы и запрещают рабство, но у тебя большой интерес в торговле живым товаром – и все же ты оказываешь Дейенерис поддержку. Что ты надеешься от нее получить?

– Снова-здорово... ох и въедлив же ты, дружок. – Иллирио со смехом хлопнул себя по животу. – Будь по-твоему. Король-Попрошайка сулил сделать меня своим мастером над монетой да к тому же и лордом. Как только он, дескать, наденет корону, я смогу выбрать себе любой замок... даже Бобровый Утес, если того пожелаю.

Тирион фыркнул так, что вино пролилось из носа.

– Жаль, батюшка мой не слышал.

– У твоего лорда-отца не было причин волноваться – на кой мне Утес? Мой особняк достаточно велик и гораздо удобнее ваших продуваемых насквозь замков. А вот мастер над монетой... – Толстяк облупил очередное яйцо. – Люблю золото – есть ли звук слаще его перезвона?

«Есть. Вопли дражайшей сестрицы».

– Ты так уверен, что Дейенерис сдержит обещание своего брата?

– То ли сдержит, то ли нет. – Иллирио откусил половину яйца. – Я тебе уже говорил, дружок: не все в мире совершается ради выгоды. Думай что хочешь, но даже у толстых стариков вроде меня есть друзья и долги, которые дружба обязывает платить.

«Врешь, толстяк, – подумал Тирион. – Что-то в этом деле влечет тебя больше, чем монета и замки».

– Как редко в наши дни люди ставят дружбу превыше золота.

– Твоя правда. – Магистр остался глух к иронии карлика.

– И с чего это наш Паук так тебе дорог?

– Мы земляки. Росли вместе.

– Варис родом из Мира.

– Верно. К нам он явился, сбежав от работорговца. Днем спал в сточных канавах, ночью лазил по крышам, как кот. А я, брави в грязных шелках, немногим богаче его, жил только своим клинком. Видел статую у меня в бассейне? Пито Маланон изваял ее, когда мне было шестнадцать. Красивая вещь, хотя теперь я не могу смотреть на нее без слез.

– Все мы с годами портимся – я до сих пор оплакиваю свой нос. Так что же Варис?

– В Мире он был принцем воров, пока один из соперников не донес на него. В Пентосе его выделял акцент. Потом узнали, что он евнух, и начали его бить и оплевывать. Почему он именно меня выбрал в защитники, я, возможно, никогда не узнаю, но мы пришли к соглашению. Варис шпионил за менее удачливыми ворами и забирал их добычу, а я за вознаграждение возвращал потерпевшим украденное. Вскоре все обворованные стали ходить ко мне, а все городские воры мечтали заполучить в руки Вариса. Одна половина – чтобы глотку ему перерезать, другая – чтобы продать ворованное. Мы с ним постепенно богатели и стали еще богаче, когда Варис натаскал своих мышек.

– В Королевской Гавани он держит пташек.

– Тогда мы их называли мышками. Другие воры думали сдуру, что мы весь свой слам пропиваем, а Варис тем временем обучал сироток – как мальчиков, так и девочек. Подбирал самых маленьких, кто пошустрее, и учил их лазить по стенам и дымоходам, а также читать. Золото и драгоценности они оставляли заурядным ворами, сами же искали письма, счетные книги, карты... Найденное прочитывали и клали на то же место. Тайны, уверял Варис, стоят дороже серебра и сапфиров. Меня так зауважали, что кузен принца Пентосского отдал за меня свою дочь, а слухи о талантах некоего евнуха пересекли Узкое море и дошли до ушей одного короля. Крайне подозрительного короля, не доверявшего ни жене, ни сыну, ни своему деснице – другу юности, который с годами чересчур о себе возомнил. Конец истории тебе, полагаю, известен?

– В основном. Я вижу теперь, что ты не простой торговец сырами.

– Как ты любезен, дружок, – насмешливо поклонился Иллирио. – Я тоже вижу, что лорд Варис не ошибся в тебе – ты и вправду смышлен. – Он выставил в улыбке все свои желтые зубы и потребовал еще кувшинчик мирийской.

Когда он уснул с кувшином под боком, Тирион умыкнул сосуд и налил себе чашечку. Выпил, зевнул, снова налил. Если выпить много огненного вина, могут присниться драконы.

Одинок подрастая в Бобровом Утесе, он часто летал по ночам на драконах, воображая себя потерянным принцем из рода Таргариенов или валирийским драконьим лордом. Когда дяди спросили, какой подарок он хочет на именины, он сказал, что дракона. «Можно совсем

маленького, такого как я». Дядя Герион решил, что ничего забавнее в жизни не слышал, а дядя Тигетт сказал: «Последний дракон умер сто лет назад, мальчуган». От такой чудовищной несправедливости мальчик проплакал всю ночь.

Однако у дочери Безумного Короля, если верить торговцу сырами, вылупились трое живых. На два больше, чем требуется кому бы то ни было, даже Таргариену. Тирион почти жалел, что убил отца. Какую он скроил бы мину, услышав, что одна из Таргариенов с тремя драконами держит путь в Вестерос при поддержке хитрого евнуха и купца толщиной с пол-Утеса!

Тирион так наелся, что пришлось распустить пояс и завязки на бриджах. В детских одеждах он чувствовал себя колбасой в слишком тесной шкурке. Если так есть каждый день, он до встречи с драконьей королевой сравняется толщиной с Иллирио. Снаружи настала ночь, в носилках было темно. Тирион слышал храп Иллирио, поскрипывание упряжи, стук подкованных копыт по гладкой валирийской дороге, но сердце его жаждало шума кожистых крыльев.

Проснулся он, когда уже рассвело. Лошади шагали, носилки раскачивались. Тирион выглянул в щелку, но не увидел ничего, кроме полей цвета охры, голых вязов и самой дороги, прямой как стрела. Он читал о валирийских дорогах, но никогда их прежде не видел. Валирия некогда захватила Драконий Камень и остановилась на этом. Странно, у них ведь были драконы. Почему они не пошли дальше, на богатые земли западного материка?

Ночью он перебрал. В голове стучало, к горлу подкатывало даже от легкой качки.

– Давай-ка выпьем, – сказал Иллирио, хотя Тирион не жаловался. – Потребим, как говорится, чешуйку дракона, который тебя спалил. – Ежевичное вино было такое сладкое, что мухи слетались к нему, как на мед. Тирион разогнал их и выпил. Первую чашу он с трудом удержал внутри, потом пошло легче, но аппетита все равно не прибавилось.

– Мне снилась королева, – поведал он, отвергнув предложенную Иллирио ежевику со сливками. – Я стоял перед ней на коленях и присягал ей на верность, но она приняла меня за моего брата Джейме и скормила своим драконам.

– Будем надеяться, что сон не был вещим. Ты, как и говорил Варис, смысленный бесенок, а Дейенерис умные люди ох как нужны. Сир Барристан – храбрый и верный рыцарь, но хитростью сроду не отличался.

– У рыцарей на все вопросы один ответ: копьё наперевес и в атаку. Карлик по-другому смотрит на мир. Ну, а ты что же? Ты и сам далеко не глуп.

– Ты мне льстишь. Я, уввы, не создан для путешествий, потому и отправляю тебя к Дейенерис вместо себя. Ты оказал ее величеству великую услугу, убив своего отца, – и, надеюсь, еще не одну окажешь. Дейенерис в отличие от своего брата не дурочка и сумеет оценить тебя по достоинству.

«Как растопку, видимо». Тирион только улыбнулся в ответ.

Лошадей они меняли три раза в день, но через каждые полчаса останавливались, чтобы Иллирио мог помочиться. Сам со слона, а пузырь у него, как видно, с орех. Во время одной такой остановки Тирион рассмотрел дорогу как следует. Он заранее знал, что увидит: не утоптаный грунт, не кирпич, не булыжник, а ленту из сплошного монолитного камня, поднятую на полфута над землей для стока осадков. В отличие от того, что сходило за дороги в Семи Королевствах, валирийский тракт износа не знал, и по нему могли проехать в ряд три повозки. Четыреста лет прошло с тех пор, как Рок сокрушил Валирию, а дорога все та же. Тщетно Тирион искал в ней вмятины или трещины – кроме лошадиного навоза, ничего не нашлось.

Навоз напомнил ему о лорде-отце. «Где ты теперь, отец, – в преисподней? В славном холодном местечке, откуда тебе видно, как я помогаю вернуть на Железный Трон дочь Безумного Эйериса?»

Они снова тронулись в путь, и магистр, грызя жареные каштаны, вернулся к разговору о королеве.

– Боюсь, что последние новости о ней давно устарели. По нашим расчетам, она должна была уже выйти из Миэрина. Теперь у нее есть войско, составленное из наемников, дотракийцев и Безупречных, – она, несомненно, должна повести их на запад, чтобы вернуть себе отцовский престол. – Иллирио открыл горшочек с улитками в чесноке, понюхал и улыбнулся. – Авось, в Волантисе ты услышишь что-нибудь поновее. – Он высосал улитку из скорлупы. – Драконы и молодые женщины, как известно, капризны – возможно, вам придется пересмотреть свои планы. Грифф знает, что делать. Попробуй улиток! Чеснок вырос в моем огороде.

Улитка и та двигалась бы резвей, чем эти носилки. Тирион отмахнулся.

– Ты здорово доверяешь этому Гриффу. С ним вы тоже вместе росли?

– Нет. Он, как выразился бы ты, наемник родом из Вестероса. Знаю, что ты скажешь! – вскинул руку Иллирио. – «Наемники ставят золото выше чести; Грифф того и гляди продаст меня сестре-королеве». Не думай так. Гриффу я в самом деле доверяю. Как брату.

«Еще одна роковая ошибка».

– Хорошо, последую твоему примеру.

– Золотые Мечи в это самое время идут к Волантису, где будут ждать прибытия нашей королевы с востока.

«Сверху золото, под ним жгучая сталь».

– Я слышал, Золотые Мечи заключили договор с одним из Девяти Городов.

– С Миром, – ухмыльнулся Иллирио. – Но договор и нарушить можно.

– На сырах можно заработать больше, чем я полагал. Как ты это устроил?

Магистр пошевелил жирными пальцами.

– Скажем так: одни договоры пишутся чернилами, другие кровью.

Золотые Мечи славились как лучший из наемнических отрядов. Учредил его сто лет назад Жгучий Клинок, побочный сын Эйгона Недостойного. Когда другой бастард Эйгона попытался отнять Железный Трон у законного брата, Жгучий Клинок поддержал мятеж. Но Деймон Черное Пламя погиб на Багряном Поле, и это положило конец восстанию. Его сторонники, не пожелавшие покориться, бежали через Узкое море.

В их числе были младшие сыновья Эймона, Жгучий Клинок и сотни безземельных лордов и рыцарей: за морем они могли прокормиться только в качестве наемных солдат. Одни примыкали к Рваному Знамени, другие к Младшим Сыновьям или Воинам Девы. Жгучий Клинок, видя, как распыляются силы Черного Пламени, решил основать свой отряд и объединить всех изгнанников.

С тех пор и до сего времени Золотые Мечи жили и умирали на Спорных Землях, сражаясь то за Мир, то за Лисс, то за Тирош в их мелких бессмысленных войнах и мечтая об утраченной родине. Изгнанники и сыновья изгнанников, лишённые всего, непрощенные... и грозные воины.

– Твой дар убеждения прямо-таки восхищает меня, – сказал Тирион. – Как ты уговорил Золотых Мечей, чьи предки сражались с домом Таргариенов, поддержать нашу прелестную королеву?

Иллирио небрежно махнул рукой.

– Дракон остается драконом, красный он или черный. Когда Мейелис-Чудище погиб на Ступенях, мужская линия Черного Пламени пресеклась. А Дейенерис способна дать изгнанникам то, чего не сумели ни Жгучий Клинок, ни все бастарды Черного Пламени, – усмехнулся в раздвоенную бороду магистр. – Она вернет их домой.

Огнем и мечом. Тирион сам был не прочь вернуться домой таким образом.

– Десять тысяч мечей – королевский дар, отдаю тебе должное. Ее величество должна быть довольна.

Иллирио скромно колыхнул подбородками.

– Не беру на себя смелость судить, что приятно ее величеству, а что нет.

Что ж, разумно. Тирион кое-что знал о благодарности королей – почему с королевами должно быть иначе?

Иллирио вскоре уснул, оставив Тириона наедине с собственными мыслями. Что скажет Барристан Селми, когда ему предложат идти в бой вместе с Золотыми Мечами? На Войне Девятигрошовых Королей он прорубил кровавую дорогу сквозь их ряды и убил последнего из претендентов Черного Пламени. Мятежникам приходится заключать самые причудливые союзы – взять хоть Тириона и этого толстяка.

При смене лошадей купец пробудился и опять потребовал закусить.

– Что это за места? – спросил карлик, пока они подкреплялись холодным каплуном и десертом из моркови, изюма и апельсинов.

– Андалос, мой друг. Именно отсюда пришли ваши андалы. В свое время они отвоевали эту землю у волосатых родичей иббенийцев. К северу от нас лежат древние владения Хугора – мы сейчас проходим по их южной границе. В Пентосе их называют Плоскими землями. Восточнее их стоят Бархатные холмы, куда мы и направляемся.

Андалос. По его холмам, как учит религия, некогда ходили Семеро в человеческом облике.

– «Отец простер свою длань в небеса, – прочел по памяти Тирион, – и достал оттуда семь звезд, и возложил их одну за другой на чело Хугора, увенчав его блистающею короною».

– Не думал, что мой маленький друг так набожен, – удивился Иллирио.

– Воспоминания детства. Зная, что рыцарем мне не бывать, я решил стать верховным септоном. Его хрустальный венец добавляет человеку целый фут роста. Корпел над священным писанием и молился так, что колени стер, но закончилось все это трагически. Я достиг известного возраста и влюбился.

– Знаю, знаю. – Иллирио достал из левого рукава серебряный медальон, раскрыл его и показал Тириону миниатюрный портрет голубоглазой женщины с бледно-золотыми, пронизанными серебром волосами. – Серра. Я взял ее из лисского перинного дома и в конце концов женился на ней. Это я-то, чья первая жена была родственницей принца Пентосского! Ворота дворца с тех пор закрылись передо мной, но я не печалился. За Серру я был готов заплатить и не такую цену.

– Как она умерла? – Тирион знал, что ее нет в живых: ни один мужчина не стал бы говорить с такой любовью о женщине, которая его бросила.

– В Пентос по пути с Яшмового моря зашла браавосская торговая галера «Сокровище». Она везла гвоздику, шафран, нефрит, яшму, алый атлас, зеленый шелк... и серую смерть. Мы убили сошедших на берег гребцов и сожгли корабль в гавани, но крысы слезли по веслам и разбежались. Чума забрала две тысячи человек. – Иллирио закрыл медальон. – Я храню у себя в спальне ее руки, такие нежные...

Тирион смотрел на поля, по которым когда-то ступали боги, и думал о Тише.

– Что это за боги, создающие чуму, крыс и карликов? – Ему вспомнился еще один отрывок из Семиконечной Звезды. – «И Дева привела ему отроковицу гибкую как ива, с глазами глубокими и синими, как озера, и Хугор пожелал взять ее в жены. Мать благословила чрево ее, и Старица предсказала, что она родит царю сорок четыре сына. И когда родились они, то Воин дал им великую силу, Кузнец же сковал железные доспехи для каждого».

– Ваш Кузнец не иначе был ройнарором, – заметил Иллирио. – Обрабатывать железо андалы научились у ройнарор, речных жителей – это известно.

– Только не септонам. Кто населяет эти Плоские земли?

– Крестьяне, возделывающие фруктовые сады и поля. Еще рудокопы. У меня самого здесь владения, но я в них почти не бываю – предпочитаю бесчисленные восторги Пентоса.

«Бесчисленные восторги и толстые стены». Тирион поболтал вино в чаше.

– Однако после Пентоса нам не встретилось ни единого города.

– Они все в руинах. – Иллирио повел окрест куриной ногой. – Здесь проходят кочевники каждый раз, как кому-то из кхалов втемяшится на море поглядеть. Дотракийцы городов не любят – это должны знать даже в Вестеросе.

– Перебили бы один кхаласар – может, у них и пропала бы охота ходить за Ройн.

– Дешевле откупаться от них съестным и подарками.

Взяв хорошую головку сыра в битву на Черноводной, Тирион мог бы сбересть свой нос. Лорд Тайвин к Вольным Городам всегда относился с презрением; «Они сражаются монетой вместо мечей, – говаривал он. – Золото полезный металл, но войны выигрываются железом».

– Дай врагу золота, и он вернется за новой порцией – так говорил мой отец.

– Тот самый, которого ты убил? – Иллирио выкинул куриную косточку. – Никакие наемники против визжащей орды не выстоят: Квохор доказал это.

– Даже твой бравый Грифф?

– Грифф – дело иное. У него есть обожаемый сын, молодой Грифф, благороднейший юноша.

Вино, сытная еда, солнце и жужжащие мухи действовали усыпляюще. Тирион засыпал, просыпался и пил. Иллирио, не отстававший от него в возлияниях, захрапел, как только небо стало пурпурным.

Ночью Тириону приснилась битва, окрасившая вестеросские холмы в алый цвет. Он сражался в самой гуще и махал топором с себя ростом рядом с Барристаном Смелым и Жгучим Клинком, а в небе кружили драконы. Во сне у него были две головы, обе безносые. Во главе вражеской рати стоял отец, и Тирион еще раз убил его. Потом изрубил в кашу лицо своего брата Джейме, смеясь при каждом ударе. Лишь когда бой закончился, он заметил, что вторая его голова проливает слезы.

Проснувшись, он обнаружил, что ноги у него затекли.

Иллирио ел оливки.

– Где мы сейчас?

– Все еще на Плоских землях, торопливый мой друг. Скоро дорога приведет нас в Бархатные холмы, и мы начнем подъем к Малому Ройну и Гойану Дроэ.

Гойан Дроэ, ройнарский город, валирийские драконы сожгли дотла. Тирион путешествовал не только в пространстве, но и во времени, прокладывая путь в седую древность, когда драконы правили миром.

Он спал, просыпался, опять засыпал – как днем, так и ночью. Бархатные холмы разочаровали его.

– У половины шлях в Ланниспорте сиськи больше, чем эти горки. – Они миновали круг камней, воздвигнутый, по словам Иллирио, великанами, и глубокое озеро.

– Здесь устроили свое логово разбойники, нападавшие на всех, кто проходил мимо, – сказал Иллирио. – Предание гласит, что они до сих пор живут под водой. Всех, кто рыбачит на озере, они затягивают вглубь и съедают.

На следующий вечер у дороги возник валирийский сфинкс с туловищем дракона и головой женщины.

– Королева драконов, – сказал Тирион. – Добрый знак.

– Только короля ей недостает. – Иллирио показал на пустой, заросший плющом и мхом цоколь, где когда-то лежал второй сфинкс. – Кочевники поставили его на колеса и уволокли к себе в Вейес Дотрак.

«Тоже знак, но скорее дурной», – решил Тирион.

Ночью, выпив больше против обычного, он внезапно запел.

«Он помчался по улицам городским, // ненасытной страстью влеком. // Там жила она, его тайный клад, // наслажденье его и позор, // и он отдал бы замок и цепь свою // за улыбку и нежный взор».

Больше он ничего не помнил, только припев: «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи». Руки Шай били его, когда он вдавливал золотые ей в горло, – он не помнил, были они горячими или нет. Она теряла силы, и казалось, что о его лицо бьются бабочки, а он закручивал цепь, вгоняя золотые руки все глубже. Поцеловал ли он ее на прощание, когда она уже перестала дышать? Этого он тоже не помнил... но их первый поцелуй в палатке на Зеленом Зубце запомнился ему хорошо. Какими сладкими были ее уста.

Помнил он и свой первый поцелуй с Тишей. Она не лучше него знала, как это делается. Они все время сталкивались носами, но когда он коснулся ее языка своим, она задрожала. Тирион зажмурился, чтобы припомнить ее лицо, но вместо нее увидел лорда Тайвина, сидящего в нужнике с задраным на колени халатом. «Куда все шлюхи отправляются», – сказал он, и загудел арбалет.

Тирион повернулся на бок, зарывшись половинкой носа в шелковые подушки. Сон разверзся перед ним, как колодец; он бросился туда добровольно и дал тьме поглотить себя.

Купецкий приказчик

На «Приключении» имелось шестьдесят весел и один парус, длинный корпус обещал быстроту хода. Маловата лохань, но сойдет, решил Квентин – пока не взошел на борт и не принялся к здешним запахам. Свињи, была его первая мысль, но свињи так не воняют. Здесь несло мочой, испражнениями, тухлым мясом, язвами и загнившими ранами – да так, что перешибало соль и рыбу, которыми пахла гавань.

– Блевать тянет, – сказал Квентин Геррису Дринквотеру. Они дожидались шкипера, задыхаясь от жары и от вони.

– Если капитан воняет так же, как его судно, он почтет твою блевотину за духи, – заметил на это Геррис.

Квентин хотел уже предложить поискать другую посудину, но тут шкипер наконец вышел к ним с двумя здоровенными матросами. Геррис встретил его улыбкой. По-волантински он говорил хуже Квентина, однако согласно их замыслу вести переговоры полагалось ему. В Доцатом городе виноторговца изображал Квентин, но это плохо у него получалось. В Лиссе, сменив корабль, они поменялись заодно и ролями. На «Жаворонке» Клотус Айронвуд был купцом, а Квентин – его слугой. В Волантисе, после гибели Клотуса, роль купца перешла к Геррису.

Он высокий, с зеленовато-голубыми глазами и выгоревшими на солнце светлыми волосами, и его самоуверенность не знает пределов. Не зная языков, он всегда добивается, чтобы его понимали. Квентин, коротконогий и коренастый, с волосами цвета свежевскопанной земли, рядом с ним выглядит незavidно. Лоб у него чересчур большой, подбородок тяжелый, нос широк. «Хорошее у тебя лицо, честное, – сказала ему одна девушка, – только улыбайся почаще».

Улыбки Квентину Мартеллу удавались не больше, чем его лорду-отцу.

– Быстрый ли ход у твоего «Приключения»? – на ломаном валирийском осведомился Геррис.

Капитан, узнав его акцент, ответил на общем языке Вестероса:

– Быстрее не найдете, почтенный. «Приключение» так и бежит само по ветру. Скажите, куда путь держите, и я вас мигом туда доставлю.

– Я с двумя моими людьми путешествую в Миэрин.

– Бывал я там, – помедлив, сказал капитан, – и мог бы снова его найти, только зачем? Какая мне выгода? Рабов там не возьмешь, серебряная королева всю торговлишку поломала. Она же и бойцовые ямы закрыла – бедному моряку, откуда его корабль грузится, и развлечься-то негде. Скажи мне, мой вестеросский друг, чего ты не видал в Миэрине?

«Самой прекрасной на свете женщины, – мысленно произнес Квентин. – Если боги будут милостивы, она станет моей женой». Иногда по ночам, воображая себе ее лицо и фигуру, он не понимал, зачем такой женщине нужен именно такой муж – мало ли других принцев. «Я – это Дорн, – напоминал он себе в таких случаях. – От Дорна она не откажется».

– Наш род издавна торгует вином, – ответил Геррис сообразно сочиненной ими истории. – Мой отец, у которого в Дорне обширные виноградники, желает, чтобы я нашел за морем новые рынки. Надеюсь, добрым миэринцам понравится мой товар.

– Дорнийское вино? – Речь Герриса капитана не убедила. – Между рабовладельческими городами идет война – неужто не знаешь?

– Это Юнкай с Астапором воюют, насколько мы слышали. Миэрин в стороне.

– Пока да, но и он скоро ввяжется. Посол Желтого Города нанимает мечи в Волантисе. Длинные Копья уже отплыли в Юнкай, Сыны Ветра и Дикие Коты скоро отправятся, Золотые Мечи тоже идут на восток.

– Тебе лучше знать. Войны – не мое дело, у меня свой интерес. Всем известно, что гискарские вина никуда не годятся. Миэринцы выложат хорошие денежки за мой дорнийский нектар.

– Мертвецам все равно, что пить. Думаю, я не первый шкипер, к которому ты обращаешься – и не десятый.

– Верно, – сознался Геррис.

– Сколько ж вы обошли кораблей – сотню?

«Около того», – признал про себя Квентин. Волантинцы похваляются, что в их гавани можно потопить все сто островов Браавоса. Квентину в это верилось, хотя в Браавосе он не бывал. Богатый и порочный Волантис подобно смачному поцелую запечатывал устье Ройна, раскинувшись по обоим его берегам. Корабли, стоящие как на реке, так и в море, загружались и выгружались. Военные, китобойные, торговые, карраки, плоскодонки, большие и малые когги, ладьи, корабли-лебеди. Лисские, тирошйские, пентосские; кварталские перевозчики пряностей, громадные как дворцы, гости из Юнкая, Толоса, с островов Василиска. Их столько, что Квентин, увидев порт с палубы «Жаворонка», сказал друзьям, что они здесь задержатся не больше чем на три дня.

Однако вот прошло уже двадцать, а они до сих пор тут. Капитаны «Мелантинки», «Дочери триарха» и «Поцелуя русалки» им отказали; помощник на «Храбром мореходе» посмеялся над ними; шкипер «Дельфина» обругал их, хозяин «Седьмого сына» обозвал пиратами – все это в первый же день.

Доводы в пользу отказа привел только капитан «Лани».

«Это верно, я иду вокруг Валирии на восток, – сказал он за чашей разбавленного вина. – Запасемся в Новом Гисе водой и провизией, а там будем махать веслами до Кварта и Нефритовых Ворот. Всякое путешествие опасно, особенно долгое. Зачем мне наживать себе лишние хлопоты, сворачивая в залив Работорговцев? „Лань“ – единственное мое достояние. Я не стану рисковать ею, везя трех сумасшедших дорнийцев в места, охваченные войной».

Квентин начинал сожалеть, что они не купили в Доцатом городе свой корабль, хотя это могло привлечь к ним нежелательное внимание. У Паука соглядатаи всюду, даже в чертогах Солнечного Копья. «Дорн будет залит кровью, если тебя обнаружат, – предупреждал отец, глядя, как резвятся дети в прудах и фонтанах Водных Садов. – Помни, что мы с тобой совершаем государственную измену. Доверяй только своим спутникам и старайся остаться незамеченным».

Поэтому в разговоре с капитаном «Приключения» Геррис пустил в ход свою самую обволаживающую улыбку.

– Отказавших нам трусов я не считал, но в гостинице слышал, будто ты человек отчаянный, готовый за хорошие деньги многим рискнуть.

Контрабандист – именно так отзывались об этом шкипере в «Купеческом доме». «Контрабандист, работорговец, полупират, полусводник – и ваша единственная надежда, возможно», – сказал им хозяин гостиницы.

Капитан потер большим пальцем указательный.

– И сколько же золота ты готов мне отсыпать?

– Втрое против обычной платы до залива Работорговцев.

– За каждого? – То, что задумывалось как улыбка, придало узкому лицу капитана хищный вид. – Что ж, пожалуй. Я посмелей других, это верно. Когда хотите отплыть?

– Да хоть бы и завтра.

– Идет. Будь здесь до рассвета с друзьями и бочками. Отчалим, пока город еще не проснулся, чтобы ненужных вопросов не задавали.

– Понял и буду в срок.

– Рад помочь. – Улыбка капитана сделалась шире. – Мы с тобой поладим, не так ли?

– Уверен, что да.

Капитан велел подать эля, и они с Геррисом выпили за успешное плавание.

– Не шкипер, а чистый мед, – сказал Геррис, идя с Квентином по пирсу к нанятому ими хатаю. Жаркий воздух был тяжел, солнце светило так, что приходилось щуриться.

– Как и весь этот город. – Да... такая сладость, что зубы ломит. Свеклу, растущую здесь в изобилии, суют всюду. Любимое блюдо Волантиса – холодный свекольник, густой и опять-таки сладкий, вина у них и те приторные. – Боюсь только, что путешествие наше будет коротким. Ни в какой Миэрин нас медовый шкипер не повезет. Сдерет тройную плату, а как только суша скроется из виду, перережет нам глотки и заберет остальное золото.

– Или прикует нас к веслу рядом с бедолагами, которые так славно пахнут. Надо бы поискать кого-нибудь покислее.

Хатай ждал их. От вестеросских воловьих повозок он отличался только резьбой, и везли его не волю, а карликовая слониха цвета грязного снега – отнюдь не редкость на улицах Старого Волантиса.

Квентин предпочел бы пройтись, но до гостиницы было несколько миль. Кроме того, хозяин «Купеческого дома» предупреждал, чтобы они не ходили пешком: это уронит их в глазах мореходов, а также и волантинцев. Порядочные люди здесь передвигаются либо в носилках, либо в хатаях... Родственник хозяина как раз владел несколькими такими экипажами и мог предоставить один постояльцам.

Возница, один из рабов этого родственника, носил на щеке татуировку колеса и был одет в сандалии и набедренную повязку. Кожа как тиковое дерево, глаза как осколки кремня. Усадив господ на мягкое сиденье между двумя громадными деревянными колесами, он взобрался на спину слонихе.

– В «Купеческий дом», – сказал ему Квентин, – только езжай вдоль берега. – Вдали от морского бриза человек рисковал утонуть в собственном поту, по крайней мере на этом берегу Ройна.

Возница крикнул что-то слонихе, и та тронулась с места, качая хоботом. Кучер орал на рабов и моряков, требуя убраться с дороги. Отличить одних от других не составляло труда. У всех рабов на лицах татуировки: синие перья, молния во всю щеку, монета, леопардовые пятна, череп, кувшин. Мейстер Кеддери говорил, что на каждого свободного человека в Волантисе приходится пять рабов, но проверить это на личном опыте не успел: он погиб в то утро, когда на «Жаворонка» напали пираты.

Квентин тогда потерял еще двух друзей – бесстрашного веснушчатого копейщика Вильяма Веллса и Клотуса Айронвуда. Ближе Клотуса у него не было никого. Брат во всем, кроме крови, красавец, несмотря на незрячий глаз, и большой весельчак. «Поцелуй от меня свою невесту», – прошептал он, прежде чем умереть.

Корсары нагрянули перед рассветом, когда «Жаворонок» стоял на якоре у Спорных Земель, – моряки отбились, потеряв двенадцать человек из команды. С убитых пиратов сняли сапоги, оружие, серьги, кольца и кошельки. Один был такой толстый, что перстни не снимались, и кок отрубил ему пальцы мясным тесаком. В море его спихивали втроем; остальные пираты отправились следом без всяких церемоний.

Со своими павшими обошлись уважительнее. Их зашили в парусину и привязали к ногам балласт, чтобы они сразу пошли на дно. Капитан, собрав всех на молитву, обратился к дорнийцам – их осталось трое из шести человек, взошедших на борт в Дошатам городе; даже большой детина, весь зеленый, ради такого случая вылез из трюма. «Скажите пару слов вашим людям, прежде чем мы отдадим их морю». Это сделал Геррис, привирая на каждом слове – выдавать, кто они и куда едут, было никак нельзя.

Не думали они, отправляясь в путь, что с ними может случиться нечто подобное. «Будет о чем внукам рассказывать», – сказал Клотус, когда они выехали из замка его отца. «Скорей

уж девкам в тавернах, чтоб юбки охотнее задирали», – скорчил гримасу Вилл. Клотус хлопнул его по спине. «Для внуков надо сперва детей завести, а этого, не задирая юбок, не сделаешь». После, в Дошатом городе, они пили за будущую невесту Квентина, отпускали соленые шуточки насчет первой ночи, толковали о будущих славных подвигах – а кончилось это парусиновым саваном с балластом у ног.

Квентин скорбел по Виллу и Клотусу, но мастера им недоставало больше всего. Кеддери владел языками всех Вольных Городов, даже диалектом гискарского, распространенном в заливе Работорговцев. «Мейстер Кеддери едет с вами, – сказал отец в их прощальный вечер. – Прислушивайся к его советам: он полжизни посвятил изучению Девяти Городов». Будь он сейчас с ними, им, возможно, пришлось бы не так тяжело.

– Мать бы родную продал за дуновение с моря, – сказал Геррис под грохот колес. – Влажно, как у Девы в щели, – и это еще до полудня. Ненавижу Волантис.

Квентин полностью разделял это чувство. Влажная жара Волантиса лишала его сил, и он все время ощущал себя грязным. Хуже всего было знание, что ночь тоже не принесет облегчения. На горных лугах в северных поместьях лорда Айронвуда вечера всегда свежи, как бы жарко ни было днем, а здесь...

– Завтра «Богиня» идет в Новый Гис, – напомнил Геррис. – Все-таки ближе к цели.

– Новый Гис – остров, и порт там куда меньше этого. Ближе-то ближе, но есть опасность застрять окончательно. Кроме того, они заключили союз с Юнкаем. – Квентина эта новость не удивила: и Юнкай, и Новый Гис – гискарские города. – Если и Волантис примкнет к ним...

– Надо найти вестеросский корабль, – сказал Геррис. – Торговца из Ланниспорта или Староместа.

– Немногие из них заходят так далеко. Да и эти немногие, набив трюмы шелком и пряностями с Яшмового моря, сразу гребут домой.

– Может, тогда браавосский? Пурпурные паруса видят и в Асшае, и на островах Яшмового моря.

– Браавосцы происходят от беглых рабов и в залив Работорговцев не ходят.

– Нашего золота хватит, чтобы купить корабль.

– А кто его поведет? Мы с тобой? – С тех пор, как Нимерия сожгла десять тысяч своих кораблей, дорнийцы никогда не славились как мореплаватели. – Море близ Валирии опасно и просто кишит пиратами.

– Да, пиратов с меня уже хватит. Уговорил: покупать не станем.

«Для него это так и осталось игрой, – понял Квентин. – Как в те дни, когда он повел нас шестерых в горы на поиски старого логова Короля Стервятников». Думать, что они могут потерпеть неудачу, а уж тем более умереть, не в натуре Герриса Дринквотера. Даже гибель троих друзей не отрезвила его. Осторожничать и размышлять он предоставляет Квентину.

– Возможно, наш здоровяк прав, – добавил Геррис. – Плюнем на море и двинемся дальше сушей.

– Ты же знаешь, почему он так говорит: ему легче умереть, чем снова сесть на корабль. – В Лиссе здоровяк четыре дня отходил после морской болезни. Мейстер Кеддери уложил его в гостинице на перину и пичкал бульоном с целебными зельями, пока тот не начал розоветь понемногу.

Это правда, в Миэрин можно ехать и сушей. Здесь пролегает много валирийских дорог. Их называют драконьими, но та, что ведет из Волантиса на восток, заслужила более зловещее имя: дорога демонов.

– Дорога демонов тоже опасна, и ехать по ней слишком долго. Тайвин Ланнистер подошел к королеве своих убийц, как только узнает, где она обретается. Если они доберутся туда раньше нас...

– Будем надеяться, ее драконы учуют их и сожрут. Корабль найти не удастся, сушей ты ехать не хочешь – можем с тем же успехом вернуться обратно в Дорн.

Приползти в Солнечное Копье побежденным, с поджатым хвостом? Отцовского разочарования и сокрушительного презрения песчаных змеек Квентин просто не вынесет. Доран Мартелл вручил ему судьбу Дорна – он не подведет отца, пока жив.

Воздух колебался от зноя, придавая гавани с ее складами, лавками и причалами сказочный вид. Здесь продается все, что душа пожелает: свежие устрицы, кандалы, фигурки кайвассы из кости и черного дерева. Храмы, где моряки приносят жертвы своим чужестранным богам, чередуются с перинными домами, где женщины зазывают мужчин с балконов.

– Глянь-ка на эту, – показал Геррис. – Мне сдается, она влюбилась в тебя.

Сколько может стоить такая любовь? Перед девушками, в особенности хорошенькими, Квентин, сказать по правде, робел.

Впервые приехав в Айронвуд, он влюбился по уши в Инис, старшую дочь лорда. Не говоря ни слова о своих чувствах, он годами мечтал о ней, пока ее не выдали за Раэна Аллириона, наследника Дара Богов. При их последней встрече один сын держался за ее юбку, а другой, грудной, лежал у нее на руках.

После Инис настал черед двойняшек Дринквотер. Этим смуглянкам нравилось охотиться, лазить по скалам и вгонять Квентина в краску. Одна из них – он так и не разобрался, которая – подарила ему первый поцелуй. Для брака с принцем они как дочери простого рыцаря-землевладельца не подходили, но Клотус находил, что целоваться с ними вполне позволительно. «Вот женишься и возьмешь одну в любовницы. Или обеих, почему бы и нет». Квентин, хорошо зная «почему», стал избегать близнецов, и дело ограничилось тем единственным поцелуем.

В последнее время за Квентином стала ходить хвостом младшая из дочерей лорда Андерса. Темные волосы и глаза выделяли умненькую двенадцатилетнюю Гвинет из ее семейства, голубоглазого и белокурого. «Дождись, когда я расцвету, – твердила она, – и тогда мы поженимся».

Этого было еще до того, как принц Доран вызвал Квентина в Водные Сады. Теперь его ждала в Миэрине самая красивая в мире женщина, и он должен был исполнить свой долг, взяв ее в жены. Она ему не откажет. Дорн нужен ей для завоевания Семи Королевств, а значит, и Квентин нужен. Из этого, однако, еще не следует, что она полюбит его – может, он вовсе ей не понравится.

Там, где река впадала в море, продавали животных: украшенных драгоценностями ящериц, гигантских полосатых змей, обезьянок с розовыми лапками.

– Не хочешь купить обезьянку в подарок своей серебряной королеве?

Квентин понятия не имел, устроит ли Дейенерис такой подарок. Он обещал отцу привезти ее в Дорн, но все больше сомневался, может ли с этим справиться.

Сам бы он никогда напрашиваться не стал.

За широким голубым Ройном виднелась Черная Стена, поставленная валирийцами, когда Волантис был не более чем далекой окраиной их империи: огромный овал из расплавленного камня высотой двести футов. Ширина стены позволяла проехать в ряд шести упряжкам из четырех лошадей, что и делалось ежегодно в день основания города. Иноземцы и вольноотпущенники допускались в огороженное стеной пространство лишь по приглашению тех, кто там жил – потомков древних валирийских родов.

Движение здесь сделалось более оживленным. Хатай приближался к западному концу Длинного моста, связывающего две половинки города. Улицу запрудили повозки и экипажи, а рабов, выполняющих хозяйские поручения, было что тараканов.

Недалеко от Рыбной площади и «Купеческого дома» на перекрестке послышались крики. Откуда ни возьмись появилась дюжина Безупречных с копьями, в нарядных доспехах и плащах

из тигровых шкур: они расчищали дорогу для едущего на слоне триарха. Башенка на спине серого гиганта в позвякивающей эмалевой броне была так высока, что задела за арку, под которой слон проходил.

– Триархам во время их годового правления не разрешается ступать ногами на землю – считается, что они выше этого, – объяснил Геррису Квентин.

– Поэтому они загораживают всю улицу и оставляют за собой кучи навоза. Не пойму, зачем Волантису целых три принца – Дорну и одного хватает.

– Триархи – не короли и не принцы. В Волантисе республиканский строй, как в древней Валирии. Все свободнорожденные землевладельцы имеют право голоса, даже женщины, если у них есть земля. Триархи выбираются сроком до первого дня нового года из благородных семей, могущих доказать прямое валирийское происхождение. Ты бы сам знал все это, если бы потрудился прочитать книгу, которую дал тебе мейстер.

– Она без картинок.

– А карты?

– Карты не в счет. Она подозрительно смахивает на исторический труд – скажи он, что там говорится про слонов с тиграми, я бы, может, и попытался.

На краю Рыбной площади их маленькая слониха задрала хобот и затрубила, как белая гусыня, – ей не хотелось лезть в гущу повозок, паланкинов и пешеходов. Возница толкнул ее пятками, посылая вперед.

Торговцы рыбой, предлагая утренний улов, голосили вовсю. Квентин понимал их с пятого на десятое, но здесь можно было обойтись и без слов: треска, рыба-парус, сардины и бочонки с моллюсками сами за себя говорили. Один лоток украшали связки угрей, над другим висела на железных цепях гигантская черепаха. В чанах с соленой водой и водорослями скреблись крабы. Тут же рыбу жарили с луком и свеклой и продавалась в маленьких котелках сильно наперченная уха.

В центре площади под безголовой статуей давно умершего триарха собиралась толпа: какие-то карлики в деревянных доспехах готовились представить потешный турнир. Один сел верхом на собаку, другой вскочил на свинью и тут же свалился, к общему хохоту.

– Давай поглядим, – предложил Геррис. – Посмеяться тебе не повредит, Квент: ты похож на старика, который уже полгода запором мается.

«Какой же я старик, – хотел сказать Квентин. – Мне восемнадцать, я на шесть лет моложе тебя».

– На что мне карлики, если у них корабля нет, – ответил он вслух.

– Может, и есть, только малюсенький.

Четырехэтажный «Купеческий дом» высился над низкими портовыми зданиями. Здесь останавливались торговые люди из Староместа и Королевской Гавани, их конкуренты из Браавоса, Мира и Пентоса, волосатые иббенийцы, бледнолицые квартийцы, черные жители Летних островов в сшитых из перьев плащах и даже заклинатели теней из Асшая, прячущие лица под масками.

Квентин вылез из хатая. Плиты мостовой были горячими даже сквозь подошвы сапог. В тени гостиницы поставили стол на козлах; над ним развевались белые с голубым вымпелы, и четверо наемников окликали всех проходивших мимо мужчин и мальчишек. Сыны Ветра: им требуется свежее мясо для пополнения рядов перед отплытием в залив Работорговцев. Каждый, кто запишется, станет юнкайским мечом и будет пускать кровь будущей Квентиновой невесте.

Один из Сынов Ветра и ему что-то крикнул.

– Не понимаю по-вашему, – сказал Квентин. Он умел читать и писать на классическом валирийском, но разговорной речью почти не владел, да и волантинское яблочко откатилось далеко от валирийского дерева.

– Вестеросцы? – спросил наемник на общем.

– Дорнийцы. Мой хозяин – виноторговец.

– Ты раб? Иди к нам – будешь сам себе господин. Мы научим тебя обращаться с копьем и мечом. Пойдешь в бой с Принцем-Оборванцем и вернешься богаче лорда. Будут тебе и девочки, и мальчики, что захочешь. Мы, Сыны Ветра, вставляем в зад богине резни!

Двое других наемников затянули военный марш. Квентин улавливал смысл: Сыны Ветра обещали полететь на восток, убить короля-мясника и поиметь королеву драконов.

– Будь с нами Клотус и Вилл, мы прихватили бы здоровяка и перебили бы всю их честную компанию, – сказал Геррис.

Но Клотуса и Вилла нет больше.

– Не обращай внимания, – посоветовал Квентин. Купец и его приказчик вошли в гостиницу под дразнилки наемников, обзывающих их бабами и трусливыми зайцами.

Здоровяк ждал их в комнатах на втором этаже. Капитан «Жаворонка» отзывался об этой гостинице хорошо, но Квентин все-таки опасался оставлять без присмотра золото и другое добро. В каждом порту есть воры – в Волантисе даже поболее, чем в других.

– Я уж собирался идти искать вас, – сказал, отперев засов, сир Арчибальд Айронвуд. Здоровяком его прозвал кузен Клотус, и было за что: шесть с лишком футов росту, широченные плечи, огромное пузо, ноги как древесные стволы, ручкищи как окорока, а шеи, считай, вовсе нет. Из-за перенесенной в детстве болезни у него выпали волосы, и голова, совершенно лысая, напоминала Квентину розовый гладкий валун. – Ну как, наняли корыто? Что контрабандист вам сказал?

– Что готов отвезти нас... в ближнее пекло.

Геррис, сев на кровать, стянул сапоги.

– Дорн с каждым часом кажется мне все милее.

– Предлагаю выбрать дорогу демонов, – сказал Арч. – Может, там не так опасно, как говорят. А если опасно, то тем больше нам будет чести. Кто посмеет нас тронуть? У Дринка меч, у меня молот – такого ни один демон не переварит.

– А что, если Дейенерис умрет, не дождавшись нас? – возразил Квентин. – Нет, надо плыть морем. Пойдем на «Приключения», раз ничего лучше нет.

– Сильно же ты любишь свою Дейенерис, раз готов терпеть эту вонь месяцами, – фыркнул Геррис. – Я, к примеру, дня через три начну молить, чтоб меня прирезали. Нет уж, мой принц, только не «Приключение».

– Можешь предложить что-то другое?

– Могу. Вот только сейчас пришло в голову. Тут есть свой риск, и чести мы себе этим не наживем... но к твоей королеве доберемся быстрее, чем по дороге демонов.

– Поделись, – сказал Квентин.

ДЖОН

Он перечитывал письмо, пока слова не начали расплываться. Нет. Не может он подписать это и не подпишет.

Борясь с желанием сжечь пергамент на месте, он допил остатки эля от прошлого ужина. Придется все-таки подписать. Его выбрали лордом-командующим. Он отвечает за Стену и за Дозор, а Дозор ни на чью сторону не становится.

Джон испытал облегчение, когда Скорбный Эдд Толлетт доложил о приходе Лилли. Письмо мастера Эймона он на время отложил в сторону.

– Пусть войдет, и найди мне Сэма. – Джон боялся предстоящего разговора. – После нее я поговорю с ним.

– Он, должно быть, внизу, с книгами. Наш старый септон говаривал, что книги – это слова мертвецов, а я скажу, что лучше б они помолчали. Кому охота их слушать. – Эдд вышел, бормоча что-то о пауках и червях.

Лилли, войдя, тут же хлопнулась на колени. Джон встал из-за стола и поднял ее.

– Не надо этого делать, ведь я не король. – Лилли, хотя и успела родить, казалась ему ребенком – худышка, закутанная в старый плащ Сэма. В этой широченной хламиде поместилось бы еще несколько таких девочек. – Как ребятишки?

– Хорошо, милорд, – застенчиво улыбнулась из-под капюшона Лилли. – Я сперва боялась, что у меня молока на двоих не хватит, но они сосут, и оно прибывает.

– Хочу сказать тебе кое-что... не слишком приятное. – Джон чуть не произнес «хочу тебя попросить», но вовремя удержался.

– Про Манса, милорд? Вель умоляла короля его пощадить. Сказала, что пойдет за любого поклонщика и резать его не станет, только бы Манс жил. Небось, Гремучую Рубашку не трогают! Крастер всегда грозился его убить – пусть, мол, только сунется к замку. Манс и половины того не сделал, что он.

«Да... Манс всего лишь хотел захватить страну, которую поклялся оборонять».

– Манс, присягнув Ночному Дозору, сменил плащ, женился на Далле и объявил себя Королем за Стеной. Его жизнь теперь в руках короля Станниса. Мы будем говорить не о нем, а о мальчике – сыне его и Даллы.

– О малыше? – Голос Лилли дрогнул. – Он-то ведь присяги не нарушал. Спит, кричит, грудь сосет, никому зла не делает. Не дайте ей его сжечь. Спасите его!

– Только ты одна можешь его спасти, Лилли, – сказал Джон и объяснил как.

Другая на ее месте раскричалась бы, стала ругаться, послала бы его в семь преисподних. Другая била бы его по щекам, лягалась, норовила глаза ему выцарапать. Другая отказала бы наотрез.

– Нет, – пролепетала Лилли. – Прошу вас, не надо так.

– Нет! – заорал ворон.

– Если откажешься, ребенка сожгут. Не завтра, не послезавтра, но скоро... как только Мелисандре захочется пробудить дракона, поднять бурю или сотворить еще какое-то колдовство, для которого потребна королевская кровь. Манс к тому времени станет пеплом, вот она и бросит в огонь его сына, а Станнис ни слова не скажет ей поперек. Если не увезешь мальчика, он погибнет.

– Давайте я увезу их обоих – и Даллиного, и своего. – У Лилли по щекам тихо катились слезы – без свечи Джон нипочем не узнал бы, что она плачет. Жены Крастера, как видно, учили своих дочерей плакать в подушку – или уходить подальше от дома, где отцовский кулак не достанет.

– Если возьмешь обоих, люди королевы погонятся за тобой и вернут назад. Мальчика все равно сожгут, и ты сгоришь вместе с ним. – Нельзя сдаваться, иначе она подумает, что Джона тронули ее слезы. Он должен проявить твердость. – Ты возьмешь одного мальчика: сына Даллы.

– А мой как же? Мать, бросившая сына, будет навеки проклята! Мы так хотели его спасти, Сэм и я. Прошу вас, милорд. Мы так долго несли его по морозу.

– Замерзать, говорят, не больно, а вот огонь... видишь свечку?

– Да... вижу.

– Протяни над ней руку.

Лилли, чьи карие глаза заняли пол-лица, не двинулась с места.

– Ну же. Давай. – «Убей мальчика», – мысленно добавил он.

Она протянула дрожащую руку высоко над огнем.

– Ниже. Ощути его поцелуй.

Лилли опустила руку на дюйм, потом на два. Когда пламя коснулось ее, она отдернула ладонь и расплакалась.

– Смерть в огне – жестокая смерть. Далла умерла, родив сына, но вскармливала его ты. Ты спасла своего ребенка от холода, спаси ее мальчика от костра.

– Тогда она моего сожжет, красная женщина! Раз Даллиного не будет, она отдаст огню моего.

– В твоём нет королевской крови – Мелисандра ничего не достигнет, предав его пламени. Станнис хочет привлечь вольный народ на свою сторону и не станет жечь невинное дитя без веской причины. С твоим мальчиком ничего не случится. Я найду ему кормилицу и выращу его здесь, в Черном Замке. Он будет ездить верхом, охотиться, научиться владеть мечом, топором и луком. Даже грамоту будет знать. – Сэм одобрил бы это. – Когда он подрастет, то узнает, кто его настоящая мать. Захочет найти тебя – вольная ему воля.

– Вы его сделаете вороной. – Лилли утерла слезы маленькой бледной рукой. – Не хочу. Не хочу!

«Убей мальчика», – подумал он.

– Ну так вот тебе мое слово: в тот день, когда сожгут сына Даллы, умрет и твой!

– Умрет, – подтвердил ворон. – Умрет, умрет.

Лилли съезжилась, не отрывая глаз от свечи.

– Можешь идти, – сказал Джон. – Будь готова отправиться в путь за час до рассвета, и чтоб никому ни слова. За тобой придут.

Лилли встала и вышла молча, ни разу не оглянувшись. Джон слышал, как она пробежала по оружейной.

Подойдя закрыть дверь, он увидел, что Призрак, лежа под наковальной, гложет говяжью кость.

– А, вернулся? Давно пора. – Джон снова взялся перечитывать письмо Эймона.

Вскоре явился Сэмвел Тарли с большой стопкой книг. Ворон Мормонта тут же налетел на него, требуя зерен. Сэм взял пригоршню из мешка у двери, и ворон чуть ладонь ему не проклюнул. Сэм взвыл, ворон взлетел, зерно рассыпалось по полу.

– Эта тварь тебя ранила?

Сэм осторожно снял перчатку с руки.

– Ну да. Вот, кровь идет!

– Мы все проливаем кровь за Дозор. Возьми себе перчатки потолще. – Джон ногой подвинул Сэму стул. – Сядь и прочти.

– Что это?

– Бумажный щит.

Сэм медленно начал читать.

– Письмо королю Томмену?

– В Винтерфелле Томмен сражался с моим братишкой Браном на деревянных мечях. Его так закутали, что он походил на откормленного гуся, и Бран его повалил. – Джон подошел к окну, запахнул ставни. Небо было серое, но холодный воздух бодрил. – Теперь Брана больше нет, а пухленький розовощекий Томмен сидит на Железном Троне с короной на золотых кудряшках.

Сэм посмотрел на него как-то странно и хотел, кажется, что-то сказать, но передумал и снова взялся за чтение.

– Здесь нет твоей подписи.

Джон покачал головой:

– Старый Медведь сто раз просил Железный Трон о помощи. В ответ они прислали ему Яноса Слинта. Никакое письмо не заставит Ланнистеров проникнуться к нам любовью – особенно когда до них дойдет весть, что мы помогли Станнису.

– Мы не поддерживаем его мятежа, мы защищаем Стену, и только. Тут так и сказано.

– Лорд Тайвин может не разглядеть разницы. – Джон забрал у Сэма письмо. – С чего ему помогать нам теперь, если он не делал этого раньше?

– Пойдут разговоры, что Станнис выступил на защиту государства, пока Томмен забавлялся со своими игрушками. Дом Ланнистеров это не украсит.

– Смерть и разрушение – вот что я хочу принести дому Ланнистеров. Пятна на его репутации мне мало. «Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств, – вслух прочел Джон. – Свою присягу мы приносим государству, которое сейчас находится под угрозой. Станнис Баратеон поддерживает нас против врага, обитающего за Стеной, хотя мы и не его люди...»

– Так мы ведь и правда не его люди, – поерзав, заметил Сэм. – Верно?

– Я дал Станнису кров и пищу. Отдал ему Твердыню Ночи. Согласился поселить часть вольного народа на Даре. Только и всего.

– Лорд Тайвин сочтет, что и этого много.

– Станнис полагает, что недостаточно. Чем больше ты даешь королю, тем больше он от тебя хочет. Мы идем по ледяному мосту через бездну. Даже одного короля ублажить трудно, а уж двоих едва ли возможно.

– Да, но... если Ланнистеры одержат верх и лорд Тайвин решит, что мы совершили измену, оказав помощь Станнису, Ночному Дозору придет конец. За ним стоят Тиреллы со всей мощью Хайгардена. И он уже победил лорда Станниса однажды, на Черноводной.

– Это всего лишь одно сражение. Робб все свои сражения выигрывал, а голову потерял. Если Станнис сумеет поднять Север...

– У Ланнистеров есть свои северяне, – сказал Сэм, помедлив. – Лорд Болтон и его бастард.

– А у Станниса – Карстарки. Если он заполучит еще и Белую Гавань...

– Если, – подчеркнул Сэм. – Если же нет... то даже бумажный щит лучше, чем совсем никакого.

– Пожалуй. – И Сэм туда же. Джон почему-то надеялся, что его друг рассудит иначе, чем Эймон. «Э, что там... это всего лишь чернильные каракули на пергаменте». Джон взял перо и поставил подпись. – Давай воск. – Сэм заторопился, боясь, что друг передумает. Джон приложил к воску печать лорда-командующего и вручил письмо Сэму. – Отнеси мейстеру Эймону, когда будешь уходить, и вели ему послать птицу в Королевскую Гавань.

– Хорошо, – с заметным облегчением сказал Сэм. – Могу я спросить, милорд? Лилли, выходя от тебя, чуть не плакала...

– Вель снова присылала ее просить за Манса, – солгал Джон. Некоторое время они толковали о Мансе, Станниси и Мелисандре из Асшая. Потом ворон, склевав последнее зернышко, каркнул «Крровь», а Джон сказал:

– Я отсылаю Лилли из замка. Вместе с сыном. Надо будет найти другую кормилицу для его молочного брата.

– Можно козьим молоком кормить, пока не найдем. Для ребенка оно лучше коровьего. – Разговор, коснувшийся женской груди, привел Сэма в смущение, и он начал вспоминать о других юных лордах-командующих, живших в незапамятные времена.

– Расскажи лучше что-нибудь полезное. О нашем враге, – прервал его Джон.

– Иные... – Сэм облизнул губы. – Они упоминаются в хрониках, хотя не так часто, как я думал. То есть в тех хрониках, которые я уже просмотрел. Многие еще остались непрочитанными. Старые книги просто разваливаются, страницы крошатся, когда их пытаешься перевернуть. А совсем древние либо уже развалились, либо запрятаны так, что я их пока не нашел... а может, их вовсе нет и не было никогда. Самое старое, что у нас есть, написано после прихода андалов в Вестерос. От Первых Людей остались только руны на камне, поэтому все, что мы якобы знаем о Веке Героев, Рассветных Веках и Долгой Ночи, пересказано септонами, жившими тысячи лет спустя. Некоторые архимейстеры Цитадели подвергают сомнению всю известную нам древнюю историю. В ней полно королей, правивших сотни лет, и рыцарей, совершавших подвиги за тысячу лет до первого появления рыцарей... ну ты сам знаешь. Брандон Строитель, Симеон Звездный Глаз, Король Ночи. Ты считаешься девятьсот девяносто восьмым командующим Дозора, а в древнейшем списке, который я раскопал, значится шестьсот семьдесят четыре имени – стало быть, его составили...

– Очень давно. Так что же Иные?

– Я нашел упоминание о драконовом стекле. В Век Героев Дети Леса каждый год дарили Ночному Дозору сотню обсидиановых кинжалов. Иные приходят, когда наступают холода, а может, это холода наступают, когда приходят они. Иногда они сопутствуют метели и исчезают, когда небеса проясняются. Они прячутся от солнца и являются ночью... или ночь приходит на землю следом за ними. В некоторых сказаниях они ездят верхом на мертвых животных: на медведях, лютоволках, мамонтах, лошадях – им все равно, лишь бы мертвые были. Тот, что убил Малыша Паула, ехал на мертвом коне, так что это по крайней мере верно. Порой в текстах встречаются гигантские ледяные пауки – не знаю, что это. Людей, павших в бою с Иными, следует сжигать, иначе мертвые восстанут и будут делать то, что прикажут они.

– Все это мы уже знаем. Вопрос в том, как с ними бороться.

– Большинство обычных клинков бессильно против брони Иных, если верить легендам, а их собственные холодные мечи легко крушат сталь. Но огонь их пугает, а обсидиан может убить. В одном предании о Долгой Ночи говорится, что некий герой убивал Иных мечом из драконовой стали. Против нее они будто бы тоже устоять не могут.

– Драконова сталь? Валирийская?

– Я тоже сразу так и подумал.

– Значит, если я просто уговорю лордов Семи Королевств отдать нам свои валирийские клинки, мир будет спасен? Не так уж и трудно. – «Не труднее, чем уговорить их расстаться с замками и монетой», – с невеселой усмешкой подумал Джон. – Не можешь ли ты сказать, откуда эти Иные взялись и чего им надо?

– Пока еще нет, но я, может быть, просто читал не те книжки. Там есть сотни таких, куда я даже не заглянул. Дай мне время, и я разыщу все, что только возможно.

– Нет у нас времени. Собирай вещи, Сэм – ты поедешь вместе с Лилли.

– Поеду? – опешил Сэм. – Куда, в Восточный Дозор? Или...

– В Старомест.

– В Старомест! – чуть ли не взвизгнул Сэм.

– Эймон тоже едет с вами.

– Эймон? Как же так... ведь ему сто два года! И кто будет ходить за воронами, если мы с ним оба уедем? Лечить больных или раненых?

– Клидас. Он много лет провел рядом с Эйемоном.

– Клидас всего лишь стюард, и зрение у него плохое. Вам нужен мейстер. Притом Эйемон так стар. Путешествие по морю...

– Я понимаю, что это опасно для его жизни, Сэм, но здесь ему оставаться опаснее. Станнис знает, кто такой Эйемон. Если красной женщине для ее чар нужна королевская кровь...

– Ох, – побледнел Сэм.

– В Восточном Дозоре к вам присоединится Дареон. Надеюсь, что его песни помогут вам завоевать кого-нибудь из южан. Если ты все еще намерен выдать ребенка Лилли за своего бастарда, отправь ее в Рогов Холм. Если нет, Эйемон пристроит ее в Цитадель служанкой.

– Мой б-бастард... Да, мать и сестры помогут Лилли с ребенком, но Дареон может проводить ее до Староместа не хуже, чем я. Я учился стрелять с Ульмером, как ты приказывал, если, конечно, не сидел в подземелье, ведь ты сам велел мне найти что-нибудь про Иных. От лука у меня плечи болят, а на пальцах волдыри появляются. – Сэм показал Джону руку. – Но я все равно стрелял. Теперь я почти всегда попадаю в мишень, хотя и остаюсь худшим стрелком на свете. А вот рассказы Ульмера мне нравится слушать. Кто-нибудь должен собрать их и записать в книгу.

– Вот и займись этим. Пергамент и чернила, думаю, в Цитадели найдутся... как и луки со стрелами. Я хочу, чтобы ты продолжал свое учение, Сэм. В Дозоре сотни людей, способных пустить стрелу, но очень мало таких, кто умеет читать и писать. Я хочу, чтобы ты стал моим новым мейстером.

– Но моя работа здесь... книги...

– Они подождут твоего возвращения.

Сэм поднес руку к горлу.

– Милорд... В Цитадели заставляют резать трупы. И потом, я не смогу носить цепь.

– Ты будешь ее носить. Мейстер Эйемон стар, слеп, и силы его на исходе. Кто займет его место, когда он умрет? Мейстер Маллин из Сумеречной Башни больше воин, чем ученый, мейстер Хармун из Восточного Дозора чаще бывает пьяным, чем трезвым.

– Если ты попросишь у Цитадели еще мейстеров...

– И попрошу. Лишним никто не будет. Заменить Эйемона Таргариена не так-то просто. – Все шло не так, как задумал Джон. Он знал, что с Лилли придется трудно, но предполагал, что Сэм будет только рад сменить холодную Стену на тепло Староместа. – Я был уверен, что тебе это понравится. В Цитадели столько книг, что ни одному человеку за всю жизнь не прочесть. Тебе там хорошо будет, Сэм. Я знаю.

– Нет. Читать я люблю, но мейстер должен был целителем, а я крови боюсь. – В подтверждение Сэм показал Джону свою дрожащую руку. – Я Сэм Боязливый, а не Сэм Смертоносный.

– Ну чего тебе там бояться? Что старики-наставники тебя пожурят? Ты выдержал на Кулаке атаку упырей, Сэм, атаку оживших мертвецов с черными руками и ярко-синими глазами. Ты убил Иного!

– Его д-драконово стекло убило, не я.

– Успокойся, – отрезал Джон. Страхи толстяка после разговора с Лилли вызывали у него злость. – Ты врал и строил козни, чтобы сделать меня лордом-командующим, так что теперь изволь меня слушаться. Ты поедешь в Цитадель, выкуешь свою цепь, и если для этого понадобится резать трупы, ты будешь их резать. Староместские мертвецы возражать по крайней мере не станут.

– Ты не понимаешь. М-мой отец, лорд Рендилл, он, он... Мейстер всю жизнь обязан *служить*. Никто из сыновей дома Тарли не наденет на себя цепь. Мужчины Рогова Холма не кланяются и не прислуживают мелким лордам. Я не могу послушаться своего отца, Джон.

«Убей мальчика, – мысленно сказал Джон. – И в нем, и в себе. Убей обоих, чертов бастард».

– Нет у тебя отца. Только братья. Только мы. Поэтому ступай уложи в мешок свои подштанники и прочее, что захочешь взять в Старомест. Вы отправитесь в путь за час до рассвета. Вот тебе еще приказ: не смей с этого дня больше называть себя трусом. За прошлый год ты пережил такое, что другой за всю жизнь не испытает. Ты должен явиться в Цитадель как брат Ночного Дозора. Я не могу приказать тебе быть храбрым, но приказать не показывать своего страха могу. Ты дал присягу, Сэм, – помнишь?

– Я... я попробую.

– Никаких проб. Ты выполнишь приказ, вот и все.

– Приказ, – подтвердил ворон Мормонта, захлопав черными крыльями, и Сэм как-то сразу обмяк.

– Слушаюсь, милорд. А мейстер Эймон уже знает?

– Мы с ним задумали это вместе. – Джон открыл перед Сэмом дверь. – Здесь прощаться не будем. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше. За час до рассвета у кладбища.

Сэм улетучился, не уступая в быстроте Лилли.

Джон устал и хотел спать. Половину минувшей ночи он сидел над картами, писал письма и строил планы вместе с мейстером Эймоном. Даже когда он улегся наконец на свою узкую койку, сон пришел далеко не сразу. Зная, что ему предстоит сегодня, Джон все время вспоминал то, что напоследок сказал ему Эймон.

«Позвольте дать вам последний совет, милорд. Тот самый, который я дал своему брату, расставаясь с ним навсегда. Ему было тридцать три, когда Великий Совет избрал его королем. Он имел уже собственных сыновей, но в чем-то еще оставался мальчиком, невинным и очень добрым. Мы все любили его за это. „Убей в себе мальчика, – сказал я, садясь на идущий к Стене корабль. – Государством должен править мужчина – Эйгон, а не Эг. Убей мальчика и дай мужчине родиться“. – Старик ощупал лицо Джона. – Тебе вполтину меньше, чем было Эгу тогда, и ноша твоя, боюсь, еще тяжелее. Твоя должность не принесет тебе радости, но я верю, что ты найдешь в себе силы сделать то, что должно быть сделано. Убей мальчика, Джон Сноу. Зима вот-вот настанет. Убей мальчика и дай мужчине родиться».

Джон надел плащ и начал свой ежедневный обход. Он расспрашивал часовых, получая сведения из первых рук, заходил на стрельбище к Ульмеру, толковал с людьми короля и людьми королевы, поднимался на Стену, оглядывал лес. Призрак трусил рядом, как белая тень.

Стену караулил Кедж Белоглазый, прослуживший в Дозоре тридцать из своих сорока с лишним лет. Один глаз у него был слепой, другой смотрел злобно. В глуши, верхом на пони и с топором в руке, он был ничуть не хуже других разведчиков, но с людьми ладил плохо.

– Все спокойно, – сказал он Джону. – Докладывать не о чем, кроме заплутавших разведчиков.

– Заплутавших? Как это?

Кедж ухмыльнулся.

– Двое рыцарей час назад выехали на юг по Королевскому тракту. Ну Дайвин и сказал: дураки, мол, не в ту сторону едут.

– Понятно, – сказал Джон и пошел к самому Дайвину. Старый лесовик ел ячменную похлебку в казарме.

– Точно, милорд. Хорп и Масси. Говорят, их Станнис послал, а куда, зачем и когда вернуться – молчок.

Сир Ричард Хорп и сир Джастин Масси – люди королевы и советники короля. Если бы Станнис хотел послать кого-то в разведку, вполне хватило бы вольных всадников; рыцари могут быть скорее гонцами или послами. Коттер Пайк из Восточного Дозора прислал известие, что Луковый Лорд и Салладор Саан отплыли в Белую Гавань на переговоры с лордом Ман-дерли, – ничего удивительного, если Станнис отправил куда-то других послов. Его величество не из числа терпеливых.

Вернутся ли эти заплутавшие, вот вопрос. Они, конечно, рыцари, но Север им незнаком. Вдоль Королевского тракта много глаз, и не все они дружеские. Джона, впрочем, это не касается. Пусть Станнис секретничает – Джон, видят боги, тоже не без греха.

Призрак этой ночью спал у него в ногах, и Джон в кои веки не приснился себе в шкуре волка, но кошмар ему все же привиделся. Лилли, рыдая, умоляла не трогать ее детей, но он выхватил у нее младенцев, обезглавил, поменял головы местами и велел ей пришить их обратно.

Когда он проснулся, над ним высился Скорбный Эдд.

– Пора, милорд. Час волка. Вы наказывали вас разбудить.

Джон откинул одеяло.

– Принеси горячего что-нибудь.

Он успел одеться к возвращению Эдда с дымящейся чашкой. Ожидая подогретого вина, Джон с удивлением глотнул жидкий бульон с запахом морковки и лука-порея при отсутствии того и другого. В волчьих снах он ощущал запах и вкус гораздо сильнее: Призрак жил более полной жизнью. Пустую чашку Джон оставил на горне в кузнице.

У двери нес караул Кегс.

– Приведи ко мне Бедвика и Яноса Слинта, как рассветет, – сказал ему Джон.

Мир за дверью был темен и тих. Мороз пока еще не грозил смертью: когда взойдет солнце, станет теплей, и Стена по милости богов начнет плакать. Отъезжающие уже собрались у кладбища. Конвоем из дюжины конных разведчиков командовал Черный Джек Бульвер. В одной тележке лежали сундуки и мешки с припасами на дорогу, в другой, с верхом из вареной кожи, сидел мейстер Эймон – его укутали в медвежий мех, как ребенка. Лилли с красными опухшими глазами стояла рядом с Сэмом, держа на руках мальчика, укутанного не менее тщательно – поди разбери, ее это сын или Даллы. Джон всего несколько раз видел их вместе: сын Лилли постарше, сын Даллы покрепче, но посторонний глаз все равно не отличит одного от другого.

– Лорд Сноу, – окликнул мейстер, – у себя в комнатах я оставил для вас одну книгу, «Яшмовый ларец». Ее автор, волантинский путешественник Коллоквий Вотар, посетил все страны на берегах Яшмового моря. Я велел Клидасу заложить место, которое может показаться вам интересным.

– Непременно прочту, – пообещал Джон.

Мейстер вытер прохудившийся на холоде нос.

– Знание – наше оружие, Джон. Вооружись как следует, прежде чем выступать на битву.

– Хорошо. – Ощувив щекой холодное мокрое прикосновение, Джон поднял глаза. Снег пошел – дурной знак. – Поезжайте как можно быстрее, – сказал он Черному Джеку, – но без толку не рискуйте. У вас на попечении младенец и старец – присмотри, чтобы они были в тепле и ели досыта.

– И о другом малыше позаботьтесь, милорд. – Лилли не спешила садиться в повозку. – Найдите ему кормилицу, как обещали. Найдите хорошую женщину, чтобы мальчик Даллы... маленький принц... вырос большим и сильным.

– Даю слово.

– И смотрите не давайте ему имени, пока два годочка не минует. Дурная это примета – нарекать их, пока они еще грудь сосут. Вы, вороны, можете не знать этого, но это чистая правда.

– Как скажете, госпожа моя.

– Не называйте меня так. Никакая я не госпожа. Я дочь Крастера, жена Крастера – и мать. – Вручив ребенка Скорбному Эдду, Лилли села в тележку, укрылась полостью, дала мальчику грудь. Сэм, покраснев, отвернулся и сел на свою кобылу.

– Тронулись, – скомандовал Бульвер, шелкнув кнутом. Тележки покатались по тракту.

– Прощайте, – сказал Сэм провожающим.

– Счастливо, Сэм, – откликнулся Скорбный Эдд. – Надеюсь, ваш корабль не потонет. Кабы я был на борту, другое дело.

– Первый раз я увидел Лилли у стены Замка Крастера, – вспомнил Джон, – худышку с большим животом. Призрак накинута на ее кроликов – я думал, она боится, что он вспорет ей живот и сожрет младенца. Но бояться ей следовало совсем не волка, верно?

– У нее больше мужества, чем она полагает, – ответил Сэм.

– У тебя тоже. Счастливого тебе пути, Сэм. Позаботься о ней, об Эйемоне и о ребенке. – Тающие на лице снежинки напомнили Джону о прощании с Роббом в Винтерфелле – он не знал тогда, что больше они не увидятся. – И надень капюшон. Ты весь поседел от снега.

Когда маленькая колонна скрылась из виду, восточный небосклон совсем почернел, и снег повалил хлопьями.

– Великан ждет милорда, – напомнил Эдд. – И Янос Слинг тоже.

– Иду. – Джон посмотрел на ледовую громаду Стены. Сто лиг в длину, семьсот футов в высоту. В высоте ее сила, в протяженности – слабость. Отец сказал когда-то, что Стена опирается на людей, которые ее защищают. Храбрости Ночному Дозору не занимать, но слишком их мало для стоящей перед ними задачи.

Великан ждал в оружейной. По-настоящему его звали Бедвик, и ростом он был меньше всех в Дозоре.

– Нам нужно побольше глаз вдоль Стены, – сразу приступил к делу Джон. – Побольше замков, где патрульные смогут погреться, поесть горячего и сменить лошадей. Будешь командовать гарнизоном в Ледовом Пороге.

Великан выковырнул воск из уха.

– Кто, я? Милорд не забыл часом, что я из крестьян и на Стену за браконьерство попал?

– Ты в разведчиках больше десяти лет. Выжил на Кулаке Первых Людей и вернулся назад с докладом о том, что произошло в Замке Крастера. Молодежь на тебя равняется.

– Разве что карлики, – засмеялся Бедвик. – Я и читать не умею, милорд, – имя свое, правда, могу написать.

– Я уже послал в Старомест за мастерами. Для срочных случаев у тебя будут два ворона, а если дело терпит, пришлешь гонца. Я намерен поставить сигнальные маяки вдоль Стены, пока мы не разживемся мастерами и птицами.

– И сколько же несчастных парней будет у меня под началом?

– Двадцать дозорных, десять людей Станниса. – «Раненые, старики и юнцы», – добавил мысленно Джон. – Не лучшие из королевских рядов, и черное они не будут носить, но Станнис им велит тебя слушаться. Хоть маленькая, да польза. Четверо братьев, которых я тебе дам, приехали из Королевской Гавани с лордом Слингом. Следи за ними одним глазком, а другим высматривай скалолазов с той стороны.

– Последить-то можно, милорд, но если на Стену заберется много народу, тридцать человек их не скинут.

«Может, и триста не скинут», – подумал Джон, но вслух этого не сказал. Скалолазы уязвимее всего, пока лезут. Сверху на них бросают камни, копья и горшки с кипящей смолой, а они только и могут что цепляться за лед. Порой кажется, будто сама Стена их стряхивает с себя, точно собака блох. Джон своими глазами видел, как треснула она под Ярлом, возлюбленным Вель.

Но если одичалые взберутся на Стену обнаруженными, все будет совсем по-другому. Укрепившись наверху, они спустят вниз веревки и лестницы для тысяч своих собратьев. Именно так поступил Реймун Рыжебородый, бывший Королем за Стеной во времена прапрадеда Джона. Лордом-командующим тогда был Джек Масгуд – до нашествия одичалых Джек-Весельчак, а после на все времена Джек-Засоня. Войско Реймуна нашло свой кровавый конец на берегах Длинного озера, зажатое между лордом Виллемом из Винтерфелла с одной стороны,

и Хармондом Амбером, Пьяным Гигантом, с другой. Самого Реймуна убил Артос Неумолимый, младший брат обезглавленного в бою лорда Виллема. В гневе и горе он приказал людям Ночного Дозора, опоздавшим на поле сражения, похоронить всех убитых.

Джон не хотел остаться в веках как Сноу-Засоня.

– Лучше тридцать, чем совсем никого, – заметил он Бедвику.

– Это верно. Милорд только в Ледовый форт пошлет гарнизон или в другие тоже?

– Я намерен со временем заселить все, но пока что отправлю людей только в Ледовый Порог и Серый Дозор.

– Кто будет в Сером командовать?

– Янос Слинг. – «Да помогут нам боги». – Полного дурака начальником городской стражи не поставили бы. Слинг хоть и родился от мясника, стал капитаном Железных ворот, а после смерти Манли Стокворта Джон Аррен доверил ему защиту всей Королевской Гавани. – «К тому же его надо убрать подальше от Аллисера Торне».

– Может, оно и так, но я бы его лучше на кухню наладил – резать репу Трехпалому Хоббу.

Джон побоялся бы есть эту репу.

Лорд Янос на зов командующего отнюдь не спешил. Прошла уже половина утра, и Джон чистил Длинный Коготь. Другой на месте Джона поручил бы эту работу стюарду или оруженосцу, но лорд Эддард учил своих сыновей заботливо относиться к оружию. Когда Эдд и Кегс привели к нему Слинга, он поблагодарил их и предложил лорду сесть.

Тот скрестил руки и нахмурил чело, невзирая на обнаженный меч в руках лорда-командующего. Джон, вода масляной тряпицей по играющему при свете утра мечу, думал, как легко было бы отделить безобразную голову Слинга от туловища. Человек, надевая черное, очищается от всех своих преступлений и отрекается от всех прежних союзников, но Джону трудно было смотреть на Яноса как на брата. Их разделяла кровь. Слинг приложил руку к смерти лорда Эддарда и чуть было не расправился с самим Джоном.

– Лорд Янос, – Джон убрал меч в ножны, – я назначаю вас командующим форта Серый Дозор.

– Серый Дозор? – удивился Слинг. – Это там вы перебрались со своими одичалыми через Стену...

– Именно. Крепость в плачевном состоянии, не стану скрывать – вам предстоит восстановить ее по возможности. Начните с вырубki леса. Берите камни из построек, которые совсем развалились, и чините те, что еще стоят. – «Это тяжелый труд, – мог бы добавить Джон. – Будешь засыпать прямо на камне, слишком устав для жалоб и козней; забудешь, что такое тепло, но вспомнишь, быть может, что значит быть мужчиной». – В гарнизоне у вас будет тридцать человек – десять от меня, десять из Сумеречной Башни, десять от короля Станниса.

Слинг потемнел, как чернослив, и затряс мясистыми брылами.

– Думаешь, я не вижу, что ты задумал? Яноса Слинга не проведешь. Я охранял Королевскую Гавань, когда ты еще пеленки марал. Оставь свои руины себе, бастард.

«Я всего лишь хотел оказать тебе милость, – подумал Джон. – Мой отец от тебя ее не дождался».

– Вы неверно меня поняли. Это не предложение, милорд, это приказ. До Серого Дозора сорок лиг. Собирайте оружие и доспехи, прощайтесь с друзьями и будьте готовы отбыть туда завтра, как рассветет.

– Так я тебе и пошел подыхать на морозе. – Янос вскочил, перевернув стул. – Не станет Янос Слинг повиноваться ублюдку изменника! Да, у меня есть друзья – как в Королевской Гавани, так и здесь. Я лорд Харренхолла! Отдай свои развалины кому-нибудь из тех дураков, кто голосовал за тебя, а мне их даром не надо. Слышишь, мальчишка? Я туда не пойду!

– Нет, пойдете.

Слинг, не удостоив его ответом, пнул опрокинутый стул и вышел.

«Он все еще видит во мне мальчишку, – сказал себе Джон. – Ребенка, который уймется, если на него накричать. Остается лишь надеяться, что на следующее утро лорд Янос придет в себя».

Утром выяснилось, что надеялся Джон напрасно.

Слинг завтракал с Аллисером Торне и своими поддипалами. Они смеялись над чем-то, когда Джон сошел в трапезную с Железным Эмметом и Скорбным Эддом. Следом шли Малли, Конь, Рыжий Джек Крэб, Расти Флауэрс и Оуэн Олух. Трехпалый Хобб разливал из котла овсянку. Люди королевы, люди короля и черные братья сидели отдельно. Одни ели кашу, другие набивали животы ветчиной и поджаренным хлебом. За одним столом Джон заметил Пипа и Гренна, за другим Боуэна Мурша. Пахло дымом и жиром, ножи и ложки стучали вовсю.

При появлении Джона все разом умолкли.

– Лорд Янос, – сказал он, – говорю вам в последний раз: отложите ложку и ступайте на конюшню. Я уже велел оседлать вам коня. Путь в Серый Дозор труден и долог.

– Вот и отправляйся туда, мальчуган, – захихикал Слинг, брызгая овсянкой на грудь. – Серый Дозор для таких, как ты, самое место: подальше от порядочных богобоязненных людей. На тебе клеймо зверя, бастард.

– Вы отказываетесь подчиниться приказу?

– Засунь свой приказ в свою бастардову задницу, – посоветовал Слинг, трясая брылами.

Аллисер Торне улыбнулся углами губ, не сводя черных глаз с Джона. За другим столом ржал Годри Победитель Великанов.

– Воля ваша. – Джон кивнул Железному Эммету. – Отведите лорда Слинга к Стене...

«...И заключите его в ледяную камеру», – мог бы сказать Джон. Неделя во льду усмирит Слинга как нельзя лучше – но, выйдя оттуда, он тут же снова начнет злоумышлять вместе с Торне.

«...И привяжите его к седлу», – мог бы сказать Джон. Не хочет ехать в Серый Дозор командиром, пусть едет в качестве повара. Но вскоре он дезертирует – и скольких еще уведет с собой?

– ...И повесьте его, – сказал Джон.

Слинг, побелев, выронил ложку. Эдд и Эммет двинулись к нему, звонко шагая по камню. Боуэн Мурш открыл рот и снова закрыл. Сир Аллисер Торне взялся за меч. «Давай, – подумал Джон. – Доставай. Дай мне случай обнажить свой».

Многие поднялись из-за столов – как южане, так и люди Ночного Дозора. Одни братья голосовали за Джона, другие – за Боуэна Мурша, сира Денниса Маллистера, Коттера Пайка... и Яноса Слинга. Последних, насколько Джон помнил, было несколько сотен – многие ли из них сейчас здесь? Все балансировало на острие клинка.

Аллисер Торне убрал руку и посторонился, пропустив Эдда.

Эдд и Эммет, взяв Слинга под локти, подняли его со скамьи.

– А ну отпустите! – возмутился, брызгая овсянкой, лорд Янос. – Он всего лишь мальчишка, бастард, сын изменника. На нем волчье клеймо. Руки прочь! Вы пожалеете, что осмелились тронуть Яноса Слинга. У меня друзья в Королевской Гавани, предупреждаю... – Он не умолкал ни на миг, пока его волокли вверх по ступеням.

Джон вышел следом, остальные тоже повалили наружу.

У клетки Слинту удалось вырваться, но Эммет взял его за горло и стукнул несколько раз о железные прутья. Вокруг уже собрался весь Черный Замок. Вель смотрела в окно, перекинув золотую косу через плечо, Станнис в окружении рыцарей стоял на крыльце Королевской башни.

– Мальчишка ошибается, думая, что может меня напугать, – клокотал Слинг. – Он не посмеет меня повесить.

У меня есть могущественные друзья... – Остаток его слов унес ветер.

«Нет, – подумал Джон. – Это неправильно».

– Стойте!

– Милорд? – оглянувшись на него, нахмурился Эммет.

– Не стану я его вешать. Ведите его сюда.

– Смилуйтесь, Семеро, – вырвалось у Боуэна Мурша.

Улыбка Яноса Слинта напоминала прогорклое масло.

– Эдд, раздобудь мне плаху, – сказал Джон, вынув Длинный Коготь из ножен.

Увидев, как несут мясную колоду, Янос залез в клеть, но Эммет его мигом вытащил.

– Нет! – кричал Слинг. – Отпусти... вы все поплатитесь, когда Тайвин Ланнистер услышит об этом...

Эммет поставил его на колени у плахи, Эдд уперся ему в спину ногой.

– Ведите себя смирно, – сказал Джон. – Вы все равно умрете, только мучиться дольше будете. Положите голову как следует. – Высоко занесенный меч сверкнул на бледном утреннем солнце. – Если хотите что-то сказать, теперь самое время.

Он ожидал проклятий, но Слинг залепетал, глядя ему в глаза:

– Умоляю, милорд... Пощадите. Я согласен, согласен...

«Поздно», – подумал Джон, и меч опустился.

– Можно мне его сапоги взять? – спросил Оуэн Олух, когда голова Слинта упала в грязь. – Новые почти, на меху.

Джон на миг встретился глазами со Станнисом. Король кивнул и ушел в свою башню.

Тирион

Он проснулся в одиночестве. Носилки стояли, на подушках остался отпечаток тела Иллирио. В пересохшем горле саднило. Ему что-то снилось, но он забыл что.

Снаружи переговаривались на незнакомом ему языке. Тирион спустил ноги, спрыгнул. Над Иллирио возвышались два всадника в кожаных рубашках и плащах из темно-коричневой шерсти. Их мечи оставались в ножнах, и толстяку, похоже, ничего не грозило.

– Я по нужде. – Тирион сошел с дороги, развязал бриджи и стал поливать колючий кустарник. Продолжалось это довольно долго.

– Ну, ссать он мастер, во всяком разе, – заметил кто-то.

– Это что, – сказал Тирион, завязывая тесемки, – видели бы, как я сру. Ты знаешь этих двоих, магистр? На разбойников смахивают. Может, топор достать?

– Топор? – повторил дюжий ярко-рыжий всадник с растрепанной бородой. – Слышал, Хелдон? Человечек хочет сразиться с нами!

Второй был постарше, с чисто выбритым аскетическим лицом и стянутыми в хвост волосами.

– Маленькие люди часто хвастаются, чтобы придать себе мужества, – сказал он. – Утку он, думаю, не убьет.

– Подавайте сюда утку – увидите.

– Как скажешь. – Тот, что постарше, посмотрел на своего спутника, и рыжий, обнажив меч, сказал:

– Я и есть Утка, болтун писучий.

«Боги!»

– Предпочел бы утку поменьше.

– Слышал, Хелдон? – заржал рыжий. – Поменьше бы предпочел!

– Он поменьше, а я потише. – Хелдон, оглядев Тириона холодными серыми глазами, спросил Иллирио: – Для нас есть что-нибудь?

– Сундуки и мулы, которые их повезут.

– Мулы слишком медленно тащатся. У нас лошади, перенесем сундуки на них. Займись, Утка.

– Вечно Утка. – Рыжий спрятал меч в ножны. – Кто тут рыцарь, ты или я? – Высказав свое недовольство, он зашагал к мулам.

– Как наш парень? – спросил Иллирио. Дубовые, окованные железом сундуки Утка таскал, взваливая их себе на плечо. Тирион насчитал шесть штук.

– С Гриффа вымахал. На днях кинул Утку в поилку для лошадей.

– Ничего он не кинул. Я сам упал, чтоб его насмешить.

– Твоя шутка имела успех – я тоже смеялся.

– В одном из сундуков для него есть подарок, засахаренный имбирь. Мальчик его любит, – с непонятной Тириону грустью сказал Иллирио. – Поеду, пожалуй, с вами до Гойан Дроэ – устроим прощальный пир.

– Недосуг пировать, милорд. Грифф отправится вниз, как только дождется нас. Снизу идут недобрые вести. У Кинжального озера замечены дотракийцы из кхаласара старого Мото, а следом, через Квохорский лес, движется Зекко.

Толстяк изобразил неприличный звук.

– Зекко каждые три года навещает Квохор. Там ему дают мешок золота, и он поворачивает обратно. А у Мото почти нет воинов моложе его самого – их с каждым годом все меньше. Угроза не в них...

– ...а в Поно, – закончил Хелдон. – Мото и Зекко, если слухи правдивы, бегут как раз от него. В последний раз Поно видели у истоков Селхору с тридцатитысячным кхаласаром, вот Грифф и опасается, как бы кхал его не застукал на переправе. Твой карлик ездит верхом не хуже, чем ссыт?

– Ездит, – ответил Тирион, – но в особом седле и на лошади, которую хорошо знает. Говорить он тоже умеет.

– Ну-ну. Я Хелдон, целитель в нашем маленьком братстве. Иногда меня зовут Полумейстером. А мой напарник – сир Утка.

– Сир Ройли, – поправил рыжий. – Ройли Уткелл. Рыцарь может посвятить в рыцари кого хочет – Грифф посвятил меня. А ты, карлик, кто?

– Его зовут Йолло, – быстро ответил Иллирио.

Йолло? В самый раз для обезьянки. Хуже того, имя пентосское, хотя всякому дураку видно, что Тирион вовсе не пентошиец.

– Это в Пентосе я так называюсь, – сказал он, предупреждая возможные замечания. – Мать нарекла меня Хугор Хилл.

– Так кто ж ты, бастард или царь?

С этим Хелдоном Полумейстером ухо надо держать остро.

– Всякий карлик – бастард в глазах своего отца.

– Не сомневаюсь. Ответь-ка мне, Хугор Хилл: как Сервин Зеркальный Щит победил дракона Урракса?

– Заслонился щитом. Урракс видел только свое отражение, и Сервин вонзил копьё ему в глаз.

– Это даже Утка знает. А можешь ли ты назвать рыцаря, который применил ту же уловку к Вхагару во время Пляски Драконов?

– Сир Бирен, – ухмыльнулся Тирион. – Потом его поджарили за труды, только убил он Сиракс, а не Вхагара.

– Боюсь, ты ошибаешься. Мейстер Манкен в «Подлинной истории Пляски Драконов» пишет, что...

– ...что это был Вхагар, но ошибается он, а не я. Оруженосец сира Бирена видел, как погиб его господин, и написал о том его дочери. В письме говорится, что это была Сиракс, дракон Рейениры, и смысла в этом больше, чем в версии Манкена. Сванн был сыном марочного лорда, Штормовой Предел поддерживал Эйегона, на Вхагаре летал брат Эйегона принц Эйемонд. Зачем бы Сванн стал убивать Вхагара?

– Постарайся не свалиться с коня, – поджал губы Хелдон, – а если свалишься, сразу трюхай обратно в Пентос. Наша робкая дева не ждет ни карликов, ни рослых мужчин.

– Люблю робких – и бойких тоже. Скажи, куда отправляются шлюхи?

– Я похож на человека, который их посещает?

– Где ему, – засмеялся Утка. – Лемора его заругает, парень захочет пойти вместе с ним, Грифф отрежет ему хрен и засунет в глотку.

– Ну и что ж. Мейстеру хрен не нужен.

– Он всего только полумейстер.

– Раз этот карлик так тебя забавляет, пусть он и едет с тобой, – сказал Хелдон, поворачивая коня.

Когда Утка погрузил сундуки Иллирио на трех лошадей, Хелдон успел скрыться из глаз. Сев на свою лошадь, сир Ройли сгреб Тириона за ворот и посадил впереди себя.

– Держись крепче, и все будет ладно. У кобылы ход ровный, драконья дорога гладкая, как девичий задок. – С этими словами он пустил лошадь рысью.

– Удачи вам! – крикнул вслед Иллирио. – Скажи мальчику: я сожалею, что не смогу быть у него на свадьбе. Встретимся в Вестеросе! Клянусь в том руками моей милой Серры.

Тирион оглянулся. Иллирио Мопатис стоял у носилок, ссутулив могучие плечи. С каждым мигом он удалялся, делаясь почти маленьким в клубах пыли.

Через четверть мили они нагнали Хелдона Полумейстера и поехали бок о бок с ним. Тирион держался за высокую луку седла. Ногам было неудобно: в недалеком будущем его ждали судороги и стертые ляжки.

– Любопытно, что сделают с нашим карликом пираты Кинжального озера? – сказал Хелдон.

– На похлебку пустят, – предположил Утка.

– Хуже всех там Уро Немытый, – сообщил Хелдон. – Одной своей вонью может человека убить.

– Я, к счастью, безносый, – сказал Тирион.

– Если мы у Ведьминых Зубов повстречаемся с леди Коррой, можешь лишиться и других частей тела. Ее прозвали Коррой Жестокой. Команда у нее сплошь из юных красавиц, и они кастрируют всех мужиков, которые им попадутся.

– Ужас. Сейчас штаны намочу.

– Лучше не надо, – мрачно предостерег Утка.

– Как скажешь. При встрече с леди Коррой я мигом надену юбку и скажу, что я Серсея, знаменитая бородатая красотка из Королевской Гавани.

Утка на это засмеялся, а Хелдон сказал:

– И забавник же ты, малыш Йолло. Говорят, Лорд-Покойник награждает всех, кто сумеет его рассмешить, – авось и тебе найдется местечко среди каменного двора его серой милости.

– Не годится над ним шутить так близко от Ройна, – забеспокоился Утка. – Он слышит.

– Утиным клювом глаголет мудрость. Не бледней так, Йолло, это я к слову. Горестный Принц серые поцелуи так просто не раздаст.

Серый поцелуй... прямо мурашки по коже. Смерти Тирион больше не боялся, а вот серая хворь... «Это всего лишь легенда, – сказал он себе, – вроде призрака Ланна Мудрого, который будто бы является в Бобровом Утесе», – но язык все-таки придержал.

Утка, не замечая внезапной молчаливости карлика, стал рассказывать ему историю своей жизни. Отец его был оружейником у Горького Моста; родился он под звон стали и с ранних лет учился владеть мечом. Лорд Касвелл взял его в свою гвардию, но парню хотелось большего: он видел, как хилый сын лорда стал пажом, оруженосцем, а там и рыцарем.

– Глиста глистой, зато единственный сын, кроме четырех дочек, – старый лорд не позволял о нем слова худого сказать. Другие оруженосцы на учебном дворе пальцем его тронуть не смели.

– Но ты был не столь послушен. – Тирион уже догадывался, чем закончится эта история.

– В шестнадцать лет отец выковал мне длинный меч, а Лорент его забрал – папаша не осмелился ему отказать. Я жаловаться, а Лорент мне: тебе, мол, молот держать, а не меч. Ну, я взял в кузне молот и отделал его – переломал половину ребер и обе руки. После этого я, в большой спешке покинув Простор, переправился через море и вступил в отряд Золотых Мечей. Сколько-то лет был у кузнеца в подмастерьях, пока сир Гарри Стрикленд меня в оруженосцы не взял. Потом Грифф прислал весть, что ему нужен человек обучать его сына военному мастерству, и Гарри выбрал меня.

– А Грифф посвятил тебя в рыцари.

– Ага, год спустя.

– Расскажи нашему дружку, как получил свое имя, – с ехидной улыбкой предложил Хелдон.

– У рыцаря должно быть, кроме нареченного, и родовое имя. После обряда посвящения я поглядел вокруг, увидел уток, ну и... чур не смеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.